

ОПАЛЁННЫЕ ВОЙНОЙ

ДЕТИ ВОЙНЫ И ПОБЕДЫ

Саров
2018

УДК 94(47).084.8:908(470.341)
ББК 63.3(2Рос-4Ниж)622
Д38

Сборник: «Опалённые войной. Дети войны и Победы» – продолжение предыдущих изданий Саровской городской общественной организации (СГОО) «Дети войны» – «Дети войны и Победы. Опалённые бедой» (2016 г., тираж 250 экз. и ещё по 100 экз. в 2017 и 2018 г.г.) и «Наше дело правое. Ядерный щит России детям 21-го века от детей войны и Победы» (2017 г., тираж 200 экз.). Создание сборников воспоминаний детей войны (ВДВ) о Великой Отечественной войне (ВОВ) предусмотрено в плане работы Общероссийской общественной организации «Дети войны» как проект «Детство опалённое войной».

Цель деятельности СГОО «Дети войны» – информационное участие в патриотическом воспитании российской молодёжи с развитием преемственности поколений победителей для обеспечения безопасности России, в т.ч. информационной, в условиях новой холодной войны 21-го века. В новый Сборник вошли опубликованные в газетах г. Саров 34 новые статьи ВДВ немногих из 6,5 тыс. саровчан – ныне здравствующих детей войны и Победы 1928-1945 г.р. (73 года и старше), за которых шли на гибель их отцы, а в тылу матери надрывались от неимоверно тяжёлых условий жизни. Активисты СГОО «Дети войны» совместно с департаментом образования г. Саров проводят также беседы со школьниками на тему «Лучше бы не было войны». Школьникам 21 века вместе с их учителями предстоит не допустить возникновения новых «горячих» войн, сделать родную Россию процветающей и богатой, сильной и уважаемой в мире державой, вызывающей гордость россиян.

УДК 94(47).084.8:908(470.341)
ББК 63.3(2Рос-4Ниж)622

© Саровская городская общественная организация (СГОО) «Дети войны»
© Информационно-издательское агентство «Саров»

ГИМН

Общероссийской общественной организации «ДЕТИ ВОЙНЫ»

Мы – дети, пережившие войну,
Мы – дети, побывавшие в плену,
Мы – дети, защищавшие страну,
Страну великую, на всех – одну.

Мы были взрослыми не по годам,
Хоть лет тогда немного было нам.
Мы испытали ужасы войны:
Блокаду, голод и мороз зимы.

Мы – дети, пережившие войну,
Мы – дети, побывавшие в плену,
Мы – дети, защищавшие страну,
Страну великую, на всех – одну.

Теряли мы отцов и матерей,
В глаза смотрели тысячам смертей...
Мы – здесь. А сколько приняла земля
Невинных душ, не ведавших тепла?!

Мы – дети, пережившие войну,
Мы – дети, побывавшие в плену,
Мы – дети, защищавшие страну,
Страну великую, на всех – одну.

Взгляните в небо ночью при луне,
Там ярко светят звёзды в вышине,
Там наши братья – Родины сыны,
Родные, не пришедшие с войны.

Мы – дети, пережившие войну,
Мы – дети, побывавшие в плену,
Мы – дети, защищавшие страну,
Страну великую, на всех – одну.
Мы – дети, защищавшие страну,
Страну великую, на всех – одну.

«Они помнят. Сейчас уже и не сказать, что в воспоминаниях детей войны – их личное, а что – напластования, услышанные позднее. Важно ли это? Вряд ли. Дети войны пережили ее. Они помнят – и нам не дадут забыть о молчаливом подвиге непосильной работы в тылу, об изнурительном голоде, о стылом ожидании вестей с фронтов. О без времени увядших матерях, об умерших и потерянных братишках и сестрёнках. Спасибо им – они помнят».

Татьяна Криницкая

Задачи СГОО «Дети войны»

Согласно рассекреченным данным Госплана СССР, смертность военнослужащих и гражданского населения в тылу за время Великой Отечественной могла составить более 10 млн. 833 тыс. человек, из них **5 млн. 760 тыс. – умерших детей в возрасте до 4-х лет.**

Только на захваченной территории Советского Союза фашистские оккупанты расстреляли, задушили в газовых камерах, сожгли, повесили **1,7 млн. человек, в т.ч. 600 тысяч детей.** Всего же в концлагерях погибло около **5 млн.** советских граждан.

*Люди! Пока сердца стучатся – помните!
Какою ценой завоёвано счастье, пожалуйста помните!*

Р. Рождественский

Глава г. Саров А.М. Тихонов 01.06.2017 г.:

«Дети войны – особая категория людей, которым мы должны отдать дань уважения за то, что они пережили все тяготы войны, восстанавливали, поднимали страну в тяжелые послевоенные годы и создали такое хозяйство, которое до сих пор нам служит».

Саровская городская общественная организация «Дети войны» (СГОО «Дети войны») была учреждена 20 мая 2014 г. По состоянию на 01 июня 2014 г. в г. Саров числилось 8258 детей войны 1928-1945 годов рождения. На 01.03.2018 г. в Сарове осталось 6520 детей войны, которым 73 года и старше, и 53 участника Великой Отечественной Войны.

Устав СГОО «Дети войны» согласован Нижегородским региональным отделением НРО «Дети войны» и утверждён Постановлением общего собрания 01.06.2017 г.

1 июня 2017г. общее собрание социально-ориентированной СГОО «Дети войны» определило наши основные задачи:

1) «активизировать работу с городской думой и городской администрацией по социально-ориентированным видам деятельности СГОО «Дети войны» с патриотическим воспитанием молодёжи;

2) продолжить беседы со школьниками о жизни детей во время ВОВ, работу по сбору и публикации в СМИ воспоминаний детей войны для подготовки издания второй книги воспоминаний детей войны (ВДВ) города Саров;

3) ходатайствовать перед руководством города о социальной поддержке остро нуждающихся детей войны».

На собрании выступил почётный гражданин г. Сарова, заслуженный учитель России **Анатолий Николаевич Зубилин**, который также пережил войну, будучи ребёнком. Он пожелал, чтобы «нашим детям, внукам и правнукам не довелось побывать в тех условиях, в которых жили мы», и заявил, что если мы не захотим повторения украинской трагедии в нашей стране, работа по патриотическому воспитанию с подрастающим поколением должна проводиться, несмотря ни на что.

«Не могу не сказать о той удивительной жизненной силе, которую проявили в трудные военные и послевоенные годы наши матери. На их долю выпало не меньше испытаний, чем легло на плечи воинов-защитников страны. Их вклад в будущее, а им всегда являются дети, просто неоценим» – обратил внимание почётный гражданин г. Сарова **Ю.К. Завалишин**.

ЕГО ТАЛАНТ И ПРИНЦИПИАЛЬНОСТЬ

К 85-летию А.В. Веселовского

Толя Веселовский родился 85 лет назад 14 марта 1933 года в г. Гороховце Владимирской области. Пережил лихолетье Великой Отечественной войны. С 1956 г. более 50 лет отработал испытателем ядерного оружия. Лауреат Государственной премии СССР, награжден двумя орденами Трудового Красного знамени, рядом медалей и отраслевых нагрудных знаков. Написал и издал в 1999 г. книгу «Ядерный щит. Записки испытателя ядерного

оружия», которая рассказала массовому читателю о буднях испытателей ядерных зарядов и ядерного оружия, о трудностях в проведении испытаний, о самоотверженности и беспредельной преданности избранному делу сотрудников РФЯЦ-ВНИИЭФ.

Академик РАН **Е.А.Негин** так писал об А.В. Веселовском в отзыве на его книгу «Ядерный щит»: *«Его талант инженера, принципиальность в технических и организационных вопросах, мягкость, контактность, честность и юмор – все это способствовало тому, что именно ему институт доверял представлять и защищать наши интересы в многочисленных межве-*

домственных и государственных комиссиях самого высокого ранга».

После выхода на пенсию в 2009 г. Анатолий Васильевич активно занят патриотической общественной деятельностью в советах ветеранов города и РФЯЦ- ВНИИЭФ. С 2014 г. он – председатель правления Саровской городской общественной организации (СГОО) «Дети войны», председатель редколлегии издаваемых этой организацией книг, почётный ветеран РФЯЦ-ВНИИЭФ, удостоен почётных званий «Заслуженный ветеран г. Саров» в 2016 г. и «Заслуженный ветеран Нижегородской области» в 2018 г.

*«Мы верим, что взойдёт она, –
Звезда пленительного счастья
И на обломках олигарховластья
Возможно вспомнят наши имена!*

*А это значит – надо жить
И укреплять страну и не тужить!
Не поддаваться на обманы
Речей красивых чёрного Обамы».*

А.В. Веселовский
14 марта 2018 г.

Первоочередные меры патриотического воспитания

Политик Сергей Миронов в 2016 г. предложил пять первоочередных мер патриотического и духовно-нравственного воспитания:

*«1) Надо срочно возвращать патриотическое воспитание в российскую школу и в целом в нашу систему образования; 2) Для работы на ниве патриотизма на полную мощь должен быть задействован российский культурный потенциал, в т.ч. с профилактикой экстремизма и др. радикальных идеологий; 3) Надо продолжать укреплять историческую память о свершениях российского народа, о наших ветеранах, «детях войны»; 4) Барометром патриотических настроений в России должно быть отношение к армии, **«Есть такая профессия – Родину защищать»**; 5) Надо воспитывать молодёжь на примерах выдающихся, отважных, мужественных, блестящих, талантливых ученых, военных, инженеров, учителей, врачей, рабочих, сельских тружеников, работников культуры и просвещения, журналистов и всех патриотов, кому **«За державу обидно!»**.*

*«У времени свои законы жёсткие,
И я не понимаю, почему*

*На встречах с современными подростками
Всё чаще вспоминаю про войну.*

*Уходит поколение вчерашнее,
Пополнив вековой «культурный слой».*

На долю им досталось время страшное:
Нет выбора, и нет судьбы иной.

Их молодость войною перечеркнута,
И «зебра» жизни растеряла цвет –

Полоска оставалась только черная
На несколько военных страшных лет.

А после – тоже беды и страдания...
И в старости покоя лишены,

Они твердят как будто заклинание:
«Да ладно, лишь бы не было войны».

<http://www.neizvestniy-geniy.ru/cat/literature/stihi/491877.html>

Нужно продолжать!

«Инициатива общества «Дети войны» очень светлая и добрая. Книга удалась, но она не окончена, скорее, только начата. Её стиль и направленность открывают возможность собрать самые яркие – на всю жизнь! – детские воспоминания простых людей с различными судьбами о военном и послевоенном времени. Даже из столь небольшой толики опубликованных воспоминаний видно, что в то тяжёлое время дети быстро становились верными помощниками старших, рано взрослели, по-взрослому переносили все невзгоды войны и разрухи. Стремилась скорее быть полезными обществу, рано начали работать в колхозах или на производстве, так же, как и вся страна: **«Всё для фронта, всё для победы!»**

Дети войны бесконечно гордились фронтовиками. Вместе с тем они всегда чувствовали себя (хоть чуть-чуть) причастными к Великой Победе. К нашей общей Победе.

Книга воспоминаний о военном детстве стала возможной и является ярким свидетельством того, что **преимущество поколений-победителей и послевоенного-состоялась!** Именно это явилось решающим фактором успешного восстановления народного хозяйства, развития экономики, науки и культуры, укрепления оборонной мощи нашей страны.

*Поэтому для возрождения **духовно-нравственного воспитания** нужно поддержать Сергея Миронова и продолжить дальнейшее написание и издание книги «Наше дело правое».*

Ю.И. Файков, главный конструктор РФЯЦ-ВНИИЭФ 1998-2010 гг., доктор технических наук, профессор, академик РАН, лауреат Ленинской и Правительства РФ премий, заслуженный деятель науки и техники РФ, декабрь 2016 г.

Познай свою Родину

«Познай свою Родину – вот это вот правильно. Познавать свою Родину – это не только познать историю, это и познать характер народный, познать себя, познать глубины свои, познать традиции, обычаи. То есть познать всю совокупность народной жизни. Вот это да. И после этого, мне кажется, никуда не пойдешь, ни в какие соблазны не ударишься, а если это случится, то это может быть только временным. Это самый лучший защитник от всего, что предлага-

ется дурного, когда ты знаешь не только себя, не только одно время, не только один век, не только царей, которые когда-то были, а буквально всё», – писатель Валентин Распутин.

Семиклассники прочитали вслух воспоминания детей войны

Впервые в проекте **«Читаем вслух»** во Дворце творчества в январе 2018 г. приняли участие авторы книги, фрагменты которой были прочитаны на встрече семиклассников и активистов СГОО «Дети войны».

56 учеников подготовили отрывки из сборника воспоминаний «Опаленные бедой. Дети войны и Победы».

Внимательно слушали руководитель организации «Дети войны», председатель общественной редколлегии Анатолий Васильевич Веселовский, общественный редактор Г.Ф. Иоилев, члены редколлегии – отв. за СМИ Н.В. Почтарюк и Г.М. Янбаев. Волнение и переживания взрослых передались и детям, которые звенящими голосами проникновенно читали, казалось бы, простые слова о непросто

м военном времени. О том, что пришлось перетерпеть, как боролись за жизнь в эвакуации, оккупации и в блокадном Ленинграде, как надеялись и верили, что победа будет за нами.

По мнению **Анатолия Веселовского**, сохранить память, правильно передать исторические факты следующим поколениям – очень важно. «Посмотрите, как сейчас Америка принижает роль Советского Союза в победе над фашизмом, как заявляет о своих успехах в Сирии, отводя России роль где-то на задворках, – Анатолий Васильевич с трудом сдерживал эмоции, говоря с ребятами после чтений.

– *Это недопустимо, а противостоять этому можно, имея силу и характер. **Наша сила – это качественное вооружение, которое создавалось здесь, в Сарове, а особый характер у русских был всегда. И вам желаю быть сильными и умными. Спасибо, что взяли в руки нашу книгу и почитали ее!***».

Беседы с учащимися школ города Сарова в рамках проекта «Дети войны и Победы. Лучше бы не было войны» были проведены в лицее № 3. Темы бесед в 2017-2018 учебном году актива СГОО «Дети войны» для 1-11 классов:

28.09.2017 Елесин В.А. День работников атомной энергетики и промышленности

26.10.2017 Янбаев Г.М. Воспоминания. День пожилого человека

23.11.2017 Брескун С.Т. 100 – лет Великой Октябрьской социалистической революции

21.12.2017 Веселовский А.В. Военное детство. День РВСН

25.01.2018 В.М. Линник. Воспоминания. Битва под Сталинградом

15.02.2018 Кельин В.Д. Воспоминания. День защитника Отечества

22.03.2018 Почтарюк Н.В. Воспоминания. Журналистика в Великую Отечественную

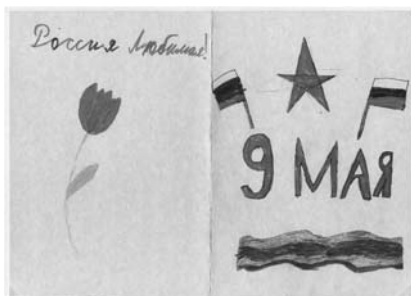
26.04.2018 Рубашкин В.Н. Воспоминания. День Победы

Спонсоры Сборника «Опалённые бедой. Дети войны и Победы» обеспечили второе издание тиражом 200 экз. Накануне дня Защитника Отечества в феврале 2018 г. **В.Д. Кельин** и **Г.М. Янбаев** в лицах № 3 и № 15 провели три классные беседы о военном детстве с вручением школьникам книги «Опалённые бедой. Дети войны и Победы». В знак уважения ребята подарили организации пакет рисунков и письменных откликов на темы мира и войны. Часть из них приведены в настоящем сборнике.

«Война – это очень страшное событие. В Великой Отечественной войне погибло очень много людей. В наше время остается все меньше и меньше тех людей, которые видели эту войну собственными глазами. **Так давайте же беречь ветеранов и делать все возможное, чтобы войны больше не было!**».

**Алёна Бабанова,
2-й «Б» класс МБОУ г. Сарова**

Лицей № 15

Ключевые моменты

ПИСЬМЕННЫХ ОТКЛИКОВ ДЕТЕЙ:

«...НЕТ ВОЙНЕ!
ВОЙНА ЭТО ПЛОХО!
СПАСИБО ЗА ПОБЕДУ!
СЛАВА ВЕТЕРАНАМ!
СЛОВА «ВОЙНА» БЫТЬ НЕ ДОЛЖНО!».

Ваня Грузин:

Война – злое слово.

Она может убить любого

Но надо жить, любить,

Нужно терпеть и победить!

Спасибо, что прошли войну.

Мы видим вашу седину.

Мы память в сердце сохраним.

Вечная слава павшим и живым!»

«**Единство и патриотизм** были для народа самой надежной опорой и в годы тяжелых испытаний, и при решении масштабных задач развития. Бережное отношение к Родине, забота о ней, верность искренней дружбе и неприятие какого-либо давления извне – это несущие конструкции российской государственности, наш генетический и культурный код».

В.В. Путин, 04.11.2017

ВОСПОМИНАНИЯ ДЕТЕЙ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ г. Саров

Уха от дяди Жоры

 Банникова Елена

Е.А. Банникова (Скворцова) родилась в 1936 г. в Ростове-на-Дону. Там встретила Великую Отечественную войну, пережила оккупацию. После войны окончила школу-семилетку и медицинское училище. В 1956 году направлена на предприятие п/я 51 Москва Центр-300. Работала в детских дошкольных учреждениях. В 1972 году в связи с внедрением в городе специального профилактического питания направлялась

для переквалификации в Ленинград. После окончания курсов работала диетологом спецпитания в столовых завода № 1.

В 1973 году в качестве диет- и медсестры участвовала в реорганизации системы питания в заводском доме отдыха «Прогресс». Позже стала его

директором. За хорошую работу и активную общественную деятельность неоднократно поощрялась. На заслуженный отдых вышла в 1992 году. Воспитала сына и дочь, помогает растить внучек, внука и правнуков. Любит: читать книги, рукодельничать, летом трудиться на даче. Увлекается народной медициной.

Военное детство на Дону

Хоть и было мне всего пять лет, когда началась Великая Отечественная война, но я многое запомнила. Жили мы в городе Ростове-на-Дону, в Пролетарском районе – на 35-й линии. Первый вражеский снаряд попал в наш дом. В тот час мама пекла блины. Меня подобрали на улице – потом я узнала, что меня выбросило взрывной волной. Соседка тетя Анна погибла сразу, её сына Толю мама взяла к себе, и нас стало четверо: мама, я, брат Женя и тети-Анин сын.

Помню, как мама катит по дороге тачку со швейной машинкой, я сижу на этой машинке, а мальчишки бегут за тачкой. Мы шли из города в деревню Берберовку, что находилась в районе завода «Ростсельмаш». Нас поселили у двух старушек. Помню, одну из них звали баба Варя.

Но в деревню пришли немцы, и мы вернулись в город, в тот же Пролетарский район, но уже на 30-ю линию, и стали жить на улице Советской в двухэтажном доме № 14, отгороженном высоким каменным забором. Во дворе стоял ещё один дом – одноэтажный, возле которого рос высокий тополь. Дедушка Зиновий Еремеевич повесил на нем качели для нас, дворовой детворы. Когда в город вошли немцы, они сразу убили нашу собаку Барса. Хороший был пёс – большой, белый, добрый. А нас выгнали из дома в полуподвал. Во время бомбежки

мы лежали под кроватью и дрожали от страха. Мама нас успокаивала: «Если погибнем, то все вместе». По нашей улице проходила трамвайная линия. В часы затишья мы играли на площадках разбитых трамваев. Однажды Толя нашел там снаряд. Принес во двор и попытался разбить; разбил – и потерял кисть руки. Остальным ребятам повезло – от страха они разбежались еще до взрыва.

Помню, как хотелось есть. Мы босиком бегали к Дону за лебедой и какой-то травой, у которой были зеленые плоды-калачики. На берегу стоял элеватор, который взрослые называли круподеркой. Иногда рабочие бросали нам из окошек круподерки кулечки с мукой, но очень осторожно – чтобы немцы не заметили.

В нашем дворе осталось всего двое мужчин: дедушка Зиновий Еремеевич и такой же старый дядя Жора. Если дядя Жора возвращался с рыбалки с уловом, его жена Анна громко объявляла: «Сегодня у нас уха». И мы всем двором собирались у тополя, и тетя Аня кормила нас ухой. Помню, я поела и спохватилась: «Ой, я маме не оставила!..» Но добрая тётя Аня успокоила: «Не волнуйся, Леночка, я для мамы оставила». Женя с Толей и соседским мальчиком Эдиком иногда бегали в станицу Аксайскую – там немцы устроили госпиталь – и приносили оттуда немного хлеба. Конечно же, тайком от немцев. Однажды рано утром тетя Анна постучала в дверь подвала и зовет маму: «Шура, немцев гонят, пойдем в их подвалы за едой!» Но пока мы добежали, нам досталась только свекла. Я наелась свеклы вдоволь и вновь попробовать её смогла только в 1956 году. Ростов-на-Дону фашисты брали трижды, и трижды наши выбивали их.

Кончилась война. Настала пора идти в школу. Собирали меня всем двором. И вот я в красной юбке и бо-

тинках Жени вхожу в класс. Но учительница Прасковья Сидоровна дальше двери меня не пустила: «Скворцова, иди и скажи маме, чтобы она привела тебя в порядок». Она кивнула на мою юбку – по ней ползали вши. Конечно, я ушла. Но дома разревелась и на следующий день в школу не пошла. Не пошла ни на третий день, ни на четвертый, как меня ни упрашивали.

В школу я пришла на следующий год – уже под маминой фамилией – Старостина. Моей учительницей стала Александра Никифоровна. У двери меня увидела Прасковья Сидоровна (классы были рядом) и спросила: «А ты Скворцова?» «Да нет, это Старостина», – ответила за меня Александра Никифоровна. Под этой фамилией я и окончила семилетку.

Брат Женя, купаясь в реке, утонул. Следы Толи, которого забрали к себе дальние родственники, затерялись. Я осталась у мамы одна. Таким осталось в памяти моё военное детство.

Юность была благополучнее

После войны в 1952 году я окончила школу-семилетку № 14 и поступила в медицинское училище № 1 при Центральной городской больнице на Ворошиловском проспекте. После его окончания в 1956 году весь наш выпуск в полном составе в рамках какого-то всесоюзного движения должен был направлен на Дальний Восток. Однако нас шестерых направили на работу на предприятие п/я 51 Москва Центр-300, ныне РФЯЦ-ВНИИЭФ, город Саров Нижегородской области. Работала в детских дошкольных учреждениях: сначала в должности старшей медсестры в яслях № 3, а затем заведующей яслями № 5 и № 11.

В 1972 году на предприятиях города начали внедрять диетическое спецпитание. В связи с этим меня по распоряжению начальника МСО № 50 Белова А.И. командировали на переквалификацию на 3-хмесячные курсы в Ленинград. Проживали поблизости от него, в городе Парголово. После окончания курсов была направлена на завод № 1 на должность диетолога специального профилактического питания столовых № 1 и № 11. Внедрение питания осуществлялось при тесном взаимодействии с их руководством: директором – Седых В.С., заместителями директора – Роговенко О.П. и Шестаковой Н.И., заведующей производством – Росмысловой Е.И. Кроме того, будучи членом профсоюзного комитета завода, приходилось, занимая активные позиции, выполнять большой объём разноплановой общественной работы.

В 1973 г. проводилась реконструкция заводского дома отдыха «Прогресс», расположенного близ деревни Вещерка, более известной у нас как Дудоровка. В должностях диет- и медсестры под руководством директора Катаевой А.Л. участвовала в организации питания во вновь выстроенной столовой и медицинского обслуживания отдыхающих. После её ухода на пенсию стала директором. Помимо основной работы, следуя профессиональному долгу медицинского работника и руководствуясь принципом добрососедских отношений

Леночка 1948 г.

с местным населением, оказывала медицинскую помощь жителям деревни. Помню всех по именам и фамилиям. В экстренных случаях приходилось ставить уколы домашним животным – коровам и свиньям. В этой же деревне купили дом и с большим удовольствием отдыхаем в нём всей семьёй каждое лето. Сейчас в ней местных жителей почти не осталось, одни дачники. Так что в настоящее время приходится оказывать медпомощь и им. Делаю это с удовольствием, так как по-прежнему люблю свою профессию и работу.

За многолетний и добросовестный труд, активную профсоюзную работу неоднократно поощрялась благодарностями с занесением в трудовую книжку, почётными грамотами и денежными премиями.

На заслуженный отдых ушла в 1992 г. Дома провожу время за чтением книг, люблю вышивать, в летний период тружусь на даче, увлекаюсь народной медициной. В Ростове-на-Дону не была давно, да и ехать не к кому – всех родных развела война. Следы отца нашлись через

интернет, во время войны он погиб в Карелии. Мама умерла в 1994 году. Своими детьми я довольна: у меня дочь и сын (он военный), четыре внуки, один внук, четверо правнуков. В честь 70-летия Победы нам вручили памятные медали «Дети войны». Удостоверение подписано председателем ЦК КПРФ Г.А. Зюгановым.

Всегда впереди

Безменов Анатолий

Анатолий Ефимович Безменов (1930-1997 гг.) родился в городе Калинин. Войну встретил подростком в Харькове. Организовал сверстников и вплоть до эвакуации занимался оказанием населению помощи, являющейся, по сути, тимуровской. Война выкосила весь род отца.

В 1951 г. прибыл на завод № 3 после окончания Горьковского электромеханического техникума. Работал техником, мастером, секретарём комсомольской

организации. Среди молодёжных вожаков отличался инициативностью, пользовался авторитетом. В начале 60-х годов, обладая творческими способностями, вошёл в литературное объединение «Радуга». В 1965 г. – участник выпуска первого сборника стихов и рассказов.

На заводе № 1 работал с 1958 г. до выхода на пенсию в 1991-м: мастером, заместителем начальника цеха, последнее время – заместителем директора по общим вопросам. 15 лет подряд избирался секретарём парткома, в 1975 г. – членом бюро парткома ВНИИЭФ. На всех постах и должностях вносил ощутимый вклад в решение производственных и общественно-политиче-

ских задач. Валентина Порваткина вспоминает: все сорок трудовых лет он жил и работал по совести. Разве не об этом говорят полученные им награды: ордена Трудового Красного знамени и «Знак Почёта»; медали – «За трудовую доблесть», «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина», «Ветеран труда». Разве не об этом свидетельствуют воспоминания его друзей, которые рядом с его фамилией Безменов неизменно ставят характеризующее его как личность: неистовый.

Ах, война, что ты, подлая, сделала...

Булат Окуджава

Он был таким с юношеских лет. Нет, даже с детских, потому что воспитывался на примере гайдаровского «Тимура и его команды». И когда уже вовсю шла Великая Отечественная война, 11-летний Толя Безменов вместе со своими друзьями продолжал свою тимуровскую работу в своём дворе: они убирали двор от мусора, помогали поливать газоны, защищали малышей от обидчиков, заносили старушкам сумки на верхние этажи. И слушали сводки Совинформбюро. И мечтали о скорой победе. Но им пришлось уехать из Харькова. Когда же город освободили от немцев, на одном из газетных снимков Анатолий увидел свой дом и повешенных на балконе людей. Победа далась нелегко, а война выкосила весь род отца (двух братьев, двух сестёр с детьми, мать). Позднее А.Е. Безменов напишет:

*И у нас в душе остались раны —
У мальчишек тех военных лет,
Взрывами когда по утру рано
Был расколот солнечный рассвет...*

*...Головы склоним у обелисков,
Помолчим у Вечного огня.
Вам поклон, герои, самый низкий,
От потомков нынешнего дня.*

*Мне тогда уже пятнадцать было.
такое не забыть вовек.
В ту войну чудовищную силу
Одолел советский человек.*

*Живые, мы дышим и строим,
Чтоб вновь землю смерч не потряс.
Мы помним вас, павшие! Помним.
И будем достойными вас!*

На заводах ядерного щита

Как клятву, Анатолий Ефимович пронёс через всю жизнь эти слова. И где бы он ни работал, всегда стремился не тлеть, а гореть. Так было на третьем заводе, куда пришёл после Горьковского электромеханического техникума. Так было во время работы вторым секретарём горкома комсомола. Так было в годы, отданные любимому заводу № 1, который он с гордостью называл «Союзный завод».

На третьем заводе он был техником, мастером, секретарём комсомольской организации, на первом заводе – мастером, заместителем начальника цеха и в течение 15-ти лет коммунисты завода избирали его секретарём партийного комитета. В последние годы работал заместителем директора по общим вопросам и МТР. Он считал своей прямой обязанностью начинать рабочий

день в цехах. Он знал в лицо каждого заводчанина. Он не был лицемером, не заискивал перед начальством. Он был прост со всеми. Любил людей, заводчан, старался не оставлять без внимания их просьбы.

Многие из ветеранов завода до сих пор помнят его быструю походку: сейчас он тут, через пару минут – уже на другом конце завода, в другом цехе. Тогда, в советские годы, Анатолий Ефимович с гордостью читал на заводских вечерах свои стихи:

*С каждым годом цеха хорошеют,
Самоцветами словно горят.
«Заводчане? Они всё умеют!» –
Так в народе о нас говорят.*

*И работаем мы необычно –
Добиваемся новых вершин.
Если сделано – значит, отлично
Всесоюзным заводом один!*

*Красит солнце зазорные лица,
И клубится дымок от резцов.
Молодёжь так работать стремится,
Чтоб похожею быть на отцов.*

Ну, скажите, ветераны завода № 1, скажите те, чья молодость прошла в советское время, разве в этих строчках А.Е. Безменова есть лукавство? Разве вы так же, как он, не гордились своим коллективом?!

С огромным уважением он относился к рабочим. Он знал дни рождения многих из них и не забывал поздравить, сказать доброе слово. Особое почтение у него

было к рабочим-сборщикам ядерного щита Родины. Бок о бок с ними А.Е. Безменов трудился многие годы и лучшим из них он посвящал свои стихи:

*Волгин, Цветков, Коляскин –
Вот всем пример!
Марка их – высшего класса:
«Сделано в СССР»!*

С ним было легко работать, легко общаться. Он был прекрасным человеком и настоящим коммунистом – бескорыстным и порядочным. Он был большим жизнелюбом и, даже будучи серьёзно больным, не терял оптимизма. Напротив, мог другим позвонить и поддержать словом, шуткой и юмором поднять настроение, прочитать наставление в стихах:

*Если рухнет навсегда
Всё, к чему стремился.
Не падай духом и тогда –
Не унывать родился!*

Звонкий, весёлый его голос помнится всем, кто его знал. Помнятся и его глаза – то серьёзные и строгие, то искрящиеся и строгие, то искрящиеся, с доброй лукавинкой. А ещё он оставил в память о себе стихи, искренние и откровенные. В них он весь – неистовый и бесхитростный:

*Лучше с пользой сгореть
На бурлящем вулкане.
Чем прожить все сто лет,
Но в стоячем болоте.*

Вятские Поляны

Бекенёва Мария

Член правления СГОО «Дети войны» Мария Ивановна Бекенёва родилась 4 марта 1933 года в деревне, которая появилась в 1930 году из хуторов Кировской области. Удмуртия с одной стороны от нас, через овраг; Татария с другой, в двух километрах.

Интернациональное соседство. Всего в нашей деревне было 16 дворов. Деревня в лесу, далеко от городов и сёл вокруг. В лесу грибы, ягоды, орехи, пока бабушка самовар ставила, я до опушки добегу, наберу ягод. А ещё в лесу – лисы, волки, медведи, лоси. Река небольшо-

шая поблизости. Жили дружно, летом выходили на улицу – пели, плясали под гармошку.

Семья наша была большая, пятеро детей, я – младшая. Старший брат работал учителем, сестра училась в техникуме, остальные двое (кроме меня) работали в колхозе. В мае 1941 года брата направили в военное училище, а в июне – война...

Труженики тыла

Мы переехали жить в город Вятские Поляны, за 30 км от нашей деревни. Там была шпульно-катушечная фабрика для нужд текстильной промышленности, а в 1941 году сюда из Загорска эвакуировали оружейный завод – выпускали пистолеты-пулемёты Шпагина. Съезжались и специалисты из Москвы, Ленинграда, Загорска, молодёжи много. Четырнадцатилетнюю сестру взяли на завод токарем. Двенадцатилетнего брата – на обувное производство, солдатам сапоги шить. Отца – а он у нас для войны уж стар был – взяли в трудовую армию, мы его потеряли, не получили ни одного письма.

Раненые

Все изменилось: в городе появились военные госпитали – под них частично заняли здания школ, а мы, школьники, учились в разных домах. Раненых со станции в город везли на телегах, многие не могли ходить. У детей, как и у взрослых, дни были заполнены: хотелось быть везде и видеть, знать все. С пятого класса ездили убирать урожай в колхоз. Запомнилось, как убирали горох, собирали картофель – его много на поле оставалось, жили по домам у колхозников, как нас распределили. Кормили горохом – повар варила много, можно было наесться. И никто не плакал, хотя домой очень хотелось. Старались смеяться, истории разные рассказывали, пересказывали прочитанные книги – вспоминали пострашнее, сами добавляли. Часто пересказывали гоголевского «Вия», а потом боялись на сеновале спать, прижимались друг к другу.

Мимо станции шли поезда на восток, везли нам раненых. Мы часто бегали на станцию – там каждый день провожали кого-то в армию. Играл оркестр, около вагонов толпы, кто плачет, кто смеётся сквозь слёзы, шум, гам, все говорят – и никто никого не слышит. С запада раненых привозят – тогда тихо. Только указания врачей слышно: как раненого нести, как поднять носилки, кого на подводу положить. Тут и мы, ребята, старались чем-нибудь помочь.

Однажды в таком санитарном вагоне привезли и моего брата. Брат после двухмесячных курсов в училище получил офицерское звание, в первые дни войны попал на фронт. Попадал в окружение, в плен – и выбрался. Мама получила 4 похоронки.

Весь израненный, пуля в лёгком, весь нашпигованный осколками, нога не сгибается, позвоночник перебит. Несколько лет выкачивали гной из лёгких, пока он не согласился на операцию – пулю извлекать. По несколько раз в год брат лежал в госпитале, страдал последствиями контузии – припадками. Когда начинался припадок, мы бежали через дорогу – в госпиталь, там врачом работал одноклассник брата, дружили они до

войны. У хирурга не было одной ноги, ходил на костылях, а оперировал стоя на одной ноге – костыль убирал.

...Помню, однажды проходила мимо брата в комнате и задела его ногу – смотрю, не знаю, что делать. У него на лице крупный пот выступил, сам побелел весь, но смолчал. Лучше бы обругал, честное слово. Он терпеливый был – его и оперировали-то без наркоза. Только зубами скрипел, когда резали. Когда мне больно, всегда его вспоминаю.

Табак и карточки

Я счастливый человек: прожила среди непьющих, некурящих, матом никто не ругался. Табак, который брату выдавали, я набивала в гильзы и продавала около завода – такое помню. Ещё помню выборы в Верховный Совет – у нас в городе выбирали Зою Фёдорову, артистку, мы с ней ходили на избирательные участки. А поскольку во всех школах были кружки – акробатические, танцевальные, хоровые, то школьники и выступали на избирательных участках. Выборы проходили шумно, весело, народ катали на лошадях, с гармошками, радио гремело. А мне шуба Зои Фёдоровой запомнилась...

Однажды я потеряла продовольственные – хлебные – карточки. Трудно пришлось. А брату орден вручили.

См. также Почтарюк Надежда «Помните!»

Это было на Кубани

Белукова Таисия

Из военной истории моей семьи

Белукова (Жулина) Таисия Борисовна родилась 2 июля 1934 года в станице Старо-Корсунская Краснодарского края, профессия – фельдшер-акушер. В 1954 году по распределению направлена в Медсанотдел № 50 III-го ГУ Минздрава СССР г. Москва Центр-300, ныне ЦМСЧ-50 ФМБА РОССИИ г. Саров. До выхода на пенсию в 2003 году работала на должно-

стях: медсестры инфекционной больницы и от фельдшера до старшей медсестры цехового терапевтического отделения № 2 в поликлинике № 2. Имела первую (1993) и высшую (1998) категории по специальности «Сестринское дело». Имеет почётные звания «Ветеран труда» (1996) и «ГРАЖДАНИН СТРАНЫ РОСАТОМ» (2016), занесена в «Книгу почёта ЦМСЧ-50» (2002).

Награждена медалями «Ветеран труда» (1985), «110 лет со дня рождения А. И. Бурназяна» (2016) и знаками «Отличник здравоохранения» (1991), «50 лет «РФЯЦ-ВНИИЭФ» (1996), «Ветеран атомной энергетики и промышленности» (2001), Нагрудным знаком сестёр милосердия Норвегии (2000).

Нагринула война

Летом 1933 года мои родители: папа Жулин Борис Никифорович и мама, Прасковья Ивановна, работавшие тогда в Москве на строительстве аэропорта «ВНУ-КОВО», по партийной мобилизации (папа являлся членом ВКП (б), были направлены на Кубань. В июне 1941 года гитлеровская Германия напала на СССР. На третий день войны папу мобилизовали в Красную Армию. Видимо, шоферы, в первую очередь водители грузовиков, были крайне необходимы. Его боевой путь стал известен нам лишь после его демобилизации в конце 1946 года. Сразу же после ухода отца трудности военных лет: дефицита всего и везде, жёсткое нормирование продовольствия и карточная система, необходимость экономить электроэнергию и тепло, другие невзгоды легли на плечи бабушки и мамы, со скромным заработком работницы почты СССР.

Оккупация

Через год, в июне 1942 года, Краснодар был оккупирован немцами. Их наступление велось в рамках планов окружения Москвы с юга, захвата Северного Кавказа и его Черноморского побережья. Они хотели перекрыть маршруты снабжения столицы и центра страны продовольствием и нефтепродуктами, ликвидировать в курортных зонах многочисленные госпитали, в которых возвращали в строй раненых бойцов. Оккупация длилась чуть больше 8-ми месяцев. Материальное положение населения резко ухудшилось, так как мы лишились тех минимальных норм снабжения, которые могла позволить себе наша страна в условиях военного положения. Оккупа-

ционный режим обрѣк жителей на произвол судьбы, предоставив им самим решать вопросы выживания. Общая характеристика обстановки в городе: страх, голод, холод, болезни и поднявший голову криминал на базе уголовников, дезертиров и других отбросов общества.

Основным способом добывания еды был обмен на Сенном рынке имеющихся в наличии «шмоток», одежды, и предметов домашней утвари на продукты из остатков прошлогоднего урожая – бартер того времени. На рынке была «барахолка», где жители торговали за деньги остатками имущества, а криминал ворованным и награбленным. Большой удачей считалось добыть «шмоток» сала, кусок самодельного мыла или небольшую плитку «макухи» – народное название жмыха. Такие редкие случаи считались праздниками. Жмых – это отходы отжима растительного масла из семян подсолнечника. Их прессовали в большие плиты и скармливали крупному рогатому скоту. Только их мощные челюсти могли раскусывать такие твёрдые плиты. Зубам взрослого человека они не поддавались, поддавались пиле. Что уж говорить о маленьких зубах полуголодных детей, лишённых витаминов и лекарств? Кусочек «макухи» можно было постепенно рассасывать, а проглатываемая при этом субстанция на некоторое время притупляла чувство голода. Он был «долгоиграющим» и растягивался на несколько дней, его можно было пускать по кругу. Такой нехитрый приём повсеместно использовался населением и в голодные послевоенные годы.

Постоянное полуголодное существование обострило детскую память: вспомнили, как раньше в станице мы по глупости съедали только яичные желтки, белки отдавали собакам или курам. Некоторым подспорьем для конвертации в продукты оказались домашние

вещи, которыми побрезговали мародёры при ограблении нашей квартиры. Из найденных после отстрела снарядов и гильз дедушка, умелец – золотые руки, научился изготавливать крупорушки для размола зёрен кукурузы и других злаков. Обеспечил ими наш ближайший круг соседей и знакомых. Кроме того, ему постоянно носили чинить керосиновые лампы, примусы и керогазы. Заказчикам, кроме тёплых благодарственных слов и уважением, платить было нечем. Это не останавливало его в добрых делах.

Мама, вместе с другими женщинами нашего двора, была вынуждена часто отлучаться из дома, чтобы добыть какой-нибудь еды. Они сильно рисковали, поскольку немцы регулярно устраивали облавы на жителей в разных концах города. Из задержанных жителей комплектовали команды для угона в Германию на принудительные работы. Остальных отправляли в концлагерь с перспективой стать материалом для испытаний адского изобретения фашистов, автомобилей-душегубок. Они базировались в роще на окраине города. Когда оттуда доносился рокот моторов, окрестные жители знали, что идут чудовищные эксперименты по уничтожению людей выхлопными газами.

Большие трудности были с водоснабжением. Ближайшая к нам водоканал на улице Северной была взорвана дважды: первый раз нашими сапёрами при отходе из города, а второй – немецкими при отступлении. Для решения проблем с водой из нас был организован разновозрастной сцеп: дедушка, 72 года, я, 8 лет, и брат, 6. Вооружившись емкостями, адекватными нашим грузоподъёмностям, мы шли к берегу реки Кубань. Сначала воду брали из колодцев с питьевой водой у прибрежных частных домов. Когда они все были вычерпаны, стали

брать мутную воду из реки. Потом её надо было фильтровать и долго кипятить. Топливо – всё, что могло гореть, подбирали с земли. Из-за отсутствия мыла для купания применяли золу сгоревших стеблей подсолнечника, бытовое название – «щёлок». Он обладал некоторыми моющими свойствами. Жители использовали подогрев воды на солнцепёке, а для мытья головы женщины собирали дождевую воду.

Летом и ранней осенью, когда в Краснодаре можно ходить босиком и было жарко, проблем отсутствия у нас подходящей обуви и дождевиков не существовало. Однако поздней дождливой осенью и слякотной зимой они вставали во весь рост. Большой неприятностью могло быть падение на скользкой от дождя суглинистой почве на склоне берега и разлив набранной воды. Самое страшное – падение в реку при заборе воды с берега. Выбраться из неё было бы практически невозможно из-за бурного течения. Такие операции выполняли только взрослые, иногда подростки.

Освобождение

Немецкие планы рухнули разом, когда в январе 1943 года они потерпели сокрушительное поражение под Сталинградом и стремительно откатились, опасаясь быть отрезанными наступающими на запад войсками Красной Армии. Эту немецкую «боевую» операцию точнее всего характеризует меткое краснодарское выражение – «улепётывали во все лопатки!» Об этом жители узнали однажды утром, проснувшись в непривычной тишине. Город окончательно был освобождён 22 февраля 1943 года. До сих пор этот день считается городским праздником и отмечается ежегодно.

Больше всего нас интересовали игры, где надо было тайком от взрослых что-нибудь взорвать. Для изготовления бомб-самоделок собирались жестяные или металлические банки, чаще всего из-под трофейных или ленд-лизовских консервов. Порох добывался мальчишками на оставленных немцами складах в той страшной роще, где базировались их душегубки. Видела эти пороха, которые по-своему классифицировала как «сыпучие», в действительности – зернённые (для патронов и снарядов малых калибров), и «длинные полоски» – ленточные (для снарядов средних и больших калибров). Приходилось видеть детонаторы от гранат (в натуре – взрыватели) и какие-то круглые (видимо, взрыватели для мин).

Способ изготовления бомб был прост. В банку закладывался порох, потом она размещалась где-нибудь среди развалин дома и заваливалась разным хламом. Далее отсыпалась огневая дорожка из пороха или протягивался сгораемый шнур так, чтобы после их зажигания горе-подрывник успевал укрыться в безопасном месте. Взрыв приносил нам много радости и веселья. Откуда ребятам было знать, что разные пороха горят по-разному, а иногда взрываются. Незнания часто приводили к трагическим исходам.

Школа

В 1943 году для нас настал важный этап – поступление в школу, тогда в 1-й класс принимали с 8-9 лет. Меня без вопросов приняли в женскую среднюю школу (ЖСШ) № 36, расположенную в соседнем здании. Брата, как не достигшего 8-ми лет, принимать отказались. Опять, как это часто бывало, трудную ситуацию разрулил дедушка. Он добился приёма у большого начальства и до-

1944 год.

Фото «Папе на фронт»

(на ногах у брата «чувяки»)

казал, что ему, инвалиду, будет сподручнее помогать внукам, если они будут учиться на одной ступени обучения. Убедил всех, брата после серьёзного вступительного экзамена, который он с честью выдержал, приняли в мужскую гимназию № 2, находящуюся в 2-х кварталах от дома. Занятия в школах проводились в 3 смены. Я ходила в первую, с 7-ми часов утра, а брат в третью, с 3-х часов дня. Такое расписание устраивало нас ещё и потому, что мы имели на двоих только одну пару галош. В дождливую по-

году они для спасения ног от промокания надевались на «чувяки». «Чувяки», это самодельная обувь, подобие современных войлочных домашних тапочек, которую нам шила мама из обрывков румынских шинелей. Немецкие шинели не годились из-за низкой плотности материала. Через полтора года ноги у брата выросли, и маме пришлось затратить много сил, чтобы добыть денег на новую пару галош большего размера. Старая пара служила мне до окончания 7-го класса. На зимний период жители шили из подручных материалов «бурки», это «чувяки» с голенищами, и «стёганки», подобие армейских ватников.

Победа

Ярким пятном в памяти осталось празднование Дня Победы. Стояла чудесная солнечная погода, жители собрались в центре города, в сквере имени Ворошилова на улице Красной. Было всеобщее ликование: много улыбок, смеха, объятий и поцелуев. Люди несли цветы, много цветов. Особенно выделялись большие букеты разноцветной и вкусно пахнущей сирени. Любый желающий мог беспрепятственно составить букет на свой вкус, обломав растущие повсюду кусты сирени. Больше всего запомнился участвующий в параде конный отряд кубанских казаков в бурках и папахах. Они гарцевали на искусно украшенных цветами и сиренью лошадях с цокотом копыт по асфальту. После войны на центральном кладбище города был воздвигнут впечатляющий человеческую психику мемориал – памятник «Жертвам фашизма». Кроме того были восстановлены взорванные до войны большевиками величественный памятник императрице Екатерине II и храм Александра Невского.

1946 год.

Дальний восток.

*Это про них: «С войной
покончили мы счёты.*

Бери шинель, пошли домой!»

(Ефрейтор Жулин

в верхнем ряду справа)

В конце 1946 года папа был демобилизован и в чине ефрейтора вернулся домой. В рядах Красной Армии папа принимал участие в освобождении Белоруссии, Украины, Чехословакии и Польши, дошёл до Берлина и расписался на стенах Рейхстага. Был награждён медалями за битву под Сталинградом, освобождение Киева, Варшавы и Праги, Победы над Германией и другими памятливыми наградами, связанными с юбилейными датами празднования Дня Победы. В боях был дважды ранен, второе было тяжёлым. Оперирующие его хирурги полевого госпиталя, опасаясь рисков повреждения кровеносных сосудов в неподходящих условиях, отложили извлечение 2-х осколков на потом. С учёбой в школе проблем у нас не было, были только домашние – материальные. В 1950 году было решено, что я после окончания 7-го класса должна поступить в Краснодарскую фельдшерско-акушерскую школу (КФАШ), а моя мизерная стипендия будет пополнять наш, если так можно выразиться, фонд благополучия.

Чтобы не было войны

На девятом десятке лет жизни, пользуясь данным случаем, хочу с особым почтением вспомнить и поблагодарить моих родителей и бабушку, посвятивших нам с братом свои жизни. Всегда в чрезвычайно сложных внешних обстоятельствах они на протяжении многих лет, мобилизуя все свои физические силы и весьма скромные материальные ресурсы, прилагали неимоверные усилия для того, чтобы вырастить и правильно воспитать нас с братом, уберечь и оградить от лишений и невзгод, дать образование и путёвки в самостоятельную жизнь. Им пришлось дважды, после

разрухи тридцатых и разрушительной войны, участвовать в подъёме Кубани и посчастливилось увидеть собственными глазами своих внуков и ещё долго заботиться о них. Мои правнучки являются уже пятым поколением по линии Жулиных, если вести отсчёт от дедушки и, благодаря им, живут под мирным небом. На этой земле мои предшественники сделали всё от них зависящее и, как говорят, вспоминая хороших людей в России, пусть земля им будет пухом!

Представленные воспоминания дают мне моральное право обратиться к читателям, моим родным, близким и знакомым, их потомкам и потомкам их потомков с пожеланием, чтобы с ними никогда не случались беды и невзгоды, выпавшие на нашу долю.

Все только начинается

Борисов Александр

Борисов Александр Анатольевич, 12 апреля 1931 г.р. «В 1949 г. окончил с отличием ремесленное училище и был направлен на «объект» – в РФЯЦ-ВНИИЭФ, где и проработал 59 лет до 2008 года. Прошел трудовой путь от слесаря до начальника группы.

Большая часть трудовой жизни была связана с внешними испытаниями на полигонах. Имеет награды и многочисленные благодарности правительства и

руководства института. Вырастил дочь, уже подрастают внука и две правнучки».

«Вести города» не раз обращались к теме «детей войны». Вот и в этом номере мы публикуем воспоминания саровчанина Александра Анатольевича Борисова о его трудном военном и послевоенном детстве.

«Я родился 12 апреля 1931 года в Горьковской области, Сеченовского района селе Ясное. Семья состояла из шести человек. Родители работали в колхозе «Ленинец». Колхоз находился за 7 километров от дома. Пешком идти было небезопасно – в округе водились волки, которые, случалось, нападали на людей, поэтому мама домой приходила не каждый день. У отца были на-

стоящие золотые руки. Он умел многое – был и столяром, и трактористом, и плотником, и кровельщиком. Когда родители уходили на работу, мы с младшим братом оставались дома под присмотром старшей сестры Лиды. Дел было немало. До войны у нас в хозяйстве были корова, овцы, куры, постоянно выращивали поросят. Но после ее начала вся живность сошла на нет.

Во время войны, помню, всем нам постоянно хотелось есть. Летом рвали и жевали траву. Ходили на речку Медянку и корзинкой ловили пескарей и другую рыбную мелочь. Из нее сестра потом варила суп или иногда жарила без масла – его у нас просто не было. Очень помогали грибы. Наш дом стоял рядом с лугами, где росли опята. Мы их собирали, варили и жарили. Еще помню, как сажали подсолнухи. В Сеченовском районе земля черноземная, поэтому колхоз культивировал подсолнечник. Мы, вместе со взрослыми, сажали каждое зернышко на определенном расстоянии. Работа была непростая, все время болела спина. Потом подсолнухи пропалывали, окучивали, а когда вызревали – выбивали из «шляп» семечки и сдавали их в колхоз.

Труд ради Победы

Отца забрали на фронт в 1941 году. Мама осталась одна с четырьмя детьми. Мне в то время было 10 лет, сестре Лиде – 12, старшему брату – 16, младшему – 7. Вскоре брату Ивану доверили самостоятельно работать на тракторе. Привлекались на работу в колхозе и мы, два брата и сестра: занимались прополкой посевов, собирали колоски. Потом, когда немного повзрослели, нам стали доверять более ответственные работы – косить сено, пасти коней и многое другое. А еще вместе с мамой мы готовили

посылки с теплыми вещами для отправки на фронт. Помню, как из Подмоскovie к нам в село эвакуировали семью Евфросинии Яковлевны Хлыновой, которую мы приютили. Они жили вместе с нами до 1944 года. Забегая вперед, скажу, что в 1946 году мы переехали в Подмоскovie и на время поселились у семьи Хлыновых.

В 1943 году мы получили страшную весть – в бою под

Смоленском погиб наш отец Анатолий Яковлевич Борисов. Много горя и лишений довелось испытать нашей семье. Прежде всего – голод и холод, но мы выжили. В эти трудные годы нам очень помогали наши бабушка и дедушка, жившие в Сеченове (Теплом Стане). К слову, бабушка знала знаменитого земляка Ивана Михайловича Сеченова и рассказывала о нем много хорошего. Она дожила до 98 лет.

Позднее призвали в армию и старшего брата, но он не попал на фронт, а служил во Внутренних войсках. Всего за время войны из Теплостанского (ныне Сеченовского) района на службу в армию было призвано 14 тысяч человек. Туда же были направлены и почти вся имевшиеся в колхозах автомашины и трактора. Люди отдавали

и личные сбережения, которые шли затем на формирование авиаэскадрильи «Валерий Чкалов», имени Зои Космодемьянской, строительство военной техники. Например, учителя и учащиеся Теплостанской средней школы собрали 500 тыс. рублей для постройки самолетов. Вот так, все вместе, и те, кто сражался на фронте, и трудившиеся в тылу, и стар и млад – весь наш народ отдавал все силы, чтобы победить в той страшной войне!

Неизгладимые впечатления

В начале 1945 года, по совету маминой и папиной сестер, живших в столице, мы переехали в Москву. Мама устроилась на работу на кондитерской фабрике «Красный Октябрь». В 1946 году устроился на работу и я – стал учеником помощника мастера на ткацкой фабрике в г. Дрезна (Московская область). В 1947 году меня перевели в ремесленное училище №27 г. Москвы. Вступил в комсомол и профсоюз. Учился с большим старанием, занимался спортом. Меня заметили, и нас двоих от училища направили в центральный спортивный клуб «Трудовые резервы», где после собеседования с тренером зачислили в акробатическую секцию. Я до сих пор благодарен тому тренеру за то, что он очень доходчиво разъяснил нам о вреде курения и других подобных привычек. С тех пор я решительно бросил курить, не курю и сейчас.

В 1948 году как отличник учебы и спортсмен я получил право участвовать в первомайском параде на Красной площади, шел в колонне «Трудовых резервов». С трибуны Мавзолея нас приветствовали члены правительства и сам товарищ Сталин. То неизгладимое впечатление от праздника и гордость за страну, победившую в Великой Отечественной войне, живет во мне до сих пор.

«Я тебя всю жизнь ждала...»

Тут можно было бы поставить точку, но ставить ее не хочется. Несколько лет назад Александр Анатольевич овдовел, и так уж получилось, что неисповедимые пути Господни привели его и познакомили с еще одним «ребенком войны» – Юлией Павловной Шлаитовой (наша газета уже рассказывала о ней в №45 за 2017 год). Соединились судьбы двух замечательных людей, чье детство опалила война. «Я тебя всю жизнь ждала...» – это из одного из лучших стихотворений Юлии Павловны. Так что жизнь только начинается...

На линии фронта

Я родилась за три с половиной месяца до начала войны. Об этом времени мне известно из каких-то рассказов родных, что-то помню сама.

Новороссийск

Бомбёжки Новороссийска начались с первых дней войны, жители срочно начали рыть какие-то щели, бегали в них прятаться, если могли добежать. Так как немцы были пунктуальными, горожане уже знали, когда надо убежать прятаться. Иногда они уезжали в Геленджик на пару часов. Говорили, что мне такое сидение в окопах совсем не нравилось.

Однако заводы работали, хотя разрушений было уже много. Новороссийск представлял большой стратегический интерес для немцев как ворота в Закавказье, поэтому они торопились занять город к 15 августа 1942 года, и уже к 5 сентября прорвали оборону города и начали с боями в него прорываться. На Сухумском направлении дорогу им преградили защитники города в районе цементного завода «Октябрь».

С этого времени немцы целый год пытались провать эту пробку разными способами, но наши воины стояли насмерть. А жителям с детьми пришлось эвакуироваться из района завода «Октябрь» кто куда смог. Мама со мной и моей старшей сестрой уехали в Орджоникидзе, но нас там никто не ждал, потому выживать пришлось в очень суровых условиях, когда русским почти никто не хотел помогать. Поэтому мы постарались вернуться домой при первой возможности.

В городе почти не осталось целых строений. Мне помнятся дома с дырами в стенах и без крыш. Вернувшиеся жители начали восстанавливать дома и заводы. Я была маленькая, голод не помню, помню только первые лакомства – макуху (прим. – это жмых от семян масличных культур, выделяющих растительное масло путём прессования). Позже я просила бабушку купить это мне, но вкусной макуха уже не казалась.

Бандеровцы

Взрослые рассказывали, что жить было очень голодно и жили практически под открытым небом. Поэтому мама завербовалась работать на освобождённую Западную Украину, под Львов. Там было что есть и где работать, но бандеровцы житья не давали. Это я помню уже хорошо, потому что каждую ночь приходилось спать на полу под окнами, пока не прекратится стрельба на улицах. А по воскресеньям в загородке около правления колхоза выкладывали ряды трупов, которые разбирали родные для погребения.

А в остальном я жила замечательно, правда, не нравилась еда в детском садике. Это подвигло меня в 6 лет самостоятельно поступить в школу. Там вообще не кормили, а пани учителька ходила по классу и била учеников длинной линейкой. У меня даже грамота есть за первый класс – на украинском языке. В 1948 году меня от греха подальше увезли к бабушке в Новороссийск, где я спала в кухне на печке. Остальным возвращаться было ещё некуда.

Картошку с хлебом?

Однако через год маму позвали на завод, на её прежнее место. Пока заводу строили новый дом для вер-

нувшихся специалистов, мы жили в сарае. А дальше жизнь пошла как у всех в совершенно разрушенном городе. Когда не было хлеба, у нас за столом говорили: «Ну какой дурак ест картошку с хлебом?!», а когда он был, говорили другое: «Вот какой дурак ест картошку без хлеба?!» Выручало море. Бабушка с рынка приносила ведро хамсы (рыбка, разновидность анчоуса. Живёт в стае и считается прибрежным обитателем. Длинной 12-15, редко – 20 см), её тушили на сковородке и ели всей семьёй. Я до сих пор помню это божественное блюдо!

Мы радовались, когда в праздники женщины снимали робы и надевали простенькие ситцевые и штапельные платья. Мы любовались красавцами-морьяками на параде и завидовали старшим сестрам, которые ходили с ними в обнимку после парада. На сэкономленные от школьных завтраков копейки мы купали орехов, мороженого, помадок, ирисок и таких невероятно вкусных конфет – «Соевых кавказских». А потом так же легко, как утром на парад, преодолевали восьмикилометровую дорогу домой. В будни мы все были тимуровцами, учились в школе и играли в «казаки-разбойники», попутно организовывая «схроны», куда прятали огрызки карандашей, сухарики и газетную бумагу на случай войны. Постепенно люди обзаводились хозяйством.

Но даже в 1957 году, когда я уезжала из Новороссийска учиться, в городе не было деревьев, а дома восстанавливались с большим трудом. Всё ещё гибли дети от взрывов снарядов, усеявших склоны наших любимых гор, но войны уже не было.

Мы готовы были любить весь мир!

См. также Почтарюк Надежда «Помните!»

Малолетние узники

Доброжеланнова Екатерина

Окна, в которых всегда горит яркий свет

Саровчанка Екатерина Викторовна Доброжеланнова в 1943 году была еще грудным ребенком и жила вместе с родителями в Киеве. Как-то раз в их деревянный дом попал вражеский снаряд. Здание разрушилось полностью, а одна крепкая доска сломалась пополам и стала для ребенком спасительным шалашиком. Малышка долго плакала, прося

о помощи, зажатая в руинах. Потом детский плач услышала проходящая мимо пожилая женщина, которая отнесла маленькую Катю в детский дом.

Екатерина Викторовна знает эту историю со слов своих «маленьких нянь» – детдомовских сестренок, причем имя и фамилию одной из этих девочек она помнит до сих пор – Надя Морозова. Вскоре маленькую Катю и других детей и взрослых отправили в немецкий концлагерь Маутхаузен.

– У всех был порядковый номер на плече, а у меня нет. Когда немец взял меня на руки, чтобы поставить пожизненную «печать», я оглушительно заревела, – вспоминает рассказы своих старших подруг Е. Доброжелан-

нова. – Малыши все чувствуют и не могут находиться в чужих руках, тем более чувствуя опасность. Тогда фашист бросил меня в солому, и, может, только поэтому я осталась жива. Ко мне подбежали мои «няньки» и вместо соски дали мне мякиш хлеба.

В концлагерях существовала практика забора крови у узников, в том числе и у младенцев. Екатерина Викторовна до сих пор не знает, как ей, совсем крохотной и беззащитной, удалось выжить.

– Я все детство болела, перед глазами постоянно мелькали белые халаты, – вспоминает она. – В школе я начала учиться с девяти лет. После войны оказалась в киевском детском доме. И как любой ребенок, постоянно спрашивала, где моя мама. Но никаких зацепок так и не удалось найти. Моим днем рождения назначили 5 марта. Как-то раз в возрасте 11 лет я поехала в пионерский лагерь, где меня перепутали с девочкой из предыдущей смены. Как мне сказала сестра-хозяйка, мы с моей ровесницей были как две капли похожи друг на друга, да и имя, и фамилия у нас совпадали – Катя Косенчук. Но является

Екатерина Доброжеланнова с внуком

ли эта девочка моей сестрой, к сожалению, выяснить так и не удалось...

Потом жизнь пошла своим чередом: у некоторых Катиных подруг отыскивались родственники, кого-то опекали воспитатели. Лишь однажды Катю взяла к себе домой сердобольная работница детдома, но неудачно накормила девочку тортом.

Е.В.Доброжеланнова: – Я на тот момент не ела ничего слаще, чем морковка. В итоге три дня мучилась с животом, а потом меня снова вернули в детский дом. Да, у меня было тяжелое детство, но я с благодарностью вспоминаю ту заботу и тепло, что мне подарили в детдоме.

Мы ходили на экскурсии, нам читали сказки. Я очень любила шить – обшивала всех своих подруг и мечтала стать портнихой. Но жизнь сложилась по-другому: сначала я работала штукатуром, но вскоре из-за плохого здоровья меня перевели в переплетчицы.

Екатерина Доброжеланнова (справа) в детском доме

В Сарове она работала в городской типографии. Здесь же познакомилась со своим будущим мужем. Сейчас у семьи Доброжеланновых двое взрослых детей и трое внуков.

Е.В.Доброжеланнова: – Чтобы стать настоящей мамой, мне пришлось многому учиться – сказалось детдомовское детство. Когда у меня только-только появился сын, я относилась к своим родительским обязанностям, как к ответственному делу, но без души. И вот однажды маленький сыночек встал в кроватке на ножки и сказал мне – «мама». Тут-то меня как будто стукнуло током – это очень важное исцеляющее слово проникло в самые глубины сердца.

Справка 10.04.2009 г.: Только на территории России фашистские оккупанты расстреляли, задушили в газовых камерах, сожгли, повесили 1,7 миллионов человек (в том числе 600 тысяч детей). Всего же в концлагерях погибло около 5 миллионов советских граждан.

День Победы – это день моего рождения

Дроздов Юрий

Дроздов Юрий Михайлович родился 9 мая 1940 г. в Калуге в семье служащих. Отец – техник-строитель, мать – агроном. В 1945 г., после возвращения отца с фронта, семья переехала на родину отца в Белоруссию, в Могилевскую область, г.п. Хотимск, где в 1957 году он окончил среднюю школу. Далее – учеба в МИФИ. В 1965 году был направлен в Арзамас-16 на дипломное проектирование (диплом с отличием) с последующей

работой в полигонном отделе сектора 4 ВНИИЭФ. Участник 26 натурных испытаний ядерного оружия на Семипалатинском и Новоземельском полигонах. В настоящее время – ведущий инженер по испытаниям реакторного отделения ИЯРФ РФЯЦ-ВНИИЭФ. Награжден медалью «Ветеран труда СССР», почетными знаками «Ветеран атомной энергетики и промышленности», «Академик Курчатов 4-й степени», Почетный ветеран РФЯЦ-ВНИИЭФ.

Начало войны

В довоенные годы профессия моего отца, Дроздова Михаила Феоктистовича, строителя-гидромелиоратора, была связана с постоянными переездами по всему Союзу. Перед самой войной мы оказались в Киеве, где отец был одним из руководителей гидромелиоративных работ на стройках города.

22 июня 1941 г. первые немецкие авиабомбы упали неподалеку от дома, где мы жили (мне тогда было чуть больше года). В первые моменты никто ничего не понял, думали, какие то ночные учения идут. Но когда начали шататься и рушиться стены, люди побежали в подвал. Дом был практически разрушен. Вокруг паника, неразбериха, люди не понимали, что происходит. И только после сообщения Совинформбюро стало ясно – война.

Так с первого же дня войны мы оказались в ситуации: жить негде, отца в тот же день мобилизовали, оставаться в Киеве опасно – бомбежки. И тогда мама решила ехать со мной в Калугу, где у бабушки была квартира. Эта «поездка» в конечном итоге превратилась в эпопею скитаний по вокзалам и полустанкам охваченной войной страны.

Немцы быстро продвигались на восток, отрезанными оказались большинство нужных нам железнодорожных маршрутов. Если бы не помощь наших воинских эшелонов (несмотря на запрет подсаживать гражданских!), мы с мамой вряд ли смогли добраться до Калуги. В пути я тяжело заболел дизентерией, и мама уже потеряла всякую надежду довести меня живым. Но по счастливой случайности на каком-то заброшенном полустанке нас заметила медсестра воинского эшелона, шедшего в направлении Москвы, упростила начальника и взяла нас

с собой. Таким образом в августе 1941 года мы оказались в Калуге.

Но уже в первой половине октября немецкие передовые части, рвущиеся к Москве, захватили город. Начались долгие дни оккупации.

Оккупация

По рассказам мамы, в первые же дни оккупации предатели выдали немцам всё оставшееся калужское подполье, и на городской площади для устрашения населения подпольщиков повесили. Комендатура, расположившаяся в здании бывшего горсовета, издавала устрашающие приказы: за любое неповиновение немецким оккупационным властям – расстрел. В центре города немцы установили большую карту, где каждый день флажками отмечали продвижение своих войск на Москву. Велась непрерывная пропаганда, что Москве совсем скоро «капут», Красная Армия разбита и советская власть не вернется уже больше никогда.

Жители города были предоставлены сами себе – выживали кто как мог. У бабушки с довоенной поры оставались кое-какие хорошие вещи, женские украшения, посуда... Со всем этим мама ходила по окрестным деревням и меняла на еду. Сначала что-то давали, а потом давать не стали ничего, и маме приходилось ходить в очень дальние села. Отчасти жителей спасало то, что перед наступлением немецкая авиация разбомбила городские элеваторы с зерном, и жители всем городом ходили собирать обгорелые зерна.

К концу 41-го заболела бабушка – отказали ноги. От отца с момента мобилизации не было никаких известий. Утешало лишь то, что положение на фронте

под Москвой стало кардинально меняться. Среди горожан прошел слух, что немцы потерпели сокрушительное поражение. Немецкая пропаганда поутихла, даже карту с флажками убрали с площади. И вот, наконец, 17 декабря жители города услышали приближающуюся артиллерийскую канонаду, а 30 декабря 1941 года в результате тяжелых кровопролитных боев Калуга была полностью освобождена.

Второй день рождения

В город вошли сибиряки. Бойцы и командиры в белых полушубках, валенках, шапках-ушанках и с ППШ в руках. Радости калужан не было предела! К сожалению, для нашей семьи радость долгожданного освобождения была омрачена. Уходя, фашисты заложили мины замедленного действия в комендатуре, а наш двухэтажный дом был совсем рядом. И вот в новогоднюю ночь на 1 января 1942 года прогремел мощный взрыв. Комендатуру разрушило полностью, а у нашего дома снесло крышу. Я чудом остался жив. По словам мамы, в кроватку, где я спал, в нескольких сантиметрах от меня упала бетонная балка с крыши. Мама думала, что меня уже нет в живых – но Бог помиловал, я уцелел, отделавшись синяками и царапинами. Так что теперь новогодняя ночь для меня – второй день рождения.

Саперы, прибывшие после взрыва, вынесли нас и поместили в госпиталь, где мы отходили от шока около недели. Маме, как жене фронтовика с маленьким ребенком и больной матерью, выделили комнату в одном из уцелевших домов города. В освобожденной Калуге начали восстанавливать заводы, и маму взяли на работу.

Она стала получать продовольственные карточки на меня и бабушку, Жить стало немного легче.

В 1943 году бабушка умерла, мы с мамой остались одни. Когда она была на работе, я оставался в квартире на попечении соседней по коммуналке. Тогда жили все дружно, помогали друг другу. У всех ведь была одна беда – война. От отца по-прежнему не было никаких известий. Радостная новость пришла лишь в конце 1944-м: мама получила весточку от отца! Письмо с маленькой фотокарточкой получили откуда не ждали – из Иркутска, где в военном госпитале он находился на лечении.

Фронтной путь отца

С начала войны отец воевал во фронтной разведке. В конце 43-го в должности командира взвода 1-го Белорусского фронта дошел до Минска. И вот там при выполнении одного из боевых заданий за линией фронта ему не повезло – при возвращении на базу не заметил тщательно замаскированную противопехотную мину и задел ее. В результате – сильнейшая контузия, была полностью раздроблена стопа левой ноги. Разведчики перетащили своего командира через линию фронта, принесли в полевой медсанбат, где ему была оказана первая медицинская помощь. Далее отца санитарным эшеленом отправили в глубокий тыл в специализированный военный госпиталь Иркутска. Здесь хирурги провели очень сложную операцию по восстановлению раздробленной стопы. Операция прошла удачно, кости начали медленно срастаться – правда, не совсем правильно (впоследствии отец очень сильно хромал и часто ощущал боли в ноге).

Почти год длились лечение и реабилитация. В феврале 45-го отца, наконец, выписали из госпиталя, он был демобилизован из армии. На этом война для него закончилась, в марте 1945 г. он вернулся в Калугу. За участие в Великой Отечественной войне мой отец награжден Орденом Красной Звезды, Орденом Славы II степени, Орденом Отечественной войны II степени и многими медалями.

*Дроздов
Михаил Феоктистович*

День Победы

Момент встречи с отцом помню до сих пор. Дома я был один (болел свинкой). А он вошел, схватил меня на руки, прижал к груди и со слезами сказал: «Сынок, какой же ты бледненький и худенький!» Когда с работы пришла мама, она не смогла сдерживать слез. Сбежались все соседи по коммуналке, очень радовались за нас.

День Победы мы встретили в Калуге. Папа по этому случаю

надел свои боевые награды – его, как и всех фронтовиков, обнимали, целовали, поздравляли. Праздник оказался для нас двойным – день 9 мая совпал с моим днем рождения.

Выживали...

Я всю жизнь проработала на заводе «Авангард», только на пенсию ушла из ВНИИЭФ, когда завод присоединили ко ВНИИЭФ. На заводе начинала токарем, окончила вечерний техникум в городе, перешла в заводское КБ – начала чертёжницей, закончила работать начальником группы.

Приморье, Сибирь

– Родилась я в 1944 году в Приморском крае. Папа у меня был военный, мы объездили с ним весь Дальний Восток и Сибирь (а ещё Подмосковье, Ивановская область). Папа мой, Леонид Павлович Петров, был участником войны с Японией. Жилось тяжело: трое детей (кроме меня – два брата), неустроенность быта...

Когда война с Японией началась, семьи военных из Приморья эвакуировали в Сибирь, жили там в землянках, об этом родители и братья рассказывали, сама не помню – слишком мала была ещё в то время.

Мама, Клавдия Васильевна, работать не могла пойти – дети. Мама у нас строгая была. В школу я пошла на Дальнем Вос-

токе, мне, наверное, как самой младшей, трудностей военного времени мало досталось – меня оберегали. А родителям и братьям тяжело приходилось. Весной и осенью реки в Приморье разливались – ой как! Во время половодий мы наблюдали воинские учения. Мы жили на реке Иман (*прим.: он же – Большая Уссурка*) в районе Владивостока.

На объекте

Первую жилплощадь мы получили уже в 1953 году, когда приехали сюда, на объект. Постепенно семья разрослась, мы разъехались – но, в основном, в пределах города.

В 50-х годах объект только начинался. Военные строители строили площадь Ленина, Дворец культуры, кинотеатр «Октябрь», магазин «Юность». Это все папино. Но работали, вы помните, и военные строители, и заключённые. Вот Дворец культуры построили, зеки отцу говорят, мол, ставь четыре бутылки коньяку – мы тебе люстру повесим на всю жизнь; пожадничаете, значит, свалится скоро. До сих пор прихожу в ДК и смотрю на эту люстру в большом зале... От папы привет.

См также Почтарюк Надежда «Помните!»

Лихолетье буду помнить всегда

Завалишин Юрий

О военном детстве и не только

Юрий Кузьмич Завалишин, 1932 г.р.: с 1990 по 2000 год генеральный директор ядерно-боеприпасного завода «Авангард», с 2000 по 2002 год – научный руководитель завода. Доктор технических наук, профессор. Член Российской и Международной инженерных академий, а также Международной академии информатизации. Юрий Кузьмич – лауреат госпремии РФ в области науки и техники (1995 г.) и премии

Правительства РФ в области науки и техники (2002 г.), заслуженный машиностроитель РФ (1992 г.).

Награждён орденом «За заслуги перед Отечеством» IV степени (1999 г.), двумя орденами Трудового Красного Знамени (1971 и 1986 годы), орденом «Знак Почёта» (1962 г.), орденом Петра Великого (2006 г.) и многими медалями. Ветеран атомной промышленности, Почётный гражданин города Сарова (1999 г.)

С каждым годом все меньше остается ветеранов Великой Отечественной. За ними следует поколение детей войны – тех, кто смотрел на ее ужасы детскими глазами беззащитных перед ее смертоносной силой, но выживших вопреки всему. И не просто выживших, но поднявших страну из руин, создавших на развалинах великую державу.

Одним из таких выдающихся детей войны является Юрий Кузьмич Завалишин, проработавший на ЭМЗ «Авангард» 50 лет, пройдя долгий путь от технолога до генерального директора завода – одного из ведущих предприятий промышленности ядерных боеприпасов, а ныне – профессор кафедры технологии специального машиностроения СарФТИ НИЯУ МИФИ, кузницы кадров для ВНИИЭФ.

Казачьих корней

Юрий Кузьмич Завалишин родился 3 октября 1932 года в семье потомственного казака Оренбургского казачьего войска Кузьмы Устиновича Завалишина в селе Катенино Варненского района Челябинской области. Отец нашего героя, человек исключительно трудолюбивый и дисциплинированный, после Гражданской войны окончил сначала педагогическое училище, а позже и институт, начал учительствовать. Мама Юрия Кузьмича Нина Александровна из семьи священника, родом из Мордовии, также по образованию педагог.

Знания, стремление к образованию в семье всегда были в особом почете. В доме была большая библиотека: книги по литературе, истории. Когда в 1937 году из ссылки к Завалишиным приехала бабушка по матери Мария Максимовна Знаменская, она привезла с собой

книги Данилевского, Достоевского и «Житие преподобного Серафима Саровского».

Военное лихолетье

Юрий Кузьмич вспоминает:

Перед войной, в 1940 году, я начал учиться в Пышминской средней школе (районный центр Пышма Свердловской области, куда его отец был переведен завучем в десятилетку – ред.). Учился хорошо и с большим желанием. Надо сказать, что в военные, да и в первые послевоенные годы жизнь людей была настолько тяжелой, что детям редко удавалось закончить десятилетку. После четырех классов ребята, в основном, уходили в ремесленные училища, начинали работать, поддерживая свои семьи материально. Некоторым удавалось завершить семилетнее образование и поступить в техникум. И надо признать, что к этому стремились, тяга к учебе в те годы была отличительной чертой молодого поколения.

Что же касается десяти классов, то в нашем, например, большом сибирском районе к концу войны осталась всего одна средняя школа. Находилась она в районном центре, вдалеке от глухих деревень и сел. В 1950 году ее закончили всего семь человек. Среди них был и я.

О войне наш герой вспоминает так.

– До сих пор в памяти «черные тарелки» радиорепродукторов. Из них узнали о войне. Уже в августе 1941 года начали приходить эшелоны с эвакуированными, в основном из Ленинграда. Отец работал в военкомате на призыве – тысячи людей отправляли на фронт. Самого отца призвали в октябре 1941 года, а

в марте 1942-го он погиб на Волховском фронте. Юрий Кузьмич долго искал могилу отца. В 1962 году он ездил в Сясь-Рядки под Волховом. Безымянные могилы и памятник советскому солдату. Около ста надгробий, под ними сотни солдат лежат. После войны захоронения перенесли в Волхов, там есть надгробие и надпись. Вечная память.

Лихолетье военных лет я помню хорошо. Мама учительствовала, жили трудно и голодно. Чтобы прокормиться, обрабатывали большой огород, держали корову и теленка. Да еще заготовка сена, дров... Электричества не было. Помню, мама допоздна просиживала после того, как были закончены все тяжелые домашние дела, над проверкой школьных тетрадок при коптилке. Непосильный труд военного времени, гибель отца подкосили ее здоровье.

У нас, детей, понятия свободного времени не было. Кроме своего дома, где без нашей помощи мама бы не справилась, мы постоянно привлекались к сельскохозяйственным работам. Младшие сажали и убирали картофель, собирали колоски. Старшие – заготавливали дрова для отопления школы зимой. Сейчас, вспоминая все это, думаешь, насколько, все-таки, большими потенциальными силами обладает человек. Ведь все выросли, в основном, здоровыми, да еще и учились неплохо...

Помню, ездили в 1944 году в небольшой городок Камышлов – там был госпиталь тяжелораненых. Красноармейцы – молодые ребята лежали на железных кроватях. Мы выступали перед ними. Я читал стихи Лермонтова. Действовали пионерские лагеря. Помню, вожатые активно приобщали нас к спорту. Играли в футбол и волейбол. Кормили борщом из крапивы, све-

кольной ботвы, картошки, немного мяса. Соседний колхоз привозил молоко.

В 12 лет мама купила мне ружье. Для сибиряков это в порядке вещей – школьники в этом возрасте самостоятельно ходили на охоту и рыбалку. Сейчас вспомнить... Летом мама в лесу деревья валила, их надо было как-то привезти, перепилить, расколоть. Это мы с братом – и пилили, и кололи, и в поленницы складывали. Лес сырой, дымно от таких дров, и все равно холодно зимой. Спасала русская печка. Все четверо там спали в сильные-то холода.

Тяжко и совсем голодно было в 1946-47 годах. Кормил огород – так на картошке-моркови, на бобах да на горохе и выросли. Огурцов засаливали много, капусты. И корова-кормилица. Летом ей нужно сена запасты. А там, где мы жили, леса кругом, сенокосные участки «точечные»: полянки то там, то здесь – на них и косить нелегко, и переходить с одной на другую – тоже. Потом сено сушить, копнить, перевозить домой. В общем, даже понятия такого не было – «отдыхать».

В начале войны мне десяти лет еще не было, брату – семь да сестренке пять. В райцентре, километрах в ста семидесяти от Свердловска, где мы жили, оставалась единственная на весь район школа. Мама в ней учительствовала. Помню, 1 сентября школа на линейку построилась, а рядом со мной девочка стояла. Босая! С ноги на ногу припрыгивает. В грязи, на холоде – Сибирь же. Но не помню, чтоб кто-то из моих сверстников умер от болезней. Не могу не сказать о той удивительной жизненной силе, которую проявили в трудные военные и послевоенные годы наши матери. На их долю выпало не меньше ис-

пытаний, чем легло на плечи воинов-защитников страны. Их вклад в будущее, а им всегда являются дети, просто неоценим.

На Объекте

После окончания школы Юрий решил стать металлургом. «Кроме неплохих материальных перспектив, меня привлекала и романтика по-настоящему мужского труда». Он стал студентом металлургического факультета Уральского политехнического института. Юрий Кузьмич рассуждает:

– После войны дать высшее образование в лучших вузах страны трем детям, оставшимся без отца, было очень непросто. На это надо было решиться, выдержать материальные трудности и вовремя поддерживать детей морально... Думаю, что именно этот шаг моей мамы, ее бескомпромиссная позиция предопределили мое будущее. Маме я обязан до конца жизни...

По окончании института в июне 1955 года на комиссии по распределению Юрию Кузьмичу коротко объяснили: «Вы едете по спецраспределению». Он вспоминает:

– Помню утро 2 августа 1955 года, когда поезд, которым я прибыл на объект, остановился на КПП зоны. Несколько рядов колючей проволоки, следовая полоса, собаки, воинский наряд с автоматами – все атрибуты границы. И как на всякой границе, тем более, если пересекаешь ее в первый раз, появляется ощущение определенного волнения. Страх или боязни не было, но некоторая взволнованность перед каким-то новым миром, который впервые открывался передо мной, была».

И закипела работа. О ней Юрий Кузьмич рассказывает так:

– Наставники в жизни были. На каждом этапе. Когда начал работать технологом, Павел Михайлович Зернов дал команду отобрать двоих специалистов по цветной металлургии – а у меня диплом был по отливке турбинных лопаток для авиационных двигателей. Меня и направили в цех внедрять литье. Интересно, конечно, но никто, кроме меня, этого литья не знал, а я – на уровне дипломного проекта. Однако заказал оснастку, оборудование, начали отливать... баллистические ракеты.

Одним из моих практических учителей стал Анатолий Васильевич Багров. Он тогда казался мне старым – за сорок ему было. В части профессиональной он мог сделать все что угодно своими руками, а вот описать технологический процесс не мог – это делал Владимир Григорьевич Фоломеев. Я к нему в группу попал. Подход к технологии, к технике, к стандартам, качеству выполнения работы – это все от него.

Руководство заводом Юрия Кузьмича пришлось на трудное время 90-х. Каким он был руководителем? «Я считаю, что есть начальники, а есть – руководители. Смею надеяться, что был именно руководителем», – говорит Ю.Завалишин в своем интервью.

В 2003 году завод «Авангард» вошел в состав ВНИИЭФ. До сих пор многие «авангардовцы» задаются вопросом: можно ли было иначе решить проблему завода? Был ли иной вариант? Свою точку зрения прежний директор Юрий Кузьмич Завалишин, руководивший заводом в годы экономических реформ (1990-2000), не раз высказывал. В далеких министер-

ских кабинетах, в прессе, в своих книгах по истории отрасли и «Авангарда».

– Завод мог бы остаться самостоятельным предприятием. Я в то время на заводе уже не работал, потому вижу ситуацию со стороны. Объединение решилось не на уровне завода и не на уровне ВНИИЭФ. В министерстве и правительстве. К тому времени стало ясно, что количество боеприпасных заводов необходимо было сократить с четырех до двух. Для главка вариант сократить уральские заводы, в глуши, в горах был неприемлемым. Здесь было проще: слили с институтом. Но, знаете, могли быть иные формы – другой главк, другая продукция.

Опыт – молодым

О чем ни заговори с Юрием Кузьмичом, он так или иначе возвращается к «Авангарду». Цеха, технологии и изделия, социальная инфраструктура, созданная для заводчан и их семей, – пионерский лагерь и база отдыха, стадион, дом культуры, две гостиницы... Он принимал в этом участие. Теперь его забота – студенты, будущие инженеры, которых так не хватает на производствах. В том числе на основном. Но не только в Сарове.

– Я доволен, что после громадной работы на заводе пришел сюда, – говорит создатель кафедры технологии специального машиностроения СарФТИ, в прошлом ее руководитель, а теперь профессор. – Надо учить инженеров. Таких, чтобы были в курсе всех новых течений, событий, разработок в энергетике.

В 2002 году Юрий Кузьмич пришел в Саровский государственный физико-технический институт (ныне – СарФТИ НИЯУ МИФИ). Им была создана кафедра тех-

нологии специального машиностроения. В июле 2006 года он защитил докторскую диссертацию (кандидатская была защищена в 2000-м), а в 2009 году ему было присвоено звание профессора.

Кафедра готовит инженеров-конструкторов, технологов, исследователей и организаторов производства для ядерного оружейного комплекса, главным образом, для ВНИИЭФ. Занятия проводят опытные специалисты – сотрудники ВНИИЭФ и ЭМЗ «Авангард». По инициативе Юрия Кузьмича читаются новейшие курсы: «Наноматериалы и их применение», «Взрывчатые вещества», «Основы конструирования неядерных боеприпасов», «Альтернативные источники энергии», «Неразрушающие методы контроля». На кафедре организовано множество лабораторий, в том числе неразрушающего контроля и сквозного проектирования – с новейшим оборудованием. Детище Юрия Кузьмича продолжает расти и развиваться.

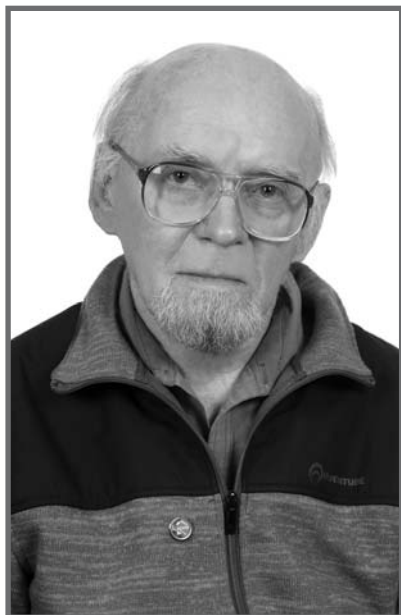
Не паникуй

Иоилов Герман

Сам погибай – а товарища выручай.
Александр Суворов

Иоилов Герман Фёдорович, 06.01.1937 г.р. в г. Москва, разработчик и непосредственный участник испытаний ядерных зарядов (ЯЗ) в войсковых частях на Семипалатинском и Новоземельском полигонах, ведущий научный сотрудник РФЯЦ-ВНИИЭФ, имеет учёную степень кандидата физ.-мат. наук, учёное звание старшего научного сотрудника, член-корр. Международной академии информатизации. В войсковых частях МО СССР на натуральных испытаниях ЯЗ отработал 11 лет и 3 месяца. В системе организаций Минатома-Росатома выработал 32 года. Награждён в 1987 г. медалью «Ветеран труда СССР», в 2000 г. – знаком «Ветеран атомной энергетики и промышленности», в 2013 г. – нагрудным знаком «За вклад в развитие атомной отрасли» за участие в разработке закона о ЗАТО. Обосновал создание в Сарове двух Центров здоровья – для детей и взрослых. С 2017 г. – Заслуженный ветеран г. Саров.

***

**1941 г. Москва, воздушные тревоги,
бомбёжки, расстрелы, эвакуация**

*«Не боялась сирены соседка,
И привыкла к ней мать понемногу.
И плевал я, здоровый трехлетка,
На воздушную эту тревогу.
Да не все то, что сверху от бога
– И народ зажигалки тушил.
И, как малая фронту подмога,
Мой песок и дырявый кувшин».*

**Владимир Высоцкий,
«Баллада о детстве»**

Зажигалки

Лето – я, четырёхлетка, во дворе дома по ул. Щукинской 26 в Москве, играю в песочнице. Вдруг около меня падают дымящиеся головешки, которые засыпаю песочком как делал и Володя Высоцкий. Смотрю – папа с крыши нашего дома кидает вниз эти немецкие зажигалки. С криком подбегает страшно рассерженный (испуганный) дядька, хватает меня, подбегает к входу в подвал нашего дома и бросает на головы тесно стоящих на лестнице закрытого входа в подвал людей, реву.

Бомбоубежище

Я с мамой в подвале соседнего с нашим домом дома. Тесно от спасающихся людей. Слышно – стреляют пулемёты (та-та-та), «ухают» зенитные пушки и

*Мама,
Марина Сергеевна Иоилева
(Малькова)
в годы войны*

фугасные бомбы. Вдруг всё затряслось, повалил дым, люди в панике побежали из подвала, а мама села со мной на пол и прижалась к стене. Налёт кончился, выходим, а рядом с домом вижу большую дымящуюся воронку от фугаски.

Расстрел с брющего

Детские садики не работают. Чтобы не оставлять детей дома одних, их разрешили брать с собой на работу. Мама работала инженером-конструктором в авиационном КБ Ермолаева, выход был из проходной КБ и завода через Ленинградский проспект к входу в метро «Аэропорт». По окончании работы идём с народом и мамой в метро. Вдруг слышу – летит самолёт и стреляет та-та-та. Вижу «мессер» («Мессершмит»), кресты на крыльях с прямо обрезанными (не закруглёнными) концами. Мама не побежала, а бросила меня на асфальт проспекта и сама ложится на меня, прикрывает сверху от второго расстрела, мне тяжело и больно. Слышу второй самолет на брющем полёте и снова та-та-та. Встаём, бежим к входу в метро, а на асфальте остаются лежать погибшие и раненные люди. Потом мама рассказывала, что после этого налёта единое для всех время окончания работы разбили на несколько разных.

Трамвай с наганом

18 октября 1941 г., немец подошёл близко к Москве, была объявлена срочная эвакуация. Мама приходит с работы, собирает чемоданчик, берёт меня и садимся в битком набитый трамвай. Вдруг вижу – люди бросают вещи из трамвая и выпрыгивают сами на полном ходу. А около вожатой трамвая стоит дядька с наганом на её голову. Мама не стала паниковать и выпрыгивать. В таком пустом трамвае под дулом нагана без остановок мы доехали до Белорусского вокзала.

Бомбёжка эшелона

Мама разыскала эшелон для работников своих КБ и завода. Погрузились в двухосную «теплушку» (на 40 человек или 8 лошадей, в 1956 г. в такой нас студентов МИФИ на нарах с соломой четверо суток везли на целину убирать урожай). Меня и маму провожает папа. Вдруг – воет сирена воздушной тревоги, паника, все куда-то убегают. Я реву, обиделся, что папа нас бросил. А он, красный командир, обязан был при воздушной тревоге занять по приказу боевой пост на вокзале, при неявке – расстрел. До окончания воздушного налёта мы с мамой просидели в нашей теплушке, а соседняя сгорела от зажигалок.

Краснофлотец на снегу

Эшелон отъехал от Москвы и остановился. Пропускаем встречные эшелоны с бойцами. Выпал снег, теплушку греют печкой буржуйкой. Мне захотелось и меня с мамой выпустили «погулять». Вернулись, и вдруг

стук в дверь – откройте. Эвакуированные испугались – «Что произошло?». Приоткрыли, вижу – на снегу в чёрной флотской шинеле, бескозырке и с трёхлинейкой стоит краснофлотец и говорит: «Возьмите, мальчик варежечку уронил». Потом узнал, что этих моряков-дальневосточников так и бросили на оборону Москвы.

На фронте

Лето 1943 г. Гера – «сын полка» у папы на фронте. 1943-й год, с мамой и братишкой Володей вернулись из эвакуации в голодную Москву. Есть нечего, как праздник – пустой суп из вяленой воблы и кусочек хлеба величиной со спичечный коробок. Папа взял меня откармливать в дивизию. На всю жизнь запомнил первую

мою еду из красноармейского котелка – вкуснейшие макароны с селёдкой. Спал в папиной землянке на верхних нарах. В бомбёжку ночью меня засыпало, во рту земля, задыхался, еле пищал. В боевой обстановке красноармеец без паники вытащил меня, контуженного, за ноги из завала на этот свет. Очнулся дома от крика мамы «Пусть лучше подышает с голоду дома, чем убьют на фронте».

Испытания ядерных зарядов в холодной войне

*Мы дети войны и голодного детства...
Мы создавали ядерный щит,
Который страну от врагов защитит.
Космос освоили и целину,
От холодной войны защитили страну.*

Н.С. Барышников

Детские военные уроки «Не паникуй» пригодились мне при подземных испытаниях ЯЗ в штольнях Дегеленских гор. После подрыва ЯЗ в горе возникали трещины, через которые пробивались радиоактивные газы. А как можно ближе к устью штольни располагались передвижные лаборатории (ПЛ или фургоны) для фиксации на фотоплёнке характеристик испытанного ЯЗ. Снять эту информацию всегда нужно было скорее. Когда не успевали – фотоплёнки чернели от облучения и теряли результат испытаний.

После взрыва – в штольню

В опыте 1966 года в штольне З-2П (П – повторная, означает второй подрыв в этой штольне) меня сразу после взрыва доставили к устью штольни. Вижу – молодые лейтенанты в фуражках и без никакой защиты с шахтёрскими фонариками бегут в штольню забирать чувствительные к нейтронам индикаторы. Меня увозит наш газик, а лейтенанты ещё достают индикаторы в штольне.

Грунтовая волна

В опыте 1967 года В. Адамского я был около ПЛ примерно в 300 м от устья штольни № Ж-2П и наблюдал, как поднялась и осела гора, а на меня набежала и подбросила грунтовая волна высотой около метра. Завалились фургоны, стоявшие боком к горе. К устью штольни помчалась колонна безкузовных легковых газиков с испытателями для забора радиоактивных продуктов взрыва. Вдруг – сирена аварийной эвакуации, испытатели бегут в свои газики и уезжают от штольни по грунтовой дороге. Бегу к ним, один из газиков притормаживает и я прыгаю в него.

Не замёрзли

На Новоземельском полигоне с морозом холоднее минус 10 градусов не встречался. Зато бывали полярная ночь, сшибающий с ног ветер и объявления по гарнизону: «Если встретите белого медведя – не бежите, всё равно догонит». Январь 1970 г. на «Семском» полигоне было «жарко» до минус 50 градусов по Цельсию. Испытанием своего нового ЯЗ руководил Герой Соцтруда Ю.Н. Бабаев. На заключительных операциях в повторной штольне наша бригада задержалась, не успела уехать с колонной. В ночь на дороге в 10 км. до базы наш легковой газик с брезентовым верхом и солдатом – водителем завернулся на бок и заглох. Ребята разбили боковое стекло в брезенте и быстро вылезли в морозную степь. Поставили газик на колёса и стали заводить. Стало понятно, что если не заведёмся, то можем замёрзнуть. Повезло – через полчаса завелись и доехали до нашего деревянного барака – «клоповника».

Добровольцы

На одном из опытов 80-х годов, где руководителем был лауреат Ленинской премии В.Н. Лобанов, мне сразу после взрыва приказали руководить бригадой добровольцев для аварийного снятия плёнок за время не более 20 мин. Пришлось встать с дозиметристом на устье повторной штольни около ПЛ. А ребятам разрешил выходить из закрытых фургонов только через 20 мин., чтобы не наглотаться вредности. Гора несколько раз «дышала» от уровня до в 100 раз выше фона гранитной породы по всем альфа, бета и гамма радиоактивностям. Не паниковал, сирену для аварийной эвакуации не запускал, фотоплёнки успели снять и умчаться на нашем ПАЗике без потерь.

Газ прорвался

В другом опыте в те же годы с руководителем Героем Соцтруда Ю.А. Романовым я с бригадой сотрудников ВНИИЭФ прибыл на устье повторной штольни для снятия плёнок. Разбежались по фургонам, и вдруг вижу вырвавшееся радиоактивной струёй пылевое облако с движением на нашу площадку. Ребята стали прибегать со снятыми плёнками в мой ПАЗик, а двое задержались до регламентных 20 минут. Не запаниковали, не бросили их, уехали все вместе в положенное время. Через 200 м на полевом перекрёстке встретили вооружённого солдата, остановил ПАЗ, показал на вырвавшееся облако, предложил бежать с нами. Он передёрнул затвор автомата и остался на своём посту.

В эвакуацию

Иродова Нина

Они помнят. Сейчас уже и не сказать, что в воспоминаниях детей войны – их личное, а что – напластования, услышанные позднее. Важно ли это? Вряд ли. Дети войны пережили ее. Они помнят – и нам не дадут забыть о молчаливом подвиге непосильной работы в тылу, об изнурительном голоде, о стылом ожидании вестей с фронтов. О без времени увядших матерях, об умерших и потерянных братишках и сестрѐнках. Спасибо им – они помнят.

Татьяна Криницкая

***

Иродова (Муратова) Нина... Военный городок около деревни Канатово Кировоградской области, куда отец, авиационный механик, перевез нас из Подмосковья в 1938 году, был уютным. Он примыкал к какому-то саду, и мы, ватага мальчишек и девчонок, делали на него налеты, когда созревали груши и сливы. И песню «Если завтра война, Если враг нападет» я пела вместе с летчиками. Слова «враг нападет» меня не особо пугали – думалось, что это вроде драки с мальчишками, где нужно дать сдачи. И приходила домой ободранная и с синяками.

Война началась

К воскресенью 22 июня 1941 года наша семья состояла из пяти человек: папа с мамой и три девочки – я, семилетняя, была старшей, средней было четыре года, младшей около двух. Мама ждала четвертого. Потому у меня была обязанность опекать сестреночек, гулять с ними. Я забрала своих подопечных и повела их в степь, где цвели маки и свистели суслики. Наверное, в полдень мы, разморенные и усталые, тащились домой, а навстречу бежала мама: «Где тебя носит – война началась!». Я немного напугалась – у мамы были встревоженные глаза.

С каждый днем понятие «война» расширялось: «бомбили Киев», «стали копать убежище», «объявлена боевая тревога». Но в городке было пока спокойно. Однако стали уезжать семьи – ничего не брали с собой, оставляли маме ключи от квартир, чтобы она поливала цветы. В нашем коридоре появились два сундука – один с одеждой, другой с посудой. И больше ничего у нас не было, все остальное – казенное. Дней десять отец успокаивал маму, постоянно говоря, что все это скоро кончится, что война долгой не будет.

Он не хотел отправлять нас в эвакуацию. Но в городке осталось всего две семьи, мы с мамой продолжали обходы квартир. Что меня удивляло: там было чисто и убрано. Меня мама оставляла у порога, чтобы я не наследила. В одной из квартир я увидела громадный ящик с елочными украшениями. Их было так много, все такие красивые – шары, бусы, мишура... Я не удержалась и что-то запихнула себе за пазуху. Выходя из квартиры, мама заметила, что платье оттянуто. Схватила больно за плечо, сильно тряхнула, вытащила игрушки и заставила положить на место, прибавив еще и подзатыльник. При

этом хлестнула словами: «Никогда не думала, что ты воровка!». Это на меня так подействовало, что до сих пор понимаю: не мной положено – не мне и взять.

Первый фашистский самолет-разведчик пролетел на бреющем полете прямо возле колонки, где мама брала воду. Она так напугалась, что бросила ведро и убежала в подъезд. В эту же ночь начали бомбить наш аэродром. Мы, дети, стояли в простенке коридора и слушали взрывы, видели вспышки за окном, дом дрожал.

Эвакуация

14 июля на рассвете прибежал отец, схватил первый попавшийся сундук (к сожалению, с посудой), нас, детей, сонных и раздетых, посадили в грузовик, довели до станции и сунули в товарный вагон. Отец простился с нами на долгие пять лет...

Не помню, сколько мы ехали, не стало еды, поезд остановился в поле и долго стоял. Напротив, через овраг на горке, виднелась деревня. Мама и наша соседка решили рискнуть, сходить в деревню. Они возвращались, когда поезд уже тронулся. Я, обезумев, закричала, остальные дети заплакали. Боясь, чтобы ребяташки не вывалились из вагона, растащила их по разным углам и кричала в окно: «Мама-ааа! Мааааааа!», пока не охрипла. На ближайшей станции вдруг вижу маму! Она пробиравась под вагоном стоявшего рядом со-

става. Оказывается, вслед за нами ехала дрезина – подобрала двух зареванных женщин. Пережитый ужас потери матери помню до сих пор. Нас везли в Омск. Но нужно было искать пристанище поближе – мама была в положении. А пока ехали, война то догоняла нас, то обгоняла – разбомбив мост впереди нас. И поезд давал задний ход, и нас везли в объезд.

В дороге видела много страшного. Голод, осиротевшие дети, матери, в одно мгновение потерявшие все, что им было дорого. Так, на одном полустанке к нам в вагон зашла женщина, искавшая своих детей. Она расшвыривала нас, какой-то солдат вывел ее из вагона. Мама сказала, что она была сумасшедшей. Видела разрушенные станции, очереди стоявших за водой людей.

Долго не могла отойти от страха потерять близких. До Омска нас не довезли – мы вышли в Горьком, пересели на поезд до Мухтолова и 31 августа (полтора месяца на колесах!) приехали в Ардатов, где всю войну ждали отца.

Помощь и радости

Детство закончилось. Воспоминания не стерлись в памяти. В том времени было немало доброго. Соседи делились последней картошкой, особенно с детьми. А когда в Ардатов привезли детей из блокадного Ленинграда, отдавали им все, что было, выхаживали, обстирывали, брали домой – подкормить (в ущерб собственным детям).

Конечно, были и светлые дни праздников – Новый год, Октябрьские. Но лучшими праздниками были дни наступления наших войск. Вместе со взрослыми мы радовались, и сами, без взрослых, устраи-

вали кукольный театр. Вешали простыни, куклы были самодельными – тряпичные и из овощей.

Не перестаю удивляться, насколько наши родители были сильны духом, как они поддерживали нас в невыносимых, по сравнению с нынешними, условиях.

Нина 1943 г.

Пьедестал для победителей

Кельин Василий

Василий Дмитриевич Кельин 16.05.1940 г.р. С октября 1959 г. по октябрь 1963 г. служил в Советском Военно-морском подводном флоте. На объекте Златоуст-36 проработал 5 лет инженером-технологом. С февраля 1975 года по май 2005 года работал на ЭМЗ «Авангард», последняя должность – ведущий инженер-технолог. Имеет многочисленные ведомственные награды.

Дети войны

Впервые словосочетание «дети войны» я услышал 2 сентября 1947 года. Почему такая точность? Потому что 1 сентября начался учебный год и я пошёл в 1 класс, а 2 сентября нас построили во дворе школы на линейку. Перед учениками и учителями стоял директор школы. Он был в военной форме без погон. На его груди блестели ордена и медали. Рядом стояли трое учеников

(два мальчика и девочка) из тех, кого называли переростками (т.е. дети, которым война помешала учиться).

Директор сказал:

– Школьники и учителя! Перед вами дети войны. Они совершили проступок и должны понести наказание (с утра прошла молва, что они вечером 1 сентября учительницу толкнули в терновый куст). Первое наказание они получили тем, что они дети войны. Второе наказание в том, что они стоят перед вами и раскаиваются.

– Вы раскаиваетесь? Они кивнули головами и еле слышно сказали «да». Третье наказание будет, когда уйдя от сюда, вы расскажете родным, соседям о нашей линейке. Завтра о них будет говорить вся станица.

Линейка окончена. Все на занятия.

Прошло 67 лет, и вот в феврале 2014 года заговорили о детях войны. По инициативе КПРФ прозвучал девиз: «Детям войны – достойную жизнь!» Стали создаваться общественные организации «Дети войны», в Государственную Думу, в думы местного значения стали вноситься предложения о принятии закона о детях войны, но где-то это отклоняется, а в Нижегородской области просто игнорируется. Однако первичные общественные организации «Дети войны» в области и в г. Саров созданы и работают.

Мама

Из одной забытой советской песни:

С чего начинается Родина?

С той песни, что пела мне мать.

Война это жесточайшее испытание для всех людей и для детей тоже. Не всем удалось выжить и вынести эти

испытания. Те дети, кому это довелось вынести, с благодарностью вспоминают взрослых: бабушек, дедушек, мам, старших братьев и сестёр, порой совершенно чужих людей, которые помогли, способствовали их выживанию, спасая жизнь. Меня и соседскую девочку спасла бабушка, вытащив из огня. Немец из огнёмёта выстрелил в скромное убежище, где нас (детей) прятали родители при обходе домов немецкими патрулями. Убежище загорелось, превратилось в одно мгновение в ко-

стёр. Бабушка вошла в этот костёр и вытащила нас.

Мне очень хочется рассказать о своей маме, участнице ВОВ. Мамы нашего поколения достойны того, чтобы о них рассказывали и чтобы ими гордились. Современные календари наполнены знаменательными датами, праздниками: международными, государственными, профессиональными, религиозными, бытовыми. Перелистывая такой календарь, я встретил пометку: «День матери».

Прочитав эту пометку, я вспомнил свою маму. Моя мама, Анна Федотовна, прожила долгую (почти 90 лет) жизнь, наполненную разными историческими, мировыми, государственными, политическими, экономическими, религиозными, бытовыми событиями.

И если мировые, исторические события (Первая мировая война) коснулись её косвенно, то государственные, политические, экономические, религиозные, рево-

люция 1917 года, гражданская война, коллективизация, индустриализация, голод 1933 года (голодомор), Вторая мировая война, период восстановления народного хозяйства после войны мою мать (а точнее, родителей) не только коснулись, а затронули, охватили и здорово потрепали. О каждом из этих периодов в жизни моей мамы можно написать книгу, я же коснусь некоторых и очень коротко.

В моей семье восемь участников ВОВ – наш «Бессмертный полк». Вернулись не все: двое пропали без вести, один погиб. Службе в армии отдано 19 лет: отец – 5 лет, мать – 3 года, старший брат – 3 года, младший брат – 2 года, я – 4 года, сын – 2 года.

Моя мама – участник Великой Отечественной войны. В начале войны (сентябрь – декабрь 1941 года) она была привлечена к работам по строительству оборонительных сооружений у города Ставрополь (мы жили в ста километрах от него). 127582 жителя Ставрополь – рабочие, колхозники, студенты, ученики, домохозяйки – копали противотанковые рвы. Протяжённость их составила 533,4 км, и на них сооружено было 2437 пулемётных и пушечных дотов и дзотов. Это тяжёлый

*Медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.».
«Наше дело правое.
Мы победили»*

ежедневный физический труд при любых погодных условиях, без выходных и отпусков. Труд этот оказался напрасным, так как предположения и расчёты военспецов, что немцы пойдут на Ставрополь со стороны Ростова-на-Дону (и на их пути строились оборонительные сооружения), не оправдались. Немцы взяли Ставрополь со стороны Сталинграда. Произошло это 3 августа 1942 года.

Вначале немцы подвергли город интенсивной бомбардировке, взорвали нефтебазу, мельзавод. В городе начались пожары. На улицах лежали трупы убитых людей. Малочисленный гарнизон не смог дать отпор врагу. В 6 часов вечера немецкие войска вошли в город и взяли его фактически без боя.

В конце декабря 1941 года мама была направлена на курсы медсестёр. После окончания её направили в один из госпиталей в качества фронтовой медсестры. Она не любила рассказывать об этой тяжёлой, трудной и опасной службе фронтовой медсестры и только иногда, во время болезни детей или родственников, или при получении травм, говорила, что в войну были случаи хуже, тяжелее, но люди выживали. Этим она давала уверенность и надежду больным или травмированным.

С войны мама вернулась в ноябре 1945 года. Для меня это была великая радость, так как военное время и оккупацию я провёл с бабушкой. Маму сразу привлекли к работе в колхозе. Работы было очень много, и эта работа называлась – восстановление народного хозяйства, разрушенного войной. Я с нетерпением ждал, когда мама придёт с работы. Она приходила поздно, уставшая, а дома её ждали домашние дела. После выполнения домашних дел и скромного ужина мама

укладывала меня спать. Она садилась рядом со мной, гладила мою голову и тихо, нежно пела песню про Олю:

...Оля любила цветы...

И мы цветы собирали для Оли...

Детская память сохранила несколько слов этой песни и трагическую судьбу Оли, которая была, как и мама, фронтовой медсестрой, выносила раненых с поля боя и в одном из боёв, прикрывая раненого, погибла от осколка снаряда, разорвавшегося рядом. Олю похоронили, и сослуживцы собирали цветы, которые любила Оля, и клали ей на могилу. Так моя детская память запомнила песню мамы и судьбу её фронтовой подруги, боевого товарища, Оли.

Вскоре (в апреле 1946 года) вернулся с войны отец. Началась новая жизнь. Многое стало меняться. Мы переехали жить в Ставрополь, и как тогда говорили: «Жизнь стала налаживаться». Мы построили себе дом. Семья стала увеличиваться: родились два брата и сестра. Мама была награждена «Медалью материнства», так как у неё было пятеро детей. Шли годы. Родители, несмотря на все жизненные трудности, вырастили всех нас, дали образование (трое закончили институт, стали инженерами, а потом руководителями разных рангов). Пошли внуки. У моей мамы было девять внуков и два правнука. Всех она любила, обо всех заботилась. А про внуков говорила: «Мои внуки самые лучшие и все золотые». Как было приятно и радостно собираться нам всем в родительском доме на юбилеи родителей. Так и осталось в памяти, что юбилеи – это у родителей, а мы, любящие дети, которые от всего сердца поздравляем маму, папу и желаем им здоровья, долгих лет и великого счастья – сыновней любви.

Потом родителей не стало, и эти самые юбилеи пришли к нам. Теперь мы тоже бабушка и дедушки... И вот спустя 72 года, встретив в календаре пометку «День матери», я вспомнил маму и песню, что пела мне мать. Мне захотелось найти эту песню и услышать её сейчас. Мои поиски были безуспешными, и я попросил детей и внуков (они большие специалисты поисков в интернете) найти песню про Олю. Они это сделали и нашли песню. Она называется: «Васильки, васильки...»

Ой, васильки, васильки!

Сколько мелькает вас в поле?

Помню у самой реки

Мы вас собирали для Оли.

Прослушав песню, я разочаровался, так как, хотя песня и была про Олю и цветы, но в ней пелось о несчастной, трагической любви, которая привела к гибели Оли. Поскольку у меня был электронный адрес песни, я стал искать другие варианты песни и нашёл ещё два варианта этой песни. Меня это успокоило, так как когда-то я слушал по радио рассказ об истории создания и жизни знаменитой песни «Прощание славянки». У этой песни, оказывается, было сто вариантов текста. Вот я решил, что услышанные мной песни – это тоже варианты и где-то есть тот текст, который мне пела мама после войны. Просто он мне пока не встретился...

Жизнь человека начинается с рождения. При этом роженица кричит: «Мама» на родном языке. Через год-полтора ребенок начинает говорить и первое слово, которое он скажет (в 99%), это – «мама». Когда человек умирает, он тоже последнее слово говорит: «Мама», если судьба ему предоставит возможность что-то сказать или о чём-то подумать.

*Я не умер едва в африканской дали,
В главном городе, в знойном Манако.
И холодные капли катились со лба.
Горы вспомнились, вспомнилась мама.
И сколь жизнь ни была в моём теле слаба
Я о маме думал упрямо.*

Расул Гамзатов

Народ выразил своё отношение к матери сказав, что это самый близкий и родной человек. Это в полной мере относится к моей маме, потому что она прожила долгую жизнь, прошла все жизненные трудности, в том числе голод, холод, войну. Родила и воспитала пятерых детей. Каждому дала часть своей души, своего сердца.

Мы ей благодарны за это, помним, чтим, говорим добрые слова, рассказываем детям, внукам и правнукам о её доброте и женском величии жены, матери, бабушки, прабабушки. Вот и праздник в календаре есть, чтобы не забывали матерей и всегда могли сказать: «А моя мама – самая лучшая!»

День Победы

О Победе я узнал от бабушки вечером 9 мая 1945 года. В глухомань вести шли долго. Она сказала скромно: «Война кончилась. Победа!» Помолчали. Потом я задал детский вопрос: «А мама вернётся? А папа?» Бабушка ответила: – Вернутся, но не все. На следующий день в нашей станице было шумно. Особых торжеств не было, но народ говорил о Победе, о том, что кончилась война и будет другая, радостная и счастливая жизнь.

А бабушка была грустной и думала о чём-то о своём и, как бы продолжая вчерашний разговор, сказала:

«Николай не вернётся. И могут не вернуться Василий и Михаил, пропавшие без вести». (Бабушка проводила на фронт 4 сыновей и зятя. Младший сын Николай погиб под Ростовом, сын Василий и зять Михаил пропали без вести). Через некоторое время в станицу стали возвращаться фронтовики. Они рассказывали о войне и о Победе.

Мне запомнился день 9 мая 1946 года. Это была первая годовщина Победы. Уже вернулись с войны мои родители, мы переехали жить в Ставрополь. Но 9 мая 1946 года мы с отцом были в станице Новомарьевской (18 км от Ставрополя). Это родина моего отца. Небольшая площадь в центре станицы. На площади деревянный памятник с красной звездой. Тут похоронены трое военных (солдат, сержант, лейтенант), погибшие при освобождении станицы от фашистов в январе 1943 года. У памятника собрались жители станицы, фронтовики. Были красные транспаранты, подготовленные к этому дню. Среди присутствующих мои родственники: отец, его старший брат Михаил (мой дядя), ещё один мой дядя Константин (все фронтовики). Состоялся небольшой митинг, посвящённый первой годовщине Победы. Выступали руководители колхоза.

Фронтовики

Они говорили, что многие новомарьевцы находились в армии, сотни фронтовиков удостоены боевых наград, 31 житель Новомарьевской погиб на войне. Среди участников митинга мой дядя Константин выделялся тем, что у него было больше всех наград. Он был очень подвижным, всё время двигался, и его награды позванивали, а дядя Михаил, на правах старшего брата, его останавливал: «Костик, успокойся. Постой спокойно».

Константин был лихим, отважным воином. Летом 1944 года он приезжал в отпуск по ранению. Станичники к нему гурьбой пошли с вопросами: где и как воевал, какое ранение и долго ли лечился, а главный вопрос: «А не встречал ли ты, Костик, на фронтовых дорогах моего сына, мужа, брата?...» Одна старушка интересовалась не встречал ли он её сыновей (она пятерых на фронт проводила). Константин ответил, что её сыновей он не встречал. Мать-старушка другой вопрос задаёт: «А на войне страшно? Там убивают?» Ответ Константина: – Да нет, мамаша, не страшно. Это немцы нас боятся, им страшно. А убивают? Так пуля – она ведь дура, в лоб попадёт – отскочит; в рот попадёт – проскочит. Вот смотри (показывает медаль с вмятиной от пули), видишь – отскочила, а я вот перед тобой. Там воевать надо, а не бояться. Только вперёд. Смелость города берёт! Вот такой был мой дядя Константин, воин, боец, достоин многих наград: за мужество, отвагу, храбрость, за взятие многих городов, к тому же шутник, а после войны – передовик производства.

Пьедестал для победителей

Детская память зафиксировала несколько особых моментов этого митинга. Среди фронтовиков были инвалиды: кто-то без руки, кто-то без ноги на костылях. Трое присутствующих были без ног, они сидели на деревянных подставках, снабжённых подшипниками и передвигались опираясь руками о землю. Там, где бездорожье не позволяло им передвигаться, их подхватывали земляки-станичники и переносили в другое, удобное для них место.

Запомнились мне встречи, объятия и радость людей, вернувшихся с войны, со своими земляками. Трое на деревянных подставках. Расположились рядом

с памятником в шеренгу. К ним тоже подходили станичники, низко кланялись, крепко обнимали, говорили какие-то слова со слезами на глазах, а в ответ – перезвон орденов и медалей на груди победителей.

На площадь, где проходил митинг, въехала телега, запряжённая лошастью. Управлял лошадью тоже фронтовик. На его груди блестят боевые награды. Его останавливают земляки-фронтовики, поздравляют с днём Победы и говорят: – Поставь-ка свою телегу вот сюда, лошадь свою выпрягай, пусть отдохнёт, а мы сейчас кое-что сделаем.

Фронтовик выполняет данные ему инструкции. Несколько дюжих молодцов-фронтовиков направляются к памятнику, подхватывают героев-победителей, которые без ног, несут и ставят их на телегу, так же в шеренгу. Один из фронтовиков, возрастом постарше, говорит: – Вот так герои-победители, теперь вы на высоте, как бы на ПЬЕДЕСТАЛЕ и мы все будем праздновать день ПОБЕДЫ!

Станичники и фронтовики обступили телегу, громко гутарили, выпивали фронтовую норму, вспоминали довоенную жизнь, земляков, которые не вернулись, и строили планы на будущее. После празднования и душевных бесед фронтовику, приехавшему на площадь на телеге, был как на фронте, дан приказ: «Развезти героев-победителей по домам!». И ответ был чёткий, по-военному: «Слушаюсь. Исполняю».

Прошли десятилетия. Я часто бываю в Новомарьевской. Станица сильно изменилась. Уже давно нет деревянного памятника, его место занял мраморный монумент воинам-победителям. Нет в живых тех фронтовиков и воинов-победителей, но есть память о них, монумент и одна общая Победа. Ежегодно 9 мая у

монуента собираются новомарьевцы, вспоминают и чтут отцов, дедов, прадедов, завоевавших им право жить, работать, гордиться.

*Не всегда воспоминанья
Согревают душу мне,
А военное дыханье
Нутром чую и во сне.*

Военное детство саровской Тани Савичевой

 Кокоулина Татьяна

Наверное, все саровчане знают историю юной блокадницы Тани Савичевой, многие читали ее пронзительный дневник, а кто-то даже побывал в Шатках, где она похоронена. Но, вероятно, мало кто знает, что в Сарове живет своя Таня. Это Татьяна Яковлевна Кокоулина (в девичестве Савичева). Она 1935 г.р., тоже ребенок войны, и ей тоже довелось многое пережить-испытать. Ниже – ее воспоминания о военном лихолетье.

Крохи счастья

Военное детство – это длинные ночные очереди за хлебом. Очереди в баню, а, когда собираешься войти в нее, – горячая вода неожиданно кончается. Это холод в доме – стена у кровати покрывается инеем. Это вечера с керосиновой лампой. И это бомбежки: на Нижний Новгород, тогда – Горький, тоже падали немецкие авиабомбы. Мне же хочется рассказать о, казалось бы, маленьких событиях, но они остались в моей памяти на всю жизнь.

Я родилась в 1935 году, в 42-м пошла в первый класс. В школе на завтрак нам давали четвертиночку черного хлеба, посыпанного сахарным песком. Раздав все кусочки, учительница собирала в ладошку все

крошки с подноса, и мы с замиранием ждали, кому она их отдаст. Иногда счастье улыбалось мне. «Так, сегодня Таня Савичева получила две пятерки. Выходи!» Я выбегала, открывала рот и эти крошки были моей премией за успехи в учебе. Школу я окончила с медалью...

Я – однофамилица той Тани Савичевой из блокадного Ленинграда. Уже взрослой, я приезжала в Шатки на ее могилу и, стоя возле ограды, обвязанной красными галстуками, плакала. Для Тани-ленинградки те крошки хлеба были крохами жизни, для меня – крохами радости. И вот что еще нас роднит. Отец мой, Яков Дмитриевич Савичев, воевал на Ленинградском фронте – получается, защищал ту Таню.

А мама преподавала в школе-интернате для слепых детей. Иногда ей приходилось дежурить по вечерам, и я приходила к ней в школу. Дети очень радовались моему приходу и тут же налетали на меня, быстро ощупывая с головы до пят, спрашивали, какого цвета ленточки в косичках, платье, носки... Задавали вопросы про мою школу, уроки, подруг, какую новую сказку я знаю. А когда объявляли тревогу, мы быстро шли в бомбоубежище. Если за мамой они шли цепочкой, держась за руки, то за мной – «пчелиным роем», уцепившись за руки, платье и даже косы. Убежище было в школьном дворе, было там холодно и неуютно. Мы молчали, прислушиваясь к стрельбе зениток и шуму падающих снарядных осколков.

Рядом с Горьким

Наш дом стоял рядом с домом-музеем Каширина, где у дедушки и бабушки жил Алеша Пешков. Я очень любила ходить в этот музей. Мне нравилась комната бабушки Алеши, светлая, с большой кроватью, где малень-

кий Алеша отлеживался после дедовской порки. С иконами и лампадкой в углу, перед которыми молилась бабушка Алеши.

Молилась и моя бабушка, только иконы она потом прятала в сундук. А однажды она взяла меня в храм. Народу было очень много. Меня, маленькую, зажали взрослые, и кто-то сказал: «Давай, доченька, ползи по плечам к окошку, там тебя не задавят». Меня подняли, подставили плечи, и я поползла. Нет, не поползла – поплыла! Я парила над этой огромной толпой под пение церковного хора. И это захватывающее чувство осталось во мне навсегда.

От бабушки я узнала очень многое. Сказки она рассказывала по-своему, по-доброму. Особенно я любила лермонтовского «Демона». Помню, как Демон плакал и слезы капали на камни, и из камней сыпались искры. «Демона», в память о бабушке, я потом выучила наизусть. Рассказывала бабушка и о Максиме Горьком. Семья писателя жила тоже неподалеку. К Горькому приезжала знать Нижнего Новгорода, пел Шаляпин, и бабушка ходила к дому Горького послушать пение великого певца.

Слезы горя и радости

Из школы нас иногда водили в госпиталь, где мы, ученики, читали раненым стихи. Помню, что раненые сидели или лежали в палатах и сильно пахло лекарствами. Я читаю стихи и смотрю на раненого. Он лежит, не открывая глаз, а по щеке текут слезы...

*«Вот моя деревня,
Вот мой дом родной.
Вот качусь на санках
Я с горы крутой...»*

В школу я ходила с большим отцовским «бухгалтерским» портфелем, к ручке которого был привязан мешочек с «чернилкой-непроливайкой». Портфель был тяжелый, но как же хорошо после школы было на нем съезжать с ледяной горки! С занятий мы шли часами. Спускались к Волге. Смотрели, как на лед опускаются наши парашютисты, а затем инструкторы учат их собирать парашюты.

А весной был праздник – ледоход! Стоял шум от плывущих льдин. Они ломались, налетали друг на друга, лезли на берег. За эти походы от матери я получала «по полной программе». Помню, мы, школьники, всегда чем-то болели: то корь, то краснуха, то скарлатина, ангина, малярия или другая какая хворь. Сейчас эти болезни многим детям, наверное, и не известны.

В нашем доме всегда было включено радио. И вот наступил самый памятный день в жизни семьи: «Победа!» Мама плакала от радости, что вернется отец. Бабушка – от горя, что не придет второй ее сын и трое детей останутся сиротами. И когда 9 мая я слышу песню «День Победы», я плачу и не стыжусь своих слез...

***

Надежда Почтарюк

Таким было военное детство нашей городской Тани Савичевой. Ее судьба сложилась несравненно счастливее, чем у ее однофамилицы-ленинградки. В 1957 году, после окончания радиофакультета Горьковского университета им. Н.Лобачевского, она приехала в наш город, более полувека работала инженером в отделе №30 ВНИИЭФ. Награждена медалями «Ветеран

труда» и «Дети войны», является ветераном атомной энергетики и промышленности. С 2008 года – на заслуженном отдыхе.

Кокоулина (Савичева) Татьяна: Я – однофамилица той Тани Савичевой из блокадного Ленинграда. Уже взрослой, я приезжала в Шатки на ее могилу и, стоя возле ограды, обвязанной красными галстуками, плакала. Для Тани-ленинградки те крошки хлеба были крохами жизни, для меня – крохами радости

На подножном корму

Колыхалова Нина

Я родилась 19 февраля 1942 года в селе Карпово Уренского района Горьковской области. Мой папа Леонид Васильевич Половинкин был в это время на фронте.

Мама рассказывала, что, вскоре после того как я родилась, её увезли в больницу в Урень со страшной грудницей, а меня оставили на попечение бабушки Натальи Фёдоровны Смирновой. Бабушка кормила меня жёванным хлебом с картошкой в тряпочке (вместо соски) и поила под-

слащённой водой. Когда маму выписали из больницы и она приехала домой, у меня вся голова была покрыта коростой, чуть заденешь пальцем – появлялся гной. Это была страшная золотуха (сейчас это называют диатезом). Но я выжила.

Коза

И уже сама помню, когда мне было 2-3 года, мама с бабушкой выменяли одежду, какая у них была, на козу. Коза окотилась, появились два беленьких козлёнка. Мы с сестрой Тамарой (она старше

меня на два года) играли с козлятами – они были совсем маленькими, потому их держали в избе. Как-то мамы и бабушки не было дома, топился подтопок (маленькая печка), и один козлёнок бегал, прыгал (наверное, от нас) да и вскочил на горячую плиту. Блеял, подпрыгивал на ней, мы закричали, бабушка забежала в избу, сняла козлёнка, какой-то мазью намазала ему ножки, перевязала и велела нам следить, чтобы он повязки не сбрасывал. Бабушка лечила его несколько дней, а нас больше не оставляла дома одних, пока топилась печь. И от козы у нас было молоко. Только вот прожила она у нас недолго. Бабушка привязала её к колу, чтобы коза не ходила по всему огороду, она паслась-паслась, закружилась, замотала привязь вокруг кола и задавилась. Как мы все ревели!

На траве и крапиве

Летом мама нас приучала работать в огороде – пропалывать грядки и картофельные боровки. Но мы были слишком малы, и не всегда у нас получалось правильно. Иногда выдёргивали вместо сорной травы ростки моркови и свёклы. За это нас не наказывали ни мама, ни бабушка, терпеливо показывали, которые ростки надо оставлять.

Ещё очень запомнилось, как мы со старшими соседскими девочками, дочками учительницы, ходили по весне в поле за пестами – это цветочные бутоны полевого хвоща – а потом их ели. Их было четыре девочки, жили они куда беднее нас – и семья больше, и от колхоза их матери ничего не полагалось. Мы ходили с учительскими дочками к колхозным сараям, где оставалась гнилая картошка, и по колёно в этой жиже выискивали не до

конца сгнившие картофелины. Какими счастливыми наши подружки бежали домой с драгоценной ношей!

На всю жизнь запомнились голодные годы. Бабушка нас с Тamarой усаживала на крылечке, мы плакали и просили есть, а надо было маму дожидаться на обед или с работы. Бабушка тоже плакала и... играла нам на гитаре, приговаривая: «Слушайте, слушайте». Мы заслушивались и прекращали плакать. Бабушка варила суп из лебеды и крапивы. Мама, глядя, как мы едим, часто плакала: травинки свисали с ложек – деревянных, щербатых – а мы раскрывали рты и ловили травинки ртами.

Победа!

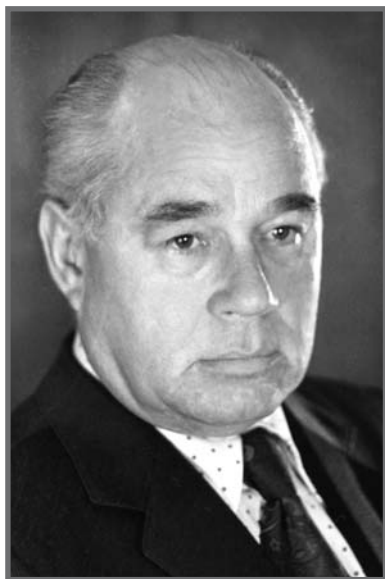
И помню, как наш почтальон бежал по селу и кричал: «Победа! Победа!» А люди выбегали из домов – кто кричал, кто плакал. Я тогда не понимала, почему так много слёз – а плакали те, у кого родные погибли... В колхозе всем колхозникам выдали понемножку муки – настоящей, без травы, и бабушка испекла хлеб. Тот ржаной хлеб нам с сестрой показался таким белым и вкусным!

Папа вернулся в 1946 году, привёз нам с Тamarой по тряпочному медведю. Мы с этими медведями до самой школы играли.

См. также Почтарюк Надежда «Помните!»

Труженик тыла, секретарь горкома, директор

Кузнецов Алексей

Кузнецов Алексей Васильевич 30.03.1927 г.р., труженик тыла, инженер-технолог КБ-11 Минсредмаша, секретарь парткома завода №1 и с 1963 г. первый секретарь горкома КПСС, с 1971 г. по 1992 г. – директор вечернего отделения № 4 МИФИ. Награждён орденами «Знак Почёта» (1961) и Трудового Красного Знамени (1971), медалями «За трудовую доблесть» (1956), «В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина»

(1970), «Ветеран труда» (1986), многими почётными и памятными знаками, в т.ч. – «50 лет ..., 60 лет ..., 65 лет ..., 70 лет Победы в ВОВ 1941-45 г.г.», (1998), «Ветеран атомной энергетики и промышленности» (2003), «70 лет освобождения Крыма и Севастополя» (2014), «70 лет Победы в Орловско-Курской битве» (2013). За работу в партийных органах награждался орденами «За заслуги перед Партией», «Партийная доблесть», «Ветеран Партии» (2004), юбилейными памятными медалями и знаками.

Алексей Васильевич о военном детстве

Оно было непродолжительным, коротким. В июне 1941 года, когда наступил последний год моего обучения в школе-семилетке, началась Великая Отечественная война, сильно изменившая всю нашу прежнюю семейную жизнь. В многодетных семьях терпеливо ждут взросления старших детей, которые по окончании школы или училища начинают трудовую деятельность и приносят в семьи средства на её содержание.

В нашей семье таким донором был старший брат Григорий. После окончания Златоустовского ФЗУ, работая в Челябинском железнодорожном депо с 1935 года, он оказывал нам такую помощь, но в августе 1938 года его призвали на воинскую службу в Кремлёвский полк. Его возвращение домой в августе 1941 года не состоялось. Второй брат Александр, 1922 года рождения, окончил курсы шоферов в 1940 году и сел за руль потрёпанной газогенераторной 3-хтонки. Стал возить руду для фабрики Миасс-Тальк с рудника, удалённого от неё на 40 километров. В сентябре 1941 года он пришёл с работы, переделся, собрал некоторые личные вещи и сообщил нам, что уходит. На наш вопрос: куда? Ответил: в армию. Оказалось, что на шесть шоферов фабрики пришли повестки, им нужно было сразу после смены явиться на пункт сбора.

Учебный 1941-42 год начался в положенное время. В нашей группе появились 5 новичков, учеников из детского дома с Украины, и новая учительница рус-

ского языка из Молдавии. Все они хорошо владели русским языком, никаких языковых проблем у нас с ними не было. Однако в нашей семье обстановка усложнялась. Брат Михаил, 1925 года рождения, зная, что через 4 месяца по достижении 18-летнего возраста он будет призван в армию, прервал учёбу в 9-м классе и поступил на работу в химическую лабораторию. Объём работ по дому не сократился, а возрос. После призыва в армию зятя старшая сестра с 4-летним ребёнком перешла на «полное довольствие» в отчий дом.

Мать, 48-летнюю больную женщину, признали годной для работ по трудовой мобилизации на торфодобыче.

На большой объём работ по дому и жизнеобеспечению семьи остались только отец, пенсионер по инвалидности, и я. С посильной помощью отца мне приходилось косить траву, рубить дрова, копать землю, сажать и окучивать картошку, убирать её, совершать иные работы, требующие немалых физических затрат.

Два первых года войны были для меня воистину годами трудных испытаний, но они закалили меня, приучили к труду, в процессе которого формируются характер человека и его личность. Получив аттестат с «золотой каёмочкой» об окончании школы-семилетки, я обратился с заявлением о трудоустройстве на оборонное предприятие. Мне отказали по причине невозможности взять с меня подписку о неразглашении государственной тайны, так как я не достиг 16-летнего возраста.

Труженик тыла

Моё военное детство закончилось 1 апреля 1943 года, когда, получив паспорт и дав подписку, я приступил к работе по производству боеприпасов для фронтов войны.

*Труженики тыла, вы не воевали,
Но до капли силы, фронту отдавали!
Сутками с завода вы не выходили,
Фронту и народу вы оплотом были!*

Я обрабатывал на токарном станке корпуса (длина ~ 700 мм, масса ~ 50 кг) крупнокалиберных 130-мм реактивных снарядов М13 для установок залпового огня БМ-13 («Катюша»). Работа на износ продолжалась 184 дня, по 12 часов в сутки при норме 50 корпусов в смену, без больничных, выходных и отпусков. Не было надлежащего медобслуживания и элементарных условий для восстановления сил дома. Не решало проблем питания и получаемое по рабочей карточке довольствие, несколько большее, чем получали иждивенцы. Тогда даже за небольшое опоздание ~ 40 минут к началу смены можно было получить тюремный срок до 2-х лет. Под действием фактора накопленной усталости за этот период я стал похож на дистрофика. Горжусь тем, что мой вклад в Победу не остался незамеченным. Как одну из самых дорогих реликвий храню памятную медаль «70 лет Победы в Орловско-Курской битве» (2013 г.), в которой наша армия моими снарядами громила врагов.

Учёба, партийная работа

С 1 апреля 1943 года в 16 лет на токарном станке делал корпуса реактивных снарядов. В октябре 1943 г. Алексея без экзаменов приняли на учёбу в Миасский автомеханический техникум. Техникум окончил с отличием, был принят без экзаменов в Московский станкоинструментальный институт, по окончании которого был отобран молодым специалистом на работу в КБ-11

«секретного города» Арзамас-16. Молодой инженер-технолог почти сразу стал исполнять обязанности заместителя начальника цеха – старшего инженера-технолога отдела главного технолога.

В декабре 1955 г. по рекомендации политотдела КБ-11 был избран заместителем секретаря парткома КПСС завода № 1 КБ-11 Министерства среднего машиностроения. На партийной работе Алексей Васильевич проработал 12 с половиной лет. В структуре городской партийной организации не предусматривался партком ВНИИЭФ, а функции парткома вменялись в порядке служебного неоплачиваемого совместительства городскому комитету КПСС. В связи с чем первый секретарь горкома выполнял обязанности секретаря парткома ВНИИЭФ, а второй и третий – обязанности соответствующих заместителей секретаря парткома.

За тринадцать лет деятельности на посту секретаря горкома при непосредственном руководстве А.В. Кузнецова в городе было сделано много. Например, организован «самстрой». Принцип его действия был прост: сотрудники, желающие улучшить свои жилищные условия, пользуясь строительными материалами предприятия, в свободное и даже рабочее время, возводили себе жилье. Так приумножались деревянные финские и каменные домики для переселения в них семей из барачков. Это способствовало увеличению пригодного для жилья фонда и сокращению очередности на предоставление жилья. В 1956-57 годах около ста семей сотрудников завода переехали в эти дома. Своей личной заслугой Кузнецов считает и то, что, будучи вторым секретарем горкома, он возглавлял городской штаб по строительству дороги Арзамас-Дивеево. С 1963 года Алексей Васильевич стал первым секретарём ГК КПСС.

Директор вечернего отделения № 4 МИФИ

Директором высшего учебного заведения нашего города – вечернего отделения № 4 МИФИ (теперь СарФТИ) А.В. Кузнецов стал в 1971 г. 21 год в этой должности Алексей Васильевич был не просто руководителем, а «читающим» ректором, поскольку считал, что только так можно понимать жизнь института в полной мере. Он преподавал на кафедре технологии машиностроения «Теорию резания», «Конструирование и производство металлорежущих инструментов», «Обработку резанием труднообрабатываемых материалов», «Охрану труда в машиностроении», «Основы трудового законодательства».

Алексей Васильевич с удовольствием вспоминает жизнь вуза, организацию стройотрядов, работу студентов на БАМе, в геологических экспедициях, на строительных объектах в Горьковской области: в Шатках, Кремёнках, Сатисе – работу студенческих бригад дружинников, шеф-

ство над школами, бесплатные подготовительные курсы для абитуриентов, трудоустройство выпускников...

«Наш СарФТИ – лицо цивилизованного города, саровский физтех давно и прочно укоренился в социально-экономической структуре как Арзамас-16, так и Са-

рова, – с гордостью говорит он о роли института в жизни города и отрасли. Коллектив института был всегда хорошо известен и уважаем в городе и таким остаётся сегодня». Из поздравления А.В. Кузнецову сотрудников СарФТИ А.В. с 90-летием 30 марта 2017 года:

*«Дорогой Алексей Васильевич!
С неизменной теплотой вспоминаем то время, когда
Вы были директором института! В день Вашего юбилея
желаем Вам здоровья, уважения близких Вам людей,
бодрости и отличного настроения!*

*От всех сотрудников МИФИ,
кем Вы руководили честно,
Мы с юбилеем поздравляем Вас,
ведь 90 – это так чудесно!
В России было много перемен –
менялись партии и взгляды без конца,
Но Вы не изменяли жизни путь,
остались коммунистом до конца.
Любой сотрудник к Вам свободно
мог прийти за помощью и за советом.
Вы всем старались, чем могли,
помочь и были Вы честны с ответом.
Судьба Вам наделила срок большой
и пусть ещё добавит для порядка,
Чтобы дарить тепло своей души
могли Вы всем, кто рядом без остатка!*

Детства у меня не было

Курина Нэлли

*Курина (Тендрякова) Н.П.
1939 г.р, в 20 лет*

С рождения и до окончания десятого класса я жила на Севере. Детства у меня не было – его отняла война. Помню, уходя, отец сказал мне: «Будь помощницей маме, присматривай за братиком». И было это в 1942 году, и было мне три года. Началась моя взрослая трудовая жизнь. Работа в тылу легла на плечи наших матерей и подростков, потому свою мать мы почти не видели – она уходила на работу и возвращалась домой, когда мы спали. Весь семейный быт лег на наши

плечи. Нас было трое: шестилетняя сестренка, я и годовалый братишка. В селе не было ни водопровода, ни газа, ни электричества. Воду брали из колодца, дом отапливали дровами, освещение было ламповое, на керосине, а если его не хватало – жгли лучину.

Помню, однажды, набирая воду, шестилетняя сестра вместе с ведром упала в колодец. С тех пор за водой мы ходили все вместе: сестра опускала ведро в колодец,

я держала ее за ноги, а братишка – меня за подол. Летом питались в основном травой: крапивой, клевером, лебедой, листьями березы. Есть хотелось постоянно, голод не оставлял никогда. А когда голод становился совсем невыносимым, мы просто сидели и плакали, обнявшись, а наплакавшись вдоволь, засыпали. Вскоре от голода умер братишка. В гроб мама положила его, завернув в свой фартук – больше ничего не было.

В 1944 году получили похоронку на отца. Это известие подорвало здоровье матери, и она перешла на более легкую работу – уборщицей в райотдел милиции. Но и это ей было тяжело, и мы с сестрой помогали ей. В наши обязанности входило наносить дров из сарая к печкам в кабинетах, вымыть полы, чистить стекла у керосиновых ламп. Зимой мать уходила на работу в четыре часа утра, чтобы протопить печки. Летом уезжала на заготовку сена для милицейских лошадей (другого-то транспорта у милиции не было, а район был большой). И мы снова матери не видели подолгу...

Помню, я пошла в первый класс, у меня не было обуви – и мать в школу и из школы носила меня на руках. Мои подружки по возвращении отцов голодали уже меньше, а мы еще очень долго не ели досыта.

В летние каникулы я нанималась в няньки к маленьким детям, которые начали появляться после войны. Рассчитывались со мной куском хлеба. Когда мне исполнилось 14, каждое лето работала уборщицей в пионерском лагере, чтобы заработать на школьную форму и обувь. Кроме домашних дел мы помогали стране как могли. Школа отапливалась дровами – заготовку дров возложили на учителей и учеников. В колхозах района рабочей силы не хватало – урожай льна и картофеля убирали школьники вручную, потому что

техники не было. И учебный год у нас начинался в октябре. В сентябре жили в колхозах, спали всем классом на полу – без подушек и одеял, в чем ходили, в том и спали. Лен убирать было трудно – часто руки все были изранены, в крови, а потом долго болели. Но я ни на что не жалею и никого не обвиняю. Я понимала, что у моей страны были трудности, и я помогала, насколько хватало сил. Прошла трудную, но достойную жизнь.

***

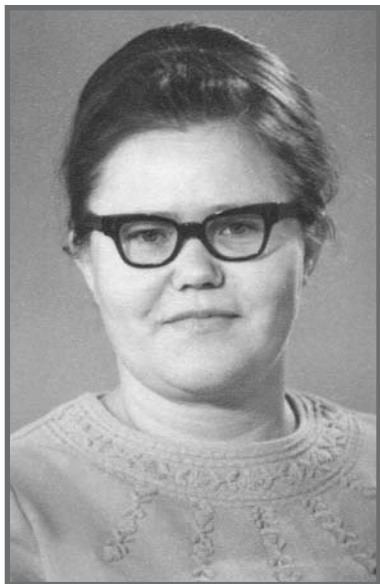
Они помнят. Сейчас уже и не сказать, что в воспоминаниях детей войны – их личное, а что – напластования, услышанные позднее. Важно ли это? Вряд ли.

Дети войны пережили ее. Они помнят – и нам не дают забыть о молчаливом подвиге непосильной работы в тылу, об изнурительном голоде, о стылом ожидании вестей с фронтов. О без времени увядших матерях, об умерших и потерянных братишках и сестренках. Спасибо им – они помнят.

Татьяна Креницкая.

Мы все тянулись к чему-то хорошему

Лепихова Екатерина

Екатерина Ивановна Лепихова (Куликова) родилась в городе Первомайске 1 декабря 1934 года, работала на заводе «Авангард» препаратором, светокопировщицей, контролером-приемщиком сборочных работ. Окончила вечерний политехникум. Потом работала старшим техником-конструктором в СКБ. Имеет награды: медаль «Ветеран труда», знак «Ветеран атомной энергетики и промышленности», медаль «Дети войны».

Совсем скоро наша страна отметит Международный женский день. Давно известно – на женщинах держится мир. Они рожают и воспитывают детей, хранят семейный очаг, учат и лечат, а когда наступает пора испытаний, наравне с мужчинами встают на защиту Родины.

Ниже мы публикуем воспоминания о военном детстве Екатерины Ивановны Лепиховой (Куликовой). Она не воевала, но вместе со взрослыми, как могла, приближала Победу.

С 1940 года наша семья жила на станции Распашка, что в нескольких километрах от Березино. Наша

семья была большой: мама, папа и бабушка, и мы, дети: Галя, Маша, Катя, Валя, Лена, Аня и я. Работал только отец, он был железнодорожником, мама – домохозяйкой, дед уже не работал.

Хозяйство у нас было небольшое, земли мало. Мы, хоть и были маленькими, помогали родителям: пололи огород, копали картошку, ходили в лес за грибами и ягодами. Я, Валя и Лена заготавливали березовые и липовые веники, дед косил траву, ее складывали в тележку, дед шел впереди, а мы толкали ее сзади. Еще дед с папой рубили дрова – запасали на зиму. Дед по осени заготавливал рябину, и мы до весны ели эти мороженые ягоды. Так и жили.

Такое забыть нельзя

День 22 июня 1941 года был жарким. Рано утром сосед Николай Васильевич Кожаев прибежал к нам и крикнул: «Война!». С первых ее дней на станцию стали приходить повестки на фронт. Всех, кому исполнилось 18 лет и старше, отправляли в Горький, на медкомиссию. На поезд провожали их со слезами.

Моему отцу, Ивану Васильевичу Куликову, во время войны повестки приходили каждый год. Он ехал в Горький, но его неизменно возвращали обратно: он воевал в Гражданскую и в войну с Польшей, имел порок сердца и бронь по болезни. Всю войну он проработал на железной дороге.

В 1942 году пошла на железную дорогу и моя старшая сестра Аня, стала работать дежурной по станции. Тогда ей было 17 лет. Дежурной она поработала и в Сарове, и в Распашке, и в Берещино, а еще – в Жирино, Сатисе, Первомайске, Шатках. Дома ее почти не было, приедет, наберет продуктов – и снова на работу.

Во время войны хлеба и картошки всегда не хватало. Продукты привозил вагон-лавка, выдавали их по карточкам. Хлеб: детям – 300 гр., маме и деду – по 150 гр., отцу и Ане – по 700 гр. Из круп – только пшено, и то редко. Дед плел лапти, мама делала искусственные цветы и обменивала их в деревнях на продукты. В вагоне-лавке маме как матери-героине иногда доставались детские чулочки. Она из них шила кофточки, юбочки, шарфики, шапочки. Так нас и одевала.

Еще дед драл и замачивал лыко, плел кузовки, большие и маленькие. Мы собирали в них грибы, ягоды, а потом сушили их на длинной печке, сложенной отцом и дедом. Потом грибы и ягоды сдавали для питания раненых. Раненых через Распашку везли в Первомайск на платформах, крытых брезентом. Солдатики были все в бинтах, у кого перебинтована голова, у кого руки или ноги, а кто и весь целиком. Поезд стоял 5-6 минут, и жители старались успеть за это время принести раненым кто ягоды, кто картошку. Раненые благодарили со слезами, плакали и мы, до сих пор не могу забыть эту картину.

Во время войны на железной дороге были часты крушения. Однажды с дороги в низину слетел пассажирский поезд. Вагоны были помяты, было много раненых и погибших, всюду лежали кучи вещей. Такое забыть нельзя. Было, к сожалению, и вредительство – кое-кто разбирал и уносил рельсы. Отцу и другим железнодорожниками приходилось все это восстанавливать.

Жажда учебы, голод, холод

Я, Валя и Лена учились в школе за 5 километров от Распашки, в поселке Сатис. Каждое утро мы, дети, собирались у семафора и шли пешком в школу. Иногда в

морозные дни ехали на поезде. Поезд у семафора, поднимаясь в гору, шел медленно, и мы, кто как забирались в него, помогая друг другу, а, не доезжая до Сатиса, прыгивали. Обходилось без ушибов. Во время войны было холодно, не хватало хлеба. Каждое утро мама резала картошку, поджаривала ее в печи и клала каждому в сумочку – и это на весь день. В школе завтраков-обедов не было. Зимой приходили и первым делом начинали греться у печки. Писали кто на чем – на обрывках, на газетах. Тетради выдавали по одной штуке – для контрольных работ.

Моя классная руководительница Альбина Семеновна по национальности была немка. Она с детьми жила при школе. Муж ее был военным. После уроков она приносила в класс патефон с пластинками, и мы разучивали песни, танцы, готовились к праздникам в школе и клубе. Физрук учил нас, что делать, когда летит немецкий самолет. Самолеты, надо сказать, пролетали довольно часто. Мы хватали все что могли и бежали в лес. Но нашу станцию не бомбили, а вот Сатис – да! Там разрушили несколько заводов. Поэтому нас в школе заставляли рыть траншеи, где мы могли бы прятаться во время бомбежки.

Однажды зимой Альбина Семеновна оставила нас после уроков готовиться к празднику. На станцию мы пришли уже затемно. Поезд задержался в пути и пришел только в час ночи. Было морозно, на станции много народу. Я забралась на буфер последнего вагона и ухватилась за поперечину. Так и проехала три километра. Поезд попал в снежный занос, остановился. Пришлось ждать дрезину со снегоочистителем. Подруги (они повзрослей были) прыгнули и принялись бегать, чтобы согреться, а я как ухватилась, так и держалась за пере-

кладину. Стала замерзать. И тут, на счастье, пришли родители, с трудом расцепили мои руки и сняли с вагона. Стоять я не могла. Меня подхватили и два километра несли до дома. Дома врач наказал растирать меня горчицей и дать полстакана водки. Я уснула. После этого проболела три недели.

Со слезами на глазах

День Победы мы встретили со слезами на глазах. У Кожаевых, наших соседей, не вернулся с фронта сын Иван, пропал без вести. А у сестры моей матери была радость – вернулся муж. Но был он весь израненный, пожил всего с полгода и умер. Ее дочь Екатерина Михайловна, лейтенант-связист, вернулась домой, вышла замуж, родила троих детей, но заболела перитонитом и умерла. Ее брат Паша пропал без вести. Вот так мамина сестра осталась с семьей детьми на руках – четырьмя своими и тремя дочкиными. Она работала в колхозе, вся родня помогала ей.

Голод в Сарове

В феврале 1946 года наша семья переехала в Саров. Вот где был страшный голод! Хлеб пекли из картофельных очисток, добавляя немного муки. Весной ходили по полям и собирали гнилую, замерзшую картошку, сушили ее, мололи и пекли синие оладьи-«деруны». Делали «суп» – стакан пшена на ведерный чугунок, немного картошки и козьего молока. Правда, потом не стало и молока – у нас украли козу.

От голода я буквально умирала, была вся распухшей. Меня увозили на Маслиху, там больных кормили

жидкой рисовой кашей, и я немного отходила. И так четыре раза на протяжении года. И все же я закончила четвертый класс. А летом опять заболела, целый месяц лежала с температурой за 40. Это была запущенная малярия. Сестра Аня нашла среди заключенных врача, и он за три недели вылечил меня хиной. С трудом, но я закончила семь классов.

Но, несмотря на трудности и голод, мы все тянулись к чему-то светлому, хорошему. Учась, я пела в хоре, выступала на сцене, играла в пьесах на военные темы. Как и моя старшая сестра Лена. У нее был замечательный голос. Ее даже направляли учиться в Москву, в консерваторию, но она не поехала: в городе был страшный голод, семья большая, и Лене пришлось устроиться на работу на завод №1. Затем пошла работать лаборантом Валя, потом настала моя очередь и последней пошла на завод №3 – Галя.

Я работала препаратором, светокопировщицей, контролером-приемщиком сборочных работ. Окончила вечерний политехникум. Работала старшим техниконструктором в СКБ. Имею награды: медаль «Ветеран труда», знак «Ветеран атомной энергетики и промышленности», медаль «Дети войны».

...Сейчас и Аня, и Лена, и Галя, и Валя уже в ином мире. Осталась сестра Маша, которая живет с сыном в Ставропольском крае. А у меня двое детей – дочь Оля и сын Илюша. И уже девять внуков!

***

Ах, война, что ты, подлая, сделала...

Булат Окуджава

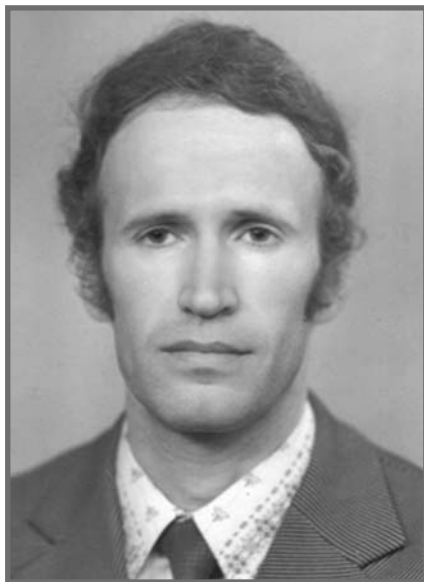
Справка: Согласно рассекреченным данным Госплана СССР, смертность военнослужащих и гражданского населения в тылу за время Великой Отечественной могла составить более 10 миллионов 833 тысяч человек, из них 5 миллионов 760 тысяч – умерших детей в возрасте до четырёх лет. Ныне здравствующим детям войны удалось выжить в тяжёлых военных и послевоенных условиях.

Себя пожилым не считаю

Линник Вячеслав

Вячеслав Михайлович родился незадолго до Великой Отечественной войны – 30 октября 1939 года. В 1966 году по распределению был направлен во ВНИИЭФ. Работал инженером, старшим научным сотрудником, заместителем начальника лаборатории и старшим научным сотрудником. В 2010-м вышел на пенсию. Награжден медалью «Ветеран труда», знаком «Ветеран атомной энер-

гетики и промышленности» и грамотой министра Минатома России и ЦК профсоюза отрасли.

В октябре в стране традиционно отмечается Декада пожилых людей. Она призвана напомнить, в первую очередь, молодежи о том вкладе, который внесли ветераны в защиту, становление и процветание нашей страны. Важно рассказать о тех непростых, зачастую трагических условиях, в которых они жили и работали. Сегодня наш рассказ о замечательном человеке, ветеране РФЯЦ-ВНИИЭФ Вячеславе Михайловиче Линнике. Но вот что интересно: себя он пожилым не считает.

Папа погиб

За 17 дней до начала Великой Отечественной моя мама – бухгалтер Харьковского завода маркшейдерских инструментов для угледобывающей промышленности родила третьего сына, – вспоминает он. – Тогда мне был год и семь месяцев, старшему брату – 12 лет. После начала войны моего отца – лейтенанта советской армии – отправили на фронт. Сохранилось всего несколько писем от него, нежных и заботливых, в которых он сообщал, что выслал нам деньги. В конце 41-го года он пропал без вести, и связь с ним оборвалась. И лишь через 60 лет моя дочь узнала из всероссийской базы данных о том, что отец погиб в сражении под Москвой.

Эвакуация

Вячеслав Михайлович вспоминает: когда линия фронта стала приближаться к Харькову, было решено эвакуировать завод маркшейдерских инструментов вместе с работниками и их семьями в Томск. В Томске его мама продолжила работать бухгалтером. Из-за нехватки средств к существованию старший брат устроился на завод, встал к станку. В результате вся тяжесть по уходу за ним и младшим братом Володей легла на бабушку, маму его мамы.

Мама

Но были и радости. В 1943 году Харьков освободили от фашистов. После его освобождения завод вместе с работниками и их семьями возвратились в город, – рассказывает Вячеслав Михайлович. – К счастью, заводские помещения не были разрушены и на предприятии довольно быстро было возобновлено производство продукции, необходимой для угледобывающей промышленности. Мама, работая бухгалтером, проявила высокую квалификацию и организаторские способности, и ее повысили в должности, назначив главным бухгалтером завода. Возглавляла бухгалтерию она целых 40 лет.

Он признается, что до сих пор не может себе представить, как мама, испытав в первый год войны ужасные потрясения и беду, вырастила и воспитала троих сыновей, продолжая выполнять свою работу на заводе, трудную и ответственную. Я считаю, – говорит он, – что она совершила подвиг, достойный преклонения. В значительной мере благодаря маме, я и Володя получили хорошее образование. Владимир после школы поступил в Харьковский авиационный институт, затем работал конструктором на Харьковском авиационном заводе.

Учёба, работа

А Вячеслав выбрал армейскую стезю. После окончания школы в 1957 году я поступил на инженерный факультет Калининградского высшего военно-морского училища, – вспоминает он. – В 1960-м году Хрущев сократил армию на один миллион двести тысяч человек. Под сокращение попало и наше училище. В том же году

я поступил на первый курс физфака МГУ. После окончания университета в 1966 году по распределению был направлен на работу в РФЯЦ-ВНИИЭФ. Около сорока лет я занимался расчетно-теоретическим исследованием разных типов лазеров. В 2010-м вышел на пенсию.

О своей работе он говорит крайне скупо. А зря. В Ядерном центре он трудился долго и плодотворно. Был сначала инженером, затем старшим научным сотрудником, заместителем начальника лаборатории и старшим научным сотрудником. Работал на совесть. Вот что сказано в его трудовой характеристике: «За время работы проявил себя квалифицированным работником в области расчетно-теоретического исследования различных типов лазеров. Он внес существенный вклад в исследования фотодиссоционных, газодинамических, электроразрядных и рентгеновских лазеров, занимаясь расчетно-теоретическим обеспечением работ. Он является автором и соавтором расчетно-теоретических моделей реальных конструкций... является соавтором 55-ти отчетов, восьми статей и восьми докладов на научных конференциях. Награжден медалью «Ветеран труда», знаком «Ветеран атомной энергетики и промышленности» и грамотой министра Минатома России и ЦК профсоюза отрасли.

Вдохновляющий бег

А еще коллеги Вячеслава Михайловича отмечают его организаторские способности и разносторонние интересы, активную жизненную позицию. Он выполнял различные общественные поручения по линии партийной, профсоюзной, культурной и физкультурной организаций. 20 лет возглавлял клуб «ЗОЖ» при

Доме ученых, пропагандируя здоровый образ жизни.

И вот что замечательно: он был участником шести международных пробегов, проведенных в поддержку ядерной энергетики и промышленности. В одном из них, в пробеге «Париж – Брюссель», был капитаном российской команды. Принимал участие в пробеге Москва-Иерусалим, посвященном 2000-летию Христианства. Широкое общественное признание получили организованные им 13 пробегов по России. Приветствие участникам пробега «Курск – Саратов» в честь 100-летия канонизации Серафима Саровского прислал Патриарх Московский и Всея Руси Алексей II, а участникам пробега «Москва – Саратов» в честь 60-летия РФЯЦ-ВНИИЭФ – глава Росатома С.В.Кириенко. За проведение пробегов Вячеслав Михайлович Линник награжден грамотами за подписью губернатора Нижегородской области, главы республики Мордовия, глав администраций городов Курск и Саратов, директора РФЯЦ-ВНИИЭФ.

«Пожилым человеком себя не считаю, хотя годы никуда не денешь, – говорит Вячеслав Михайлович. – Хотелось бы осуществить еще хотя бы один пробег. Куда? Пока не знаю. Идея должна быть вдохновляющей, тогда она может увлечь многих. Но главное, это не сам бег. Наши пробеги – это вроде маршей «Бессмертного полка». Мы бежим по улицам все вместе, с транспарантами. Воочию видим, что это вдохновляет окружающих. Нам хлопают, улыбаются. И нас это тоже вдохновляет».

Когда пройдешь дорогами войны...

Поликарпов Лев

Поликарпов Лев Петрович родился в 1932 г. После войны окончил Московский дорожно-механический техникум. Затем – Военно-воздушную академию им. Можайского, был направлен на службу в Арзамас-16. Побывал на многих испытаниях ядерного оружия (ЯО). В Ядерном центре проработал 53 года, выйдя на заслуженный отдых

в должности старшего инженера. Имеет сына и дочь. Награждён 25 различными наградами.

Еще несколько дней – и страна отметит День защитника Отечества. Известно, что в трудные времена на защиту России вставал и стар и млад. Так случилось и с Львом Петровичем Поликарповым. Ниже мы публикуем его воспоминания о военном детстве.

В 1941 году мне было всего 8 лет. В то время наша семья жила в польском городе Белосток, расположенном в 370 километрах западнее Минска. Отец был подполковником, секретарем партийной организации Первого стрелкового корпуса РККА. И отец, и его брат были опытными воинами, имели награды. Оба участвовали в Советско-финляндской войне, отец был награжден орденом Красной звезды, его брат – орденом Красного знамени.

В июне 1941 года отец должен был идти в отпуск, но в отпуск он не попал. Позже я слышал, что примерно за полгода до войны в Москве было правительственное

совещание, посвященное возможной войне с Германией, и отпуска для военнослужащих на нем просто отменили.

20 июня вечером я провожал отца и других красноармейцев на границу. Помню, все были с винтовками и в обмотках. Уехали они на полуторках. Мы думали тогда, что войны не будет, но война к нам все же пришла.

Долгая дорога к дому

22 июня в 4 утра меня разбудила мама. Кругом был адский шум от десятков немецких самолетов, летевших бомбить наши города. Только я проснулся, как в комнату вбежал красноармеец и приказал нам срочно идти в штаб, прихватив с собой документы и деньги. Мы так и сделали. Вернулись вечером. Помню, к нам пришла соседка, жена командира артиллерийского полка, и предложила вместе с ней прятаться в лесу, мол, война долго не продлится. Мама отказалась.

А вскоре вновь прибежал красноармеец, сказал, что нужно собираться, помог нам сесть в кузов полуторки, которая отвезла нас на железнодорожную станцию. Там мы с трудом забрались в товарный вагон. Минут через двадцать приехал отец, сказал, что все атаки немцев отбиты и чтобы мы ехали спокойно. Но поездка оказалась далеко не спокойной.

Ехали мы, сидя на полу. Еще когда добирались на станцию, над нами кружили немецкие самолеты. Помню, как наперерез им бросились два краснозвездых истребителя, но их быстро сбили. Не переставали обстреливать нас немцы и потом. При налете поезд останавливался и все разбегались из вагонов. Было много убитых и раненых. Погибших не забирали: не было возможности.

Когда к вечеру приехали в Минск, город горел от края до края. Объехав его кругом, двинулись дальше. На мой мальчишеский взгляд, несмотря на войну, организация движения была все же очень хорошей. В завтрак или обед поезд останавливался на какой-нибудь станции, где уже были накрыты столы с готовым питанием.

Ехали мы в город Сарапул Удмуртской АССР. Добравшись, разместились в одной из комнат частного дома. Маму направили на работу в эвакогоспиталь, в который свозили тяжелораненных, лежащих красноармейцев. Работы было много: раненых нужно было накормить, напоить, обмыть.

Рейсы на фронт

Маму часто направляли на фронт за ранеными, меня оставить было не с кем, и я ездил с ней. На фронт наш эшелон шел полный молодых здоровых солдат, а с фронта – набитый под завязку ранеными и увечными. Нас постоянно обстреливали и бомбили, но все наши поездки обходились благополучно.

Я хорошо их помню. Из окна вагона было видно

«лицо войны»: поля сражений, окопы, блиндажи, разбитая военная техника... И еще – разоренные войной села и города. Запомнилось и объявление на дверях одного из вокзалов: «Немецкое командование предупреждает, что тот, кто выйдет на улицу раньше 9 часов утра или позднее 6 часов вечера, будет расстрелян на месте».

Я много раз ездил на фронт за ранеными. Последняя поездка была в марте 1944 года в белорусский город Калинковичи. Остановились мы на станции, кругом множество цистерн с горючим для авиации и танков, тут же зенитные пушки, нацеленные в небо. Только мы загрузили в эшелон раненых, как налетели немцы. Началась бомбежка. Эшелон наш разбомбили, было много погибших.

После этого мамино руководство предложило нам возвращаться на родину отца – в город Щекино, так как в Сарапул ехать было уже не на чем. Мы так и сделали. Благодаря этому мы выжили, а на полях той войны остались шестеро мужчин из нашей семьи...

Вся прелесть тишины

И никак не может забыть те поездки на фронт... Об этом – его стихи, ведь, как оказалось, Лев Петрович обладает и замечательным поэтическим талантом. Вот всего несколько строчек.

*«Когда пройдешь дорогами войны,
Как чудо ты осознаешь всю прелесть тишины.
Все понимали: каждое сражение
Направлено на полное твое уничтожение...
Тот, кто бомбежки пережил,
Считай, того Господь второю жизнью наградил...
Кто это все прошел, познал Победу,
Тот счастье подарил народу своему и всему свету!»*

Помните!

Подготовила Почтарюк Надежда

*Люди! Пока сердца стучатся – помните!
Какою ценой завоёвано счастье,
пожалуйста, помните!*

Р. Рождественский

В Центре социального обслуживания граждан пожилого возраста и инвалидов (директор Сергей Козлов) 2 апреля завершился проект «Литературная гостиная».

Татьяна Криницкая пишет, что ведущая гостиной, член Союза журналистов СССР Надежда Почтарюк собрала участниц Саровской общественной организации «Дети войны». Немолодые дамы – инженеры, чертежницы, учителя – рассказывали о своем раннем детстве, военном и послевоенном, которое помнят частью сами, частью по рассказам родственников.

Нина Колыхалова, Мария Бекенёва, Людмила Дибирова, Светлана Сунцова, Галина Жолобова слегка отстраненно, как о давно выболевшем, говорили о страшных вещах: сиротстве, голоде, бандитизме, разрухе, но и о настоящем, что помогало жить: о безграничном трудолюбии матерей, о больших семьях, где каждый помогает каждому не по принуждению, а просто потому, что так от века заведено. О первых игрушках – кукле из березового поленца, обряженного в платочек, и с лицом, нарисованным углем из печки, о тряпочных медвежатах с вышитыми мордочками; о том, что обязательно нужно уметь семилетней девочке: «Ну, как же ты в первый-то класс пойдешь, если даже лошадь запрячь не умеешь?», «Наверное, потому до сих пор так люблю лыжи, что в школу за пять километров на них зимой бегали».

Нина Леонидовна КОЛЫХАЛОВА.

На подножном корму _____

Людмила Михайловна ДИБИРОВА.

На линии фронта _____

Мария Ивановна БЕКЕНЁВА.

Вятские Поляны _____

Галина Леонидовна ЖОЛОБОВА.

Выживали... _____

Светлана Васильевна СУНЦОВА.

Без кукол с лошадками _____

Воспоминания см. в авторских статьях

Блокадник, учёный, настоящий полковник...

Приемский Дмитрий

Приемский Дмитрий Григорьевич 15 января 1927 г. рождения, блокадник, труженик тыла, стал заместителем главного конструктора ВНИИЭФ, лауреатом Государственной премии СССР, заслуженным деятелем науки и техники РСФСР, был награждён орденом Трудового Красного Знамени и многими медалями, доктор технических наук, профессор.

Д.Г. Приемский – один из когорты первых офицеров-ракетчиков, талантливый учёный в области создания электромеханических приборов и устройств специальной автоматики для

ракетно-ядерного оружия России.

Приемский Д.Г. родился в г. Ленинграде (ныне Санкт-Петербург) в семье потомственных технических интеллигентов. Его дед Николай Николаевич Приемский длительное время работал на Сормовских заводах и с 1905 г. в должности директора этих заводов. Вместе со всей страной переживал все трудности и невзгоды.

С 1941 по май 1942 г. Приемский Д.Г. находился в блокадном Ленинграде, проходя службу в Особой Северной авиационной группе учеником моториста. В 1942 г. был отправлен самолётом из осаждённого Ленинграда в Москву, где некоторое время продолжал работу во фронтовых авиационных ремонтных мастерских.

После окончания в 1949 г. Ленинградского института точной механики и оптики был направлен в ЦНИИ им. Академика А.А. Крылова Минсудпрома СССР, где работал инженером и учился в аспирантуре. В 1952 г. Д.Г. Приемский проходит переподготовку в Военной артиллерийской академии им. Ф.Э. Дзержинского в Москве.

Далее его направляют помощником военного представителя 12 ГУ МО СССР при НИИ-137 (г. Ленинград), который разрабатывал взрыватели для боевого оснащения ракетных комплексов, в первую очередь для ОКБ С.П. Королёва. За 15 лет работы на этой должности Дмитрий Григорьевич участвовал в лётно-конструкторских испытаниях на полигонах, постановке приборов автоматики на серийное производство, работал в межведомственных комиссиях по рассмотрению эскизных проектов, лётным испытаниям и рассмотрению аварийных ситуаций. В 1966 г. он защитил кандидатскую диссертацию.

В 1967 г. было принято решение о передаче работок из НИИ-137 во ВНИИЭФ. Приемского Д.Г. пере-

водят (по соглашению с Минобороны) начальником специализированного отдела 54 КБ-2 ВНИИЭФ. За короткий срок отдел 54 становится ведущим подразделением отрасли по направлению создания устройств и систем контактного подрыва. В 1978 г. Дмитрий Григорьевич защитил диссертацию на соискание учёной степени доктора технических наук по специальности «Элементы и устройства вычислительной техники и систем управления». Под его научным руководством были защищены одна докторская и 15 кандидатских диссертаций. С 1984 г. Приемский Д.Г. – профессор. Он много и серьёзно занимался вопросами повышения квалификации сотрудников подразделения, прежде всего молодых специалистов.

Приемский Д.Г. активно занимался вопросами диверсификации работ своего подразделения: медицинское направление – комплект хирургических инструментов, кератометр – высокоточный прибор для определения кривизны поверхности глазного яблока для знаменитого офтальмолога С.Н. Фёдорова, нашедший широкое применение в МСЧ г. Сарова и МНТК «Микрохирургий глаза»; обычное вооружение – он стоял у истоков нового для РФЯЦ-ВНИИЭФ направления оружейной деятельности по созданию современных боеприпасов для комплексов оружия различного назначения. В качестве иллюстрации можно привести боеприпас для ПЗ РК «Игла», широко известный в настоящее время не только в российской армии, но и армиях многих стран мира.

На заслуженном отдыхе активно занимался просветительской деятельностью. Им были подготовлены и изданы ряд учебников и учебных пособий, в частности, для кафедры взрывателей Санкт-Петербургского меха-

нического института (известный Военмех), а также ряд книг мемуарно-художественного направления.

К глубокому сожалению, в возрасте 90 лет Дмитрий Григорьевич ушел из жизни, поэтому дальнейший текст заимствован из его прекрасной книги «Дороги старого профессора», выпущенной издательско-полиграфическим комплексом РФЯЦ-ВНИИЭФ в 2015 году.

В школе

Впечатления от довоенного детства, начиная лет с 6, в основном связаны с репрессиями. Страх охватил и нашу семью. Отец каждый день ожидал ареста, и у нас в доме была очень нервная атмосфера.

В семь лет я пошел в школу. В памяти всплывает, как 1 сентября мы с матерью пришли в 11-ю среднюю школу нашего Дзержинского района. Она была расположена в нескольких кварталах от нашего дома, минутах в 15-20 ходьбы. Мы стояли в толпе ребят с родителями в широком коридоре школы на первом этаже, когда пришла директор школы и сказала нам: «Кто грамотный – становись сюда, а кто нет – сюда». Я пошел к грамотным, которых набралось человек 30. Появилась учительница, сопроводившая нашу группу в класс. Там она переписала в журнал наши имена и начала занятия. Нужно сказать, нас учили добросовестно. Раньше это была известная в Петербурге немецкая школа для девочек, которую после революции разделили на две средние школы: 11-ю, где учился я (позже – 23-я), и 32-ю в здании напротив. Штат учителей в них состоял еще из обрусевших немцев, первая наша учительница говорила с лёгким акцентом. Традиции большой учебной нагрузки школьников ещё оставались. У нас, например, с первого класса в про-

грамме были уроки труда, на которых учили шить, пилить и строгать, чинить свою одежду и домашнюю мебель. С тех пор это для меня не составляет трудности. Можно считать, что порядки в школе были ещё прежние.

Ребята, которые не хотели или не считали нужным дальше учиться, после 7 класса уходили в ФЗУ (фабрично-заводское училище), а зlostных хулиганов после нескольких предупреждений из школы исключали. Что касается нашего культурного воспитания, то в самой школе я никаких художественных кружков или факультативных занятий не помню, но можно было записаться в музыкальный или художественный кружок при Дворце пионеров на Невском проспекте у Фонтанки, там же, где и ныне.

Начало войны

В Сестрорецке ввели пограничную зону. Случилось это, видимо, к лету 1938 г. Граница зоны, скорее всего, проходила до станции Александровская, что от Сестрорецка по направлению к Ленинграду составляет километров 10.

Мать оформляла пропуск для въезда в пограничную зону, и мы продолжали ездить в Сестрорецк. Экземпляр этого пропуска случайно сохранился в бумагах моей матери, почти истлел и плохо читается. Цитирую: «Пропуск (действителен при предъявлении паспорта). 5.7.1939 г. Разрешается гр. Приемской Марии Николаевне 1904 г., работающей на заводе «Электропульта» в качестве конструктора, въезд и временное проживание в город Сестрорецк сроком по 05 августа 1939 г. Цель поездки – к матери». Моя мать меня там оставляла на всё свободное от школы время. Дачников в Сестрорецке

стало непривычно мало, если только свои вроде меня.

Я помню, что на улицах, ведущих от бабушкиного дома вдоль моря в сторону Курорта, в эти годы выросла высокая трава, через которую проглядывала лесная земляника. В остальном было всё так же.

А потом была финская война. Она началась в конце декабря 1939 года. В Сестрорецк меня привезли в начале января 1940 г. на зимние каникулы. Бабушка и все соседи рассказывали, что в сторону Финляндии летело много самолётов, гремели и взрывы, а теперь всё стихло. Когда я вернулся в Ленинград, то внешне, как я помню, там мало что изменилось, и про войну говорили и писали мало. Отец рассказывал, что прорвали финскую оборону наши танки, не те, которые сделали по образцу, купленному за границей и состоявшие у нас на вооружении, а отечественные тяжелые танки, три опытных образца. До войны их на вооружение не принимали за ненадобностью. Забегая вперёд, скажу, что впоследствии я об этой истории неоднократно слышал, как эти танки воевали в Великую Отечественную войну уже под легендарной маркой КВ (Клим Ворошилов).

Ленинградская блокада

Знак «Жителю блокадного Ленинграда» вручается проживавшим не менее 4-х месяцев в Ленинграде в период блокады (с 8 сентября 1941 года по 27 января 1944 года) детям до семи лет, школьникам, учащимся школ ФЗО, ремесленных училищ и тех-

никумов, студентам и другим гражданам, не награжденным медалью «За оборону Ленинграда».

Я помню, как 28 августа 1941 года стало известно о том, что из Ленинграда ушел последний железнодорожный состав. Затем начались интенсивные ночные налёты немецкой авиации на город. Бомбы вначале бросали только зажигательные. Я видел это, когда дежурил на чердаке нашего дома или под аркой, ведущей во двор. Чердак был очищен от хлама, там стояли бочки с песком, то есть к налётам готовились, как к уличным боям. Зажигательная бомба была длиной больше метра и толщиной с мужскую руку. Пробив крышу и оказавшись на чердаке, она горела синим огнём подобно автогену, каждые 10-15 секунд вспыхивая мощным фейерверком типа бенгальского огня. Наша задача заключалась в том, чтобы дожидаться этой вспышки, а потом схватить бомбу и бросить её в бочку с песком.

Между тем положение с продуктами сильно ухудшилось. Магазины после 28 августа опустели. Начались разговоры о том, что вот – вот населению начнут раздавать продукты, но эти слухи так ничем и не подкрепились. Как обычно, 1 сентября мы пошли в школу, но не в нашу, а в соседнюю, 32-ю – ребят на целый класс из двух школ не набиралось. Школьный период с перерывами продолжался месяца полтора и был чисто формальной акцией. К тому же часто бомбили, и мы дежурили на крышах против зажигалок.

Бомбёжки так и продолжались каждую ночь месяца полтора – два с перерывами. С объявлением воздушной тревоги мы всегда спускались в бомбоубежище. Отчетливо помню, что было очень страшно, особенно когда бомбили наш район. Сидишь в доработанном под бомбоубежище подвале своего же дома и после каждого взрыва корчишься от боли в животе, вызываемой страхом.

На пересечении проспекта Чернышевского, куда выходил наш дом, и соседней улицы Шпалерной прямо в середину перекрёстка попала тяжелая бомба. Тогда молва делила их по весу на 250, 500 и 1000- килограммовые в зависимости от степени нанесённых разрушений. Из перекрёстка бил широкий фонтан воды высотой в несколько этажей, и весь проспект Чернышевского был залит. Хорошо ещё рядом была Нева, и основная вода ушла в реку. Этим взрывом разрушило основную магистраль подачи пресной воды из главной городской водоканализационной станции, расположенной метрах в двухстах – трёхстах от этого перекрёстка. Воронка была такая большая, что в неё свалилась половина одного из домов на перекрёстке. В эти же дни, а может, и немного раньше, прекратилась подача электроэнергии. Освещение в комнате по ночам, да и днем, стало весьма актуальной проблемой.

В передней стоял наш платяной шкаф, наполненный всяким бытовым барахлом, в том числе там лежало старое корыто. В это корыто мать обычно бросала оставшиеся куски хлеба и булки специально для кормёжки бабушкиных кур в Сестрорецке. К счастью, последний набор этих кусков до кур не дошёл, так и оставшись в корыте. Они, пролежав забытыми с лета, засохли, но оставались съедобными по тем временам. Других продовольственных запасов у нас не было. Позже оказалось, что мать спрятала в книжном шкафу кусок сливочного масла граммов на триста и кусков 10 пилёного сахара, как тогда его называли.

Авиационные бомбёжки в октябре – ноябре стихли, но начались систематические обстрелы Ленинграда тяжелыми снарядами. По радио объявляли район обстрела, и если называли не наш, то мы в бомбоубе-

жище не спускались, а потом и к близким взрывам стали привыкать и не очень на них реагировали.

Наверное, ещё в октябре завод «Электропульт» остановился полностью. Я сужу сейчас об этом потому, что мать перестала получать рабочую карточку. Для восстановления её она поступила работать кем-то типа дворника в Северо-западное речное пароходство, управление которого находилось в соседнем доме. Работала там она около месяца. Я ходил к ней и каждый раз приносил домой плаху дров или сумку угля. Но потом это само собой прекратилось. Главным для нас стало желание есть. К середине ноября 1941 года продукты для супа кончились, и мы три раза в день ели только хлеб с кипятком. Предварительно я резал хлеб на квадратики и подсушивал их на печке, возле которой сидел и ею заведовал.

После отправки бабушки дядя Сеня рекомендовал меня на работу в Особую Северную авиационную группу Гражданского воздушного флота. По советским законам официально начинать работать можно было с 14 лет, а мне 15 января 1942 года они исполнились. Тогда всех взрослых мальчиков и девочек, оставшихся на ногах к весне 1942 года, определяли к делу.

Управление гражданского воздушного флота находилось на Литейном проспекте в доме 48 (теперь здание училища). Продовольственные карточки у меня отобрали, и я был поставлен, по терминологии тех дней, на котловое довольствие. Я стал получать авиационный технический паёк, и моя жизнь круто изменилась. Я попал в совершенно нормальную обстановку людей, не испытывавших никакого голода. Пилоты, которые приезжали сюда с аэродрома, нормально обедали по своим довоенным меркам. Меня тоже кормили три раза в день, поскольку я уже числился на службе и ожидал отправки

на аэродром, когда туда пойдёт машина. Анализируя сейчас эту ситуацию, я прихожу к выводу, что отправка бабушки к дочери и моё поступление на работу, казарменное положение и усиленное питание – всё это спасло нам жизнь. Бабушка уже в конце января 1942 года была плоха. Мать и я к тому времени были в состоянии дистрофии, то есть полного истощения. Если бы мы остались втроём в прежнем положении, то наверняка долго бы не протянули.

С неделю или чуть больше я жил дома и каждый день ходил на работу. Смутно помню, что меня задействовала для какой-то переписки секретарь начальника управления. Во всяком случае, я находился при ней. Расстояние от нашего дома до управления, если идти по улицам, составляло примерно три трамвайные остановки. Мерка расстояний остановками в Ленинграде до войны была общепринятой. Но я, естественно, скашивал этот путь, проходя переулками. В частности, шёл мимо Спасо-Преображенского Всей Гвардии собора. Кругом собора красивая ограда из трофейных орудий, захваченных у турок во время осады Варны в русско-турецкую войну 1828-1829 гг. Пушки длиной в полтора-два человеческих роста сцеплены тяжелыми цепями, образуя ограду собора.

Погибло от голода...

*«Здесь лежат ленинградцы.
Здесь горожане – мужчины, женщины, дети.
Рядом с ними солдаты-красноармейцы.
Всею жизнью своею
Они защищали тебя, Ленинград,
Колыбель революции.»*

*Их имён благородных мы здесь
перечислить не сможем,
Так их много под вечной охраной гранита.
Но знай, внимающий этим камням:
Никто не забыт и ничто не забыто».*

Ольга Берггольц

Много лет назад кто-то определил количество умерших в блокаду от голода в 600 000 человек, что у меня никакого доверия не вызывает. Посудите сами. Многие уехали, но в город вошли беженцы от немцев из округи города и оккупированных областей. Не думаю, чтобы число их было известно. По крайней мере, в нашей квартире появилось много народа – знакомых и родственников прежних жильцов. Даже несколько мальчиков и девочек близкого со мной возраста. Всего было, я считаю, человек 40-50. После августа 1941 г. эвакуироваться из Ленинграда было нельзя, но наша, битком набитая квартира, к февралю 1942 года совсем опустела, остались мы и пара соседей. Спросить, куда делись жильцы, не у кого.

При каком-то блокадном юбилее была названа цифра в 1,5 миллиона голодных смертей, что уже близко к истине. Может быть, погибло и больше, до войны в Ленинграде проживало больше 3 миллионов человек, но не будем гадать, назовём миллион погибших человеческих жизней. Он стоит того, чтобы для их спасения идти на любые вложения и риски со стороны руководителей государства. По крайней мере, так представляется мне, думаю, так считали все, кто мучительно умирал в ту злополучную зиму.

А за этими смертями проглядывают душераздирающие человеческие трагедии. В конце своего пути моя

жена, по-видимому, под воздействием очередных юбилейных передач о военном Ленинграде, разговорилась, молчала о своей работе санитаркой более 70 лет. Она рассказала, что происходило в их детской больнице в первую блокадную зиму. Как матери по утрам подкладывали своих детей к дверям их больницы в надежде, что их возьмут и они выживут, а сами, надо полагать, уходили умирать. Как по дежурствам по ночам главная их забота заключалась в том, чтобы маленьких детей не съели

крысы. О картинах, которые предстали перед ними, когда они занимались очисткой ленинградских квартир от трупов весной 1942 года. Не могли забыть и уже мёртвой матери и ещё живого ребёнка, ищущего её грудь. Можно считать, что в военном отношении Ленинград – это некий аналог «котлов», в которые в начале войны попадали сотни тысяч наших военнослужащих.

О военном детстве

Сазонов Виктор

Воспоминания

Виктор Васильевич Сазонов родился 12 марта 1940 года в деревне Савинка Мичуринского района Тамбовской области в крестьянской семье. «В этом году исполняется 60 лет, как я встал в военный строй. Прослужил во Внутренних войсках 32,5 года, 22 года работал начальником штаба ГО на заводе ВНИИЭФ. С 2011 года – помощник командира 94-й орденов Жу-

кова, Красной Звезды дивизии войск Национальной гвардии по работе с ветеранами. За время прохождения службы награжден медалями Советского Союза. Являюсь заслуженным ветераном города Сарова Нижегородской области, Внутренних войск, лауреатом премии генерала армии И.К. Яковлева».

Семья

Отец Василий Илларионович и мать Анастасия Васильевна занимались сельским хозяйством. Великую Октябрьскую революцию они приняли с радостью. Отец

принимал участие в Гражданской войне в рядах Рабоче-Крестьянской Красной армии (РККА), воевал против батьки Махно, как он говорил. После войны до 1943 года работал в колхозе, был агрономом. В начале Великой Отечественной войны был призван в Красную Армию в тыловые подразделения, но примерно через год получил ранение и был комиссован по состоянию здоровья. В 1943 году семья переехала в г. Мичуринск, и старшая сестра Нюся, 1922 года рождения, добровольно ушла на фронт, воевала в войсках ВНОС прожектористкой до августа 1945 года.

Бомбёжки, пленные немцы

Начало войны я не помню, был маленький, да и фронт был далеко. А вот уже в конце 1943 года мы узнали, что такое война, бомбежки. На собственном огороде отец вместе со старшими братьями вырыли землянки. В 5-10 км от города находились большие железнодорожные станции – 1, 2, 3, 4, 5 Кочетовка, через которые днем и ночью шли эшелоны с фронта и на фронт, с солдатами и техникой. Немцы очень часто совершали авиационные налеты, стремились уничтожить станции и идущие эшелоны. Два раза они бомбили вокзал г. Мичуринска, электростанцию, элеватор.

Первого немца мы увидели в лесу, мертвого, висевшего на парашюте с оружием на дереве, о чем мы сообщили дежурному по железнодорожному разъезду, который при нас сообщил кому надо. Второй раз мы встречались уже с пленными немцами, идущими большими колоннами на работу по восстановлению железнодорожного моста, идущего из г. Мичуринска в г. Тамбов. Некоторые жители нашей улицы давали им картошку.

Фронттовики

Очень хорошо помню лето 1945 года, когда на улицу возвращались фронтовики с войны. Первыми прибыли дядя Петя Мачнев, дядя Саша Каньшин и другие. Некоторые были ранены, а дядя Саша Скрипкин – на костылях. И, конечно, было для меня радость возвращение сестры Нюси, уже с мужем ст. л-т Селеменевым Федором Васильевичем, с которым она познакомилась на фронте. Все фронтовики были с орденами и медалями. Всюду были гуляния, слышались песни.

Военные и послевоенные годы были очень трудными, холодными и особенно голодными. Мы, пацаны, ели все, что находили на железнодорожных путях, идущих на Москву, Воронеж, Тамбов. Спасал нас военный продовольственный пункт, где кормили военных, следующих в эшелонах на фронт и с фронта.

На «Дедовой кучке», как мы звали место, куда сваливали все отходы из столовых, где кормили военных, мы в избытке находили куски хлеба, мяса, рыбы и все остальное. И даже кое-что приносили домой. Все мы, пацаны, которым было 5-9 лет, в это трудное время выжили.

Во время войны и после в пищу использовали лебеду, свекольник, жмых, прошлогоднюю картошку, оставленную в зиму в земле, швейное машинное масло и многое другое. До 1947 года хлеб выдавался по карточкам на всю семью на месяц. Это была очень малая доза. Однажды мы с сестрой Ниной 1935 года рождения пошли в магазин за хлебом с карточками и она их потеряла, но, скорее всего, у нее их украли. Я до сих пор помню, как она шла километра 3 домой и кричала истерическим криком. Хлеба семья лишилась.

Помогли соседи, железнодорожники, которые видели ее ревущую, и работавшие с отцом и братом Борисом в железнодорожном депо. После отмены карточек облегчения было немного. Хлеб продавался в ларьках, его привозили в небольших фургонах на лошадях примерно к 8:00. А очередь занимали накануне с 22:00 до открытия. Записывали номер очереди на руке, старшие братья и сестры, возвращающиеся с танцев. Перед открытием ларька давка, крики, стоны, иногда были травмы, обмороки, приезжали машины скорой помощи.

На краю войны

Синяпкин Юрий

Юрий Терентьевич Синяпкин, 09.08.1937 г.р., окончил в 1964 году Новочеркасский Политехнический институт. С 26 марта 1965 года и до настоящего времени научный сотрудник ВНИИЭФ. Участвовал в испытаниях 29 ядерных зарядов на полигонах Семипалатинска и Новой Земли, автор 12 и соавтор 3 авторских свидетельств и патентов.

Война!

Впервые это слово я услышал из уст отца. Работал он на железнодорожной станции Каменоломни (окраина г. Шахты, Азово-Черноморский край), Северо-Кавказской железной дороги. Жили мы в частном доме, построенном на выделенной маме земле совхоза ДОРУРС. Она, после окончания двухгодичных курсов в Воронеже, работала в этом хозяйстве агрономом-полеводом. Во второй половине рабочего дня (18-19 часов, 21 июня, 1941 года) взрослые ждали возвращения с работы отца. Все были чем то озабочены, а нам, пацанам, тоже было интересно, что их так встревожило. Отца мы встретили на подходе к дому. Обычно, весело встречавший нас, был угрюм и не многословен. Подойдя к дому, на вопросы, ответил одним словом – ВОЙНА. Немец объявил нам войну! Присутство-

вавшие женщины (бабушка, мама, тетя и др.) запричитали. Отец попытался успокоить их, высказав мнение, что война будет недолгой и немцев мы победим. Однако в казачьей среде знали цену этому слову – ВОЙНА.

На фронте

Помню, как начиналась Великая Отечественная война. Отец был железнодорожником, и до начала 1942 года о его мобилизации вопрос не стоял, хотя он отслужил командиром пулемётного взвода, сержантом. У железнодорожников была бронь, но по мере приближения боевых действий к Казачьим краям, к Донбассу, власти начали готовиться к эвакуации: подготовка к уничтожению работоспособности железной дороги, шахт, предприятий, совхозов, колхозов, и др. Отцу предлагали эвакуироваться, но он наотрез отказался и был призван, прошел переподготовку и стал истребителем танков. Его оружием стал ампуломёт – прообраз современных гранатомётов, но тогда, из трёх выстрелов, один взрывался в руках стрелка. Отец прислал весточку с окраины Ростова (ост. Большой Лог), где его воинская часть готовилась к защите города. Я с мамой поехал на грузовом составе его проводить. Его воинская часть должна была защищать город с севера, со стороны железной дороги. Помню солдатскую кухню, кусочки сахара – подарки от солдат, окоп, который я не смог от страха перепрыгнуть и не прекращавшиеся налёты немецкой авиации на переправу в Аксае и на сам город. К отцу подошел командир и сказал, чтобы он управлял нас с позиций части. Отец проводил нас к железной дороге посадил в остановившийся товарняк. Только он отошел, и на него, на товарняк, стали пикировать немецкие самолёты. Бомбы они не бросали, видимо, разгру-

зились на переправе в Аксае и Ростове, а из пулемётов старались поразить паровоз, но и этого им не удалось. Самолёты летали так низко, что физиономию одного из лётчиков я запомнил на всю жизнь и случись – узнал бы его и среди сотни и среди тысячи. Настолько он был настырен в желании поразить цель, что заходил на неё несколько раз, но, к счастью для нас, безуспешно.

Бомбёжки

Перед приходом немцы интенсивно бомбили станцию Каменоломни и город Шахты. Разрывы бомб, пулемётные очереди и гул самолётов были хорошо слышны в совхозе, отстоявшем от Шахт на 10 километров, а от станции на 3 километра. Наш дом стоял в 200 метрах от железной дороги, и вот в один из дней на вышедший из Каменоломни в сторону Ростова грузовой состав, как потом выяснилось с воинскими грузами, начали пикировать немецкие бомбардировщики. Помню тревожные гудки паровоза. Ту-ту-ту! Бабушка, забрав нас, спустилась в погреб, закрыв вход подушками. Потом всё стихло. Самолёты улетели. Прибежала тётка Мария, жена маминого брата. Мы покинули погреб. Она сказала, что состав разгромлен. Вся бригада погибла. Бабушка повела нас посмотреть и узнать, нет ли среди погибших знакомых. Уже на земле, возле искорёженного паровоза, лежали останки. Возле состава раскиданы части самолётов и рассыпано много патронов.

Дезертиры

В один из дней возле нашего двора остановилась группа военных. Трое из них были с оружием (политрук и конвоиры), а человек 5-7 без головных уборов и ремней.

Попросили напоить. Потом они, и те и другие, набросились на горох, росший на участке. Бабушка сжалась и разрешила. Дедуля потом сказал, что это были дезертиры. Их расстреляли в кустарнике возле конторы. Сотрудники совхоза вырыли им общую могилу, постелили соломы и погребли. Политрук и конвоиры ушли в сторону Ростова.

Оккупация

Со стороны Новошахтинска уже была слышна кононада. Приближались завоеватели. Была попытка матери с дедом эвакуироваться, переправившись через Дон в Раздорах, но на наших глазах немцы разбомбили переправу, погибло много людей. Нам ничего не оставалось, как вернуться в посёлок. Он уже был оккупирован немцами. Мама боялась, что к ней будут применены какие-то меры, ведь она числилась в руководителях совхоза. Но всё обошлось. На следующий день её вызвали в контору совхоза и обязали восстановить его работу. Как она это делала – отдельный разговор, скажу лишь, немцам её работа много пользы не принесла. А мама, вопреки желанию некоторых жителей посёлка, служивших оккупантам, сохранив значительную часть посевного материала, после освобождения области от захватчиков, весной 1943 года, засеяла поля сохранившими семенами зерновых. В этом же году ею в совхозе был заложен фруктовый сад, кормивший почти два поколения сотрудников совхоза, управления дороги, столовые поездных бригад отменными ягодами и фруктами.

Зима 1942-1943 гг.

Из времени оккупации самым тяжелым периодом была зима 1942-1943 годов. Стояли трескучие морозы.

Земля покрылась почти метровым слоем снега. Сугробы были под крыши землянок. Дороги были под снегом. Оккупанты ещё осенью выгребли из кладовки и погреба всё съестное, оставив свеклу и тыкву. Свеклы было много. Заготавливали для скота, но его успели эвакуировать. Кто не был лентяем и предвидел трудности, запасались этим не ахти каким вкусным овощем. Погреб был забит им до крыши. Дед, мамин папа, и человек, которого семья приютила у себя, прятались в схроне из свеклы. Человек, имени его я не помню, остался в памяти, вырезал для детей игрушки из деревяшек (фигурки физкультурников, кошек, собачек и др.) Ночью он куда-то уходил, а рано утром возвращался. Когда я проходил срочную службу (1955-1959 г.г.) он приходил к деду и благодарил за предоставленную ему возможность скрываться у нас. Маме он сказал, что был подпольщиком.

Гумпомощь

С продуктами повезло. Рано утром перед Новым годом, когда прятанный в схроне дедуля вышел по нужде, он недалеко от дома на снегу нашел два бумажных мешка. В мешках были консервы, конфеты, галеты, сигареты и др. Мешки он спрятал в снегу. Днём полицаи ходили по посёлку и собирали эти новогодние подарки, как потом объяснили, для армии Паулюса. Заблудившиеся самолёты сбросили их в 300 километрах от цели. А для семьи эти продукты оказались как нельзя кстати. Дедуля долго скрывал источник их появления. Была продумана конспирация. Детям не разрешалось выходить из дома с «подарками». Съедалось под присмотром старших.

Перед бегством немцев по посёлку прошел слух, что они взрывают ж/д мосты. Наш дом находился в 200 метрах от такого моста.

Когда началась подготовка к взрыву, мы снова спустились в погреб. Подрывная команда постаралась. Взрыв был огромной силы. Во дворе валялся кусок шпалы с рельсом. Команду подрывников расстреляли в посёлке.

Время нашей оккупации закончилось. 14 февраля 1943 года был освобожден Ростов-на-Дону. Начиналось восстановление разрушенного войной хозяйства. Рабочих рук не хватало. Поэтому привлекались все, кто мог, по мере своих возможностей участвовать в работах. Среди рабочих были убелённые седinou старики, инвалиды, подростки. Все были увлечены идеей налаживания нормальной жизни. Помню русские песни возвращавшихся с мамой с плантации поливальщиц. Меня привлекли к труду, когда мне ещё не исполнилось семи, летом 1944 года. В мои обязанности входило водить за уздечку по картофельным рядам лошадь с окучником.

Школа

В 1944 году проводили в школу. Школа называлась начальной железнодорожной, под номером №81. Память сохранила почти все наиболее значимые моменты: первую учительницу – Марию Тарасовну, строгую и добрую; одежду, сумку, сшитую мамой вручную из простенького материала; маленькие кусочки хлеба, посыпанные сахаром, которые давали на большой перемене. Какое же это было лакомство для полуголодных мальчишек и девчонок! В стране были силы, думающие о её будущем, заботящиеся о том, что пройдет совсем немного времени и этим мальчишкам и девчонкам при-

дётся сесть за кульманы, работать на фермах и полях, сесть за штурвалы тракторов и самолётов, строить и добывать полезные ископаемые, рубить лес и служить в Вооруженных силах, защищать страну и др. Мы чувствовали эту заботу, понимали, что каждому из нас, когда придёт время, нужно будет кого-то сменить на трудовом посту. Поэтому среди нас не было ни наркоманов, ни пьяниц, ни воров, ни преступников. Из 12 мальчишек и 17 девчонок, окончивших 10 классов, по-разному сложились судьбы, и в дальнейшей жизни не у всех всё было хорошо. Жизнь есть жизнь! Но у каждого были равные возможности, и в этом социальная справедливость. Кто хотел – становились, трактористами, инженерами, учеными, шоферами, лётчиками, моряками, учителями, агрономами, ветеринарами и др. Огромное спасибо тем, кто нас к этому готовил, давал знания.

Отец

Глубокой осенью 1944 года, после тяжелого ранения при освобождении Крыма, возвратился отец. Восстанавливал здоровье, по его воспоминаниям, в госпитале под Саранском. Медицинская комиссия определила ему первую группу инвалидности. Правая рука, чуть выше сустава, была перебита и висела на бинтах через шею. В теле засели несколько осколков. Часть из них впоследствии были удалены, а часть осталась до смерти. Для него Великая Отечественная война окончилась. Для меня же наступали годы ответственности, как здорового, старшего из мужчин. В мои обязанности входило ходить в поселок за хлебом (хлеб до 1947 года выдавали по карточкам), носить воду и помогать отцу и маме по хозяйству.

Без кукол и с лошадками

 Сунцова Светлана

Я из деревни – сейчас это называется Удмуртская республика. Папа, Василий Игнатьевич, ушёл в армию ещё до начала войны, погиб в октябре 1942 года, похоронка пришла. Я его совсем не помню.

Итак, я родилась 20 мая 1941 года, а в июне сгорел у нас дом, а тут война... Колхоз выделил нам маленький домик в два окна, мы так и жили в нём до 1958 года. Во время войны

мама, Павла Алексеевна Веретенникова, ещё молодая была, потому её направляли и на лесозаготовки, и на рытьё окопов вокруг Ижевска. Зимой!

Куклы нет

Лет до шести я росла в основном с бабушкой. Единственное, что я хорошо помню, как-то зимой мама приехала «на побывку», мне года четыре что ли, было. Я сидела на полу возле печки, играла – берёзовый чурбачок повязала платочком, углём из печки нарисовала глаза, нос и рот, и это у меня кукла была – вдруг открывается дверь, мама входит. «Ой, Светочка, милая, я тебе подарок привезла!» – я ей на шею бросаюсь: «Какой по-

дарок?» Мама достала один пряник. У меня радости было – море! Я же их прежде-то и не видела. А мама вздохнула: «Ох, даже куклы у дочки нет...»

Лошадки

Летом в колхозе мама работала конюхом. Можно сказать, что я выросла на лошадях – она меня с собой брала постоянно. И лошадей проверять постоянно нужно, особенно ночами, когда кобылы начинали жеребиться: «Пойдём, вдруг жеребёнок появился, лошадку вытереть, соломки маленькому подстелем, всё проверим». Шли тихонько на конюшню, а там она меня сажала на какую-нибудь спокойную старую лошадь и велела держаться за гриву, чтобы я не падала. А сама прибиралась на конюшне. Ещё мама пасла этих лошадей – и тоже меня с ними обращаться учила. Когда мне пришло время поступать в школу, – а это был 1948 год, – она мне и говорит: «Вот как ты в школе-то учиться будешь? Ты даже лошадь не научилась запрягать!..» До сих пор не понимаю: неужели это действительно было возможно, не только помнить, что за чем надевать на лошадь – когда хомут, когда уздцы, когда вожжи, когда седло – но и уметь самостоятельно это делать. Вот так самостоятельность деток тогда оценивали.

В школу в лаптях

Пошла – вместо портфеля холщовая сумка через плечо, в лаптях. Новые лапти – это у нас, помню, предмет гордости был. Два года учились в школе в посёлке Ярый Яр, в пяти километрах – зимой на лыжах бегали; я до сих пор на лыжах хожу, люблю. Однажды по весне

в речку по горло провалилась – лёд проломился, сумка по воде плывёт, я барахтаюсь. Мальчишки вытащили меня – так я дальше в школу пошла, хорошо мама перехватила: «Куда ты? Мокрая вся, зачем на тонкий лёд полезла?!» То есть я же и виновата, что не посмотрела внимательно, куда можно идти, куда – нет.

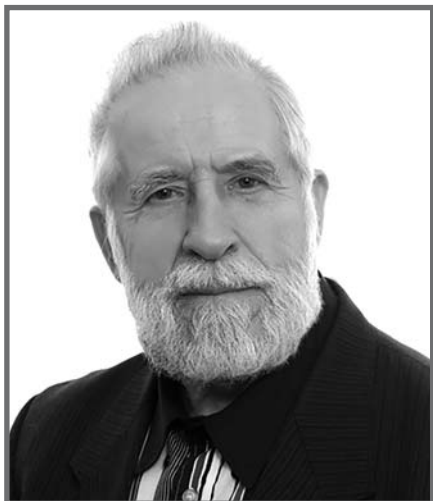
После войны

После семилетки мальчишки пошли в ремесленное училище, а две девочки и парнишка из нашей деревни – в восьмой класс. В это же время в деревне провели электричество, а до того с керосиновыми лампами учили уроки. После десятилетки отработала в колхозе – дояркой, затем поступила в педагогический институт в Глазове, закончила его в Ижевске, работала инструктором школьного отдела обкома комсомола, вышла замуж и приехала в Саров. С 1966 работала во Дворце пионеров, а с 1968 года по 2012-й – учителем русского языка и литературы в школе № 11.

См. также Почтарюк Надежда «Помните!»

Без прикрас о послевоенном детстве

 Сустатов Николай

Николай Григорьевич Сустатов 04.10.1936 г. В 1955-1959 гг. служил на боевой краснознамённой подводной лодке Балтфлота. После службы направлен в г. Саров. С 1980 г. работал начальником группы в 3-м секторе ВНИИЭФ.

Я принадлежу к поколению «детей войны». Я был мал и саму войну помню плохо. Зато в мою

память впечатались тяжелые послевоенные годы, изнурительный труд, голод, материнская боль и ее вечные думы, как жить дальше. Я мог бы сказать сакраментальную фразу, мол, нынешнему поколению такое и не снилось. Но не скажу. Достаточно того, если прочтут и что-то поймут о поколении своих дедов и бабушек...

Нехитрая статистика

В сельской местности в 1950-е и 1960-е годы существовали колхозы и личные хозяйства. Самым тяжелым трудом в то время было заготовить дров и сена на зиму. Сейчас сено и дрова заготавливают с помощью тех-

ники, а в то время эта работа делалась вручную. В большинстве случаев траву рвали или косили ручной косой, а затем ее возили из лесу на ручных тележках или носили на плечах вязанками.

В те времена в личных хозяйствах содержался разный скот, и в период стойлового содержания его в основном кормили сеном. В колхозе каждое личное хозяйство должно было выработать минимум 350 штук трудодней. За невыработку этого минимума применялись различные наказания.

После уборочной поры на каждый трудодень давали по 300 г ржи или пшеницы. Конечно, этого было очень мало: считалось, что на каждого человека только хлеба нужно было 200 кг в год. Домашнее меню у людей было очень скудным, и в основном всех выручало свое молоко.

За содержание скота в личных подворьях государство взимало налоги в виде 8 кг масла, 16 кг мяса, 50 шт. яиц, 16 кг мяса и 300 г шерсти с каждой овцы. Для содержания скота нужны запасы корма и много пойла. По статистике моей мамы – Евдокии Никитичны Сустановой – на одну корову нужно было запасти около 2 тонн сенажа, а на одну голову овцы или козы – около 500 кг. Этого количества сенажа должно было хватить на всю зиму, с учетом, если скот поить бардой...

Всем места хватит

Отца моего в то время уже не было: он геройски погиб в марте 1942 года во время Великой Отечественной

войны в тяжелых боях против фашистов за город Харьков. В своих немногочисленных письмах с фронта отец писал: наша задача состоит в том, чтобы бить фашистов до самой победы. Из 7 человек нашей многочисленной семьи в 1950-е годы остались вместе только трое: мама-домохозяйка, я в возрасте пятнадцати лет и моя двенадцатилетняя сестра. Старший брат уехал учиться в военное училище на лётчика, а старшая и средняя сестры обзавелись к тому времени хозяйством на стороне. Бывший беспризорник, который к тому времени уже 4 года считался в нашей семье приемным сыном, уехал учиться в фабрично-заводское училище. Будучи вдовой, моя мама говорила, что где есть пять детей, там и сирота вырастет. Сама она сильно болела и не могла далеко уйти от печки, на которой спасалась от сильной боли, поэтому сенокос нам с сестрой приходилось проводить вдвоем.

Размахнись, плечо!

Сенокос в каждом личном подворье проводили по индивидуальным планам. В нашем подворье он начинался в самые ранние сроки и продолжался до поздней осени. Поскольку нам сенокосных угодий не выделяли, приходилось косить траву в лесу. Уезжали рано утром, по росе. Ведь траву легче вырвать руками или скосить ручной косой, когда еще роса не обсохла.

Из лесу траву приходилось везти за 6 км на деревянной тележке с колесами от конской повозки. Нам оставались участки, где прошел сенокос у работников колхозов или лесничества, и там практически ничего не оставалось для нас.

Рано утром мы крепили на тележку нехитрые орудия труда и походный обед, завернутый в старую шаль.

Меню почти не менялось и состояло из хлеба, молока, двух яиц, картофеля и соленых огурцов.

Стоянку на время покоса определяли по опыту прошлых лет, чтобы она соответствовала некоторым пожеланиям: чтобы в кустах была трава и вода поближе. С собой мы питьевую воду не возили, а пили ту, что есть рядом, обычно мутную, процеженную через платок или кепку, болотную водицу.

Иногда мы заходили за травой далеко от места стоянки, нарывали ее на одну ношу, укладывали на веревку и на плечах несли к своей тележке. Ноша за ношей – и в итоге около тележки вырастала небольшая копна сырой травы. Убедившись, что травы достаточно и что мы вдвоем сможем донести ее до дома, мы заканчивали работу.

Траву аккуратно укладывали на тележку, обтесывали граблями по периметру и крепили под гнет. Убедившись, что ни одного клочка будущего сена не упадет во время тряски на ухабах, мы крепили свои орудия труда и трогались в путь. Я впрягался в оглобли тележки, а сестра была пристяжной и тянула тележку за веревку с правой стороны.

По проселочной дороге с рытвинами и ухабами мы доезжали до самой тяжёлой в плане переправы горы. Гора была в длину 50 м и располагалась под углом в 40 градусов, а перед ней был глубокий овраг – Велекужа, который мучил почти все село: его практически невозможно было обойти и объехать. С горы с трудом съезжали поодиночке, а в гору невероятно тяжелыми усилиями выводили по одной тележке, причем большим количеством народа, доезжая до ее подножия и ожидая там случайных попутчиков. Потом делали коллективный отдых, а после уже расходились к своим тележкам и, уставшие, тянули их до самого своего дома...

Они помнят.

Молодая гвардия

Тюленина Жанна

*Люди! Пока сердца стучатся – помните!
Какою ценой завоёвано счастье,
пожалуйста помните!*

Р. Рождественский

Жанна Васильевна Тюленина более полувека проработала во ВНИИЭФ, в КБ-2. Насколько близка Сарову история подпольщиков-молодогвардейцев из Краснодона? Связь есть: в нашем городе живет Жанна Тюленина, племянница Героя Советского Союза Сергея Тюленина – одного из героев-молодогвардейцев.

Начало войны

...Ей самой в начале войны еще не было и года от роду. И представления о дяде составлены из воспоминаний отца Василия Гавриловича – старшего брата героя-молодогвардейца.

– Отец вспоминал, как командир заставы приказал собрать всех женщин и детей, отправить их грузовиком к одной из железнодорожных станций и оттуда – поездом на восток. Это поручение и выполнял мой отец. Когда он вернулся, оказалось, что застава уже разгромлена...

Отец остался на фронте. А семья – жена с маленькой дочерью и теща – без денег, без запаса провизии и одежды добирались сначала до Волги, оттуда – в Казахстан. В Краснодон вернулись в 1943 году. Жанна осталась на попечении родственников, поскольку мать ушла на фронт и воевала вместе с мужем.

– Когда отец узнал о смерти младшего брата, он написал в газету письмо, которое опубликовали под заголовком «Отомщу за смерть Сергея...». «Пока в моей груди бьется сердце коммуниста, пока в моем организме течет кровь пограничника – я отдам всю свою энергию, как и Сергей, делу служения Родине, делу ускорения победы над ненавистным врагом. Капитан Тюленин». Эта газетная вырезка хранится у Жанны Васильевны как драгоценная память о родных: отце и дяде.

Зима 1945 г. Победа

Сама Жанна зимой 1945 года заболела дифтерией – в тех условиях это был практически смертный приговор: горло распухает, наступает удушье. В Краснодоне, измученном войной, ни лекарств, ни врачей, только госпиталь для пленных немцев, которых лечили советские медики. Бабушка чудом умолила главврача взять девочку в госпиталь, а сама весь морозный январь провела за окном, сидя на подоконнике, изводясь от страха, как бы пленные не убили ребенка. Что пережила бабушка, Жанна Васильевна поняла, когда сама стала матерью: как смотреть в глаза родителям, которые доверили тебе свое дитя, а ты – не уберегла!?

Случилось чудо. Из эвакуации в Средней Азии возвращаются специалисты Ленинградского НИИ по нервным болезням. Здание их института разбомбили.

Возвращаться некуда. Приказано развернуть больницу и начать прием там, где остановился персонал. Бабушка, узнав об этом, забрала Жанну, привязала к себе на спину веревками и принесла больную девочку к ленинградцам.

– Выздоровление было долгим, – вспоминает Жанна Васильевна. – Мне было всего четыре с половиной года, но помню, что ко мне прикрепили медсестру, делали уколы, массаж. Помню, как на улице на солнышке грели воду в ванне. Был уже май 1945 года. И, конечно, помню День Победы.

Меня привязали к венскому стулу – была парализована, не ходила и не говорила – и вынесли на улицу. А по радио объявляют: «Победа!» Все кричали от радости, обнимались. Стали выносить на улицу столы, стулья, еду – у кого что было, и праздновать Победу!

Тюленины

В Сарове Жанна Васильевна оказалась несколько лет спустя. Собственно, это был еще не Саров, а Объект. Ее отца перевели служить в закрытый город. Все Тюленины по этой линии работали и работают во ВНИИЭФ.

Мать Жанны Васильевны Мария Фроловна служила в воинской части, затем работала в секретном машбюро отделения 09. Имела военные и трудовые награды. Дочь Жанны Васильевны Ирина Царева работает в отделении 26, внук – в отделении 08, сестра Эльвира Васильевна Чобит – в отделении 17.

В библиотеке И.Царевой есть книга Александра Фадеева «Молодая гвардия» с дарственной надписью Валерии Борц: «Ире Тюлениной на добрую память от

боевой подруги Сергея Тюленина Вали Борц. Пусть жизнь и деятельность моих друзей, описанные в этом романе, будут для тебя примером, достойным подражания. 29 ноября 1982 г.»

...Когда журналист Надежда Почтарюк готовила этот материал, она спросила у своего юного соседа, помогавшего ей осваиваться с компьютером, знает ли мальчик, кто такие молодогвардейцы. Не знал... Роман А. Фадеева изъят из школьной программы. Нашим детям не нужны произведения о неистовой любви к Родине, подвигах во имя нее и самопожертвовании? Нужны.

*Подготовила Татьяна Креницкая
по материалам Надежды Почтарюк*

***

Молодая гвардия – подпольная антифашистская комсомольская советская молодёжная организация юношей и девушек, действовавшая в годы Великой Отечественной войны (с сентября 1942 г. по январь 1943 г.), в основном, в городе Краснодоне Ворошиловградской области Украинской ССР.

Организация была создана вскоре после начала оккупации города Краснодона войсками нацистской Германии, начавшейся 20 июля 1942 года. «Молодая гвардия» насчитывала около ста десяти участников — юношей и девушек. Самому младшему участнику подполья было четырнадцать лет. Участников организации называют молодогвардейцы.

В конце сентября 1942 года молодёжные подпольные группы объединились в единую организацию «Молодая гвардия», название которой было предложено Сергеем Тюлениным. Командиром организации был назначен Иван Туркенич. За весь период своей деятельности организация «Молодая гвардия» выпустила и распространила в городе Краснодоне более пяти тысяч антифашистских листовок с данными о реальном положении дел на фронте и призывами к населению подниматься на беспощадную борьбу с немецкими оккупантами.

Наряду с подпольщиками-коммунистами, члены организации участвовали в проведении диверсий в электромеханических мастерских города. В ночь на 7 ноября 1942 года, в канун 25-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, молодогвардейцы водрузили восемь красных флагов на самых высоких зданиях в городе Краснодоне и прилегающих к нему посёлках.

В ночь с 5 на 6 декабря 1942 г., в День Конституции СССР, молодогвардейцы устроили поджог здания немецкой биржи труда (народ окрестил её «чёрной биржей»), где хранились списки людей (с адресами и заполненными рабочими карточками), предназначенных к угону на принудительные работы в нацистскую Германию, тем самым около двух тысяч юношей и девушек из Краснодонского района были спасены от насильственного вывоза.

Молодогвардейцы готовились также устроить вооружённое восстание в Краснодоне, чтобы разбить немецкий гарнизон и присоединиться к наступающим частям Красной армии. Однако незадолго до планируемого восстания организация была раскрыта.

Это было в глубоком тылу

Файзуллин Сулейман

Файзуллин Сулейман Шакирович родился 3 октября 1936 года в д. Ижбуляк Фёдоровского р-на Башкирской АССР. В 1950 году окончил местную школу-семилетку, с 1945 года совмещал учёбу с работой в колхозе. Окончил в 1954 году школу ФЗО-22 в пос. Первомайский г. Стерлитамака, работал каменщиком 4 и 5-го разрядов в СМУ-5 треста «Стерлитамакстрой». С 1957 по 1960

год служил в рядах Советской Армии в г. Арзамас-75. После демобилизации, с сентября 1960 по январь 1961 года, обучался в Учебном центре МСМ СССР в г. Новосибирске. В 1961 году был принят на предприятие п/я 53 (впоследствии УКС, УС-909) г. Арзамас-75 Горьковской области. Работал в СУ-1 на должностях от электрика до электромонтёра-кабельщика 4-го разряда. Избирался освобождённым секретарём комитета ВЛКСМ строителей города. С 1964 по 2001 год работал на предприятии п/я 51 г. Арзамас-16 Горьковской области, ныне ФГУП «РФЯЦ-ВНИИЭФ» г. Саров Нижегородской, на должностях от электромонтёра 4-го разряда до инженера-испытателя.

В 1980 году заочно окончил с отличием Краснослободский техникум электрификации сельского хозяйства, Республика Мордовия. Квалификация: «Техник-электрик». Награждён медалями «За трудовую доблесть», «Ветеран труда». За высокие показатели, добросовестное отношение к работе и успешное выполнение заданий неоднократно: отмечался благодарностями, заносился на Доску почёта, поощрялся за подачу и внедрение рационализаторских предложений, удостоен знака «Победитель социалистического соревнования» (1979).

Родные края

Деревня Ижбуляк Фёдоровского района Башкирской АССР (ныне Республика Башкортостан), расположена в 10 километрах от границы с Оренбургской областью, от которой до её центра – ещё 170. Местность красивая: с трех сторон леса и горы, а еще мелколесье, постепенно переходящее в степь. Летом у нас стоит сильная жара и суховеи, зимой – морозы и бураны. В деревне более 500 дворов, насчитывающих в среднем по 5-7 детей. Здесь я родился 3 октября 1936 года, провёл детство и юность, учился в школе и работал в колхозе. У моих родителей – отца, Шакира Гималетдиновича, и матери, Минзифы Шамсутдиновны, было девять детей, из которых трое умерли в грудном возрасте. Здесь я встретил Великую Отечественную войну, а потом ещё пять лет после неё поднимал колхоз из разрухи.

Война началась

В 1942 году отца призвали в Красную Армию, он начинал воевать под Сталинградом. Последнее изве-

стие от него, письмо, адресованное брату, пришло из-под Курска с описанием обстоятельств гибели его старшего сына. Позже из военкомата пришло извещение, что отец пал смертью храбрых в 1943 году в боях под Смоленском. Других сведений о нём у нас, к сожалению, нет, осталась лишь надежда на поисковиков. Уходя на фронт, он был сильно обеспокоен, что оставлял на плечах жены шестерых детей – трех дочерей и трех сыновей. Младшая из сестёр была инвалидом по зрению, а мои братья часто болели.

Помимо отца, в нашей семье воевала еще и старшая сестра, Минкамал. В канун войны она сперва в составе бригады девушек из нашего района по вербовке работала на торфоразработках в Горьковской области. Но когда немцы принялись усиленно бомбить места добычи торфа, бригаду отправили домой. Вскоре Минкамал включили в группу девушек, прошедших под руководством военного инструктора специальную подготовку, в том числе и лыжную. Отправили куда-то с особым заданием. Из двадцати обратно вернулись лишь две, сестры среди них не было. Они навечно сохранили тайну операции и сведения о судьбах её участниц.

Жизнь вдали от линии фронта

С началом войны на деревню обрушились невзгоды, хотя боевые действия были далеко. Жители, большинство которых составляли многодетные семьи, практически сразу остались без основных кормильцев, мобилизованных в Красную Армию. Вся забота легла на плечи их матерей, жён и детей постарше. Колхоз был обязан по мобилизационным и оборонным планам

страны обеспечивать армию новобранцами и продовольствием. Особенно будоражили сознание и угнетали настроения людей почти непрерывная череда проводов на войну и не заставившие себя долго ждать похоронки.

Даже мне, малышу, было понятно: все впряглись в работу. Лозунг «Всё для фронта, всё для победы!» действовал повсеместно. Детям в 5-7 лет уже пришлось оставить привычные радости и игры. Мы стали более серьёзными и дисциплинированными. Основными приложениями наших сил была посильная помощь по дому, добросовестное исполнение поручений и старание как можно меньше отвлекать взрослых от работы в колхозе.

Вскоре после рождения Ягфара мама, оставив его на попечение незрячей сестры и бабушки, вышла на работу в свою полеводческую бригаду. Она часто брала меня с собой в поле, другие колхозницы тоже брали детей. Там и нам находились дела: при обработке полей в жару носили колхозницам прохладную воду из родника, помогали извлекать из их натруженных рук занозы. Было приятно осознавать свою полезность. Собственными глазами мы видели, насколько тяжёл труд наших мам, бабушек, старших братьев и сестёр. С тех пор сохранился в памяти ряд ярких картин. Под раскалённым солнцем на большом жёлтом поле пшеницы передвигаются белоснежные бугорки – платки на головах работниц, занятых ручной прополкой будущего урожая. За вереницей лобогреек движутся рядами работницы, ловко вяжущих из скошенных злаков снопы.

Так начиналось наше трудовое воспитание. Я прошёл полный курс и познал тяжесть всех видов сельскохозяйственных работ. Весной – вспашка земли и посевная. Летом – уход за всходами, сенокос, скирдование в стога

сена, его доставка бычьими повозками на колхозную ферму. Осенью – уборка урожаяев. Зимой добавлялись уход и кормление домашнего скота и живности.

Голодные годы

Можно считать, что трудиться я начал в 1943 году, когда меня на летний сезон передали в семью дяди и поручили присмотр за грудным ребёнком. Так я отрабатывал кров и еду. Часто к маме обращалась старенькая бабушка Маймуна с просьбами помочь прополоть или окучить картошку, принести хвороста. Любые походы в лес тогда были опасны. После ухода деревенских охотников на фронт в окрестных лесах развелось много диких зверей. Случалось, волки даже днём входили в деревню и утаскивали домашнюю живность. Для их отстрелов правлению колхоза приходилось приглашать бригады охотников.

Осенью 1943 года, не ставя никого в известность, я пришёл в школу поступать учиться. Меня спросили: «Почему так рано, ты ведь ещё маленький?» (тогда в 1-й класс принимали лишь с 8-9 лет).

И я объяснил, почему мне хотелось как можно быстрее научиться читать и писать. Во-первых, надо пи-

сать папе письма на фронт, а потом ехать к нему и помогать воевать. Во-вторых, у меня есть незрячая сестра, которая давно мечтает, чтобы я читал ей книги. И меня приняли. За годы учёбы я прочитал своей сестре при свечах много интересных книг о любви и дружбе, войне, а еще она очень любила слушать стихи.

Часто мы с ней, рука об руку, ходили в лес собирать семена лебеды и липового цвета. На обратном пути на пилораме набирали опилок. Потом весь сбор высушивался на печи и размалывался ручной мельницей. В размол добавляли немного муки и замешивали тесто, из которого мама пекла лепёшки, заменявшие нам хлеб.

Кроме хвороста и ягод жители собирали в лесу траву «балтырган», заменяющую при приготовлении пищи капусту. Это помогало избегать больших трудозатрат на её возделывание. Сбор даров леса был суровой необходимостью, даже с учётом урожаев с приусадебных огородов. Выдавать натурой на заработанные трудодни стали после войны. Всё это происходило на фоне большого количества продовольствия, производимого и отправляемого колхозом для нужд фронта. Дворы также были обязаны сдавать мясо, молоко и яйца.

Начинаю работать

Когда мне исполнилось 8 лет, нам вместе с мальчиком Зуфаром, которому было 12, поручили пасти отару деревенских овец и коз, определили зарплату – 10 рублей за четыре головы. Для защиты от волков выдали старенькое ружьё и несколько собак. Мы сильно уставали – каждый день с утра и до вечера на ногах. В непогоду особую опасность представляли хитрые волки. Но вся усталость проходила дома по вечером, когда мама обнимала, гла-

дила по голове и хвалила за помощь в содержании семьи.

Осенью нас, школьников, привлекали к сбору колосков, остающихся после уборки урожая. Для этого нам шили специальные сумки с верёвочной петлёй. Они подвешивались на шею и позволяли быстро подбирать и складывать колоски обеими руками. Бригадир распределял нас по участкам: младших – на ближние, старших – подальше. Обычно после уборки приезжал представитель райкома, проводил общее собрание и благодарил за труд. Было приятно слышать это и осознавать, что и мы приносим пользу стране и работаем на победу. Кроме того, нам дарили небольшие книги, тетради и чернильницы. Подарки добавляли радости, потому что в школе тетрадей не было вообще, их мы делали из газет. Писали самодельными чернилами из печной сажи, разведённой водой. Такие собрания играли важную роль в нашем трудовом воспитании.

Во время вывоза урожая в деревне появлялось много грузовиков. Мы всячески льнули к шоферам, снабжали их водой, смахивали пыль со стёкол кабин. Так зарабатывалось разрешение сесть в кабину и прокатиться до околицы.

В нашем идейном воспитании заметную роль играло ещё одно коллективное мероприятие. Каждое утро, перед началом занятий, мы шли в сельсовет, чтобы прослушать из единственного на всю деревню репродуктора гимн Советского Союза и сводки с фронтов, которые поначалу были неутешительными. Было понятно, что правду о тяжёлом положении в стране от нас не скрывают. Иногда мы по своему разумению обсуждали сводки всем классом, очень расстраивались при плохих известиях и решали, что надо лучше учиться и больше помогать взрослым. Может, поэтому в наших

рядах почти не было нытиков и плакс.

Школьники постоянно отправляли подарки на фронт. Мы ходили по домам и собирали тёплые вещи, вязанные из овечьей шерсти варежки, перчатки и носки. С помощью взрослых комплектовали посылки и отправляли на фронт. Иногда от бойцов приходили письма благодарности.

Довольно часто бригадиры приходили в школу и просили отпу-

стить с занятий 8-9-летних учеников для выполнения каких-либо срочных работ. Любые задания мы рассматривали как боевой приказ, подлежащий безоговорочному выполнению. Да и позже, в послевоенные времена, мы по привычке относились к выполнению нарядов ответственно. При этом действовал ещё один существенный стимул - надо было зарабатывать трудодни. Таким работникам правление всегда шло навстречу, выделялись подводы для доставки к дому сена или дров. В случаях отказов или саботажа вопросы по нарушителям ставились ребром, вплоть до исключения из колхоза.

Кроме работы в колхозе было необходимо выкраивать время для работы на своём подворье, обрабатывать огород и ухаживать за скотом, помогать сестре и маме с больным сердцем. Замещая старшего брата, которого перевели работать к механизаторам, мне пришлось в 10-летнем возрасте научиться косить сено. Нашу корову мы видели редко, ранней весной её часто забирали на вспашку. Кроме того, приходилось отвле-

каться на оказание помощи вдовам, старушкам и тем, кто на бытовые дела не имел сил и возможностей.

Точных дат не помню, но в 1944 году мне пришлось участвовать в важной политической кампании: надо было в короткий срок собрать подписи жителей под документом международного значения. Речь шла о воззвании правительства и народов СССР к мировой ответственности о содействии в скорейшем открытии США и Великобританией второго фронта. Работа осложнялась относительно невысоким уровнем грамотности и довольно узким политическим кругозором населения.

Задача была выполнена: наша учительница успешно справилась с разъяснительной миссией, а мы охватили всех, кто должен был поставить свои подписи.

Долгожданная Победа

Окончилась война, всеобщей радости не было предела. Стали возвращаться оставшиеся в живых односельчане, некоторые были покалечены войной. Днями я радовался Победе вместе со всеми, а по ночам плакал, уткнувшись в стенку, чтобы никто не слышал. Мы с незрячей сестрой не могли никак смириться с потерей папы, вместе горевали и плакали. Но жизнь шла своим чередом и всем, несмотря ни на что, надо было выживать и залечивать военные раны, поднимать своё личное и колхозное хозяйство...

Плавно Амур

свои волны несет...

Файков Юрий

Юрий Иванович Файков – главный конструктор РФЯЦ-ВНИИЭФ 1998-2010 гг., доктор технических наук, профессор, академик РАН, лауреат Ленинской и Правительства РФ премий, заслуженный деятель науки и техники РФ.

1943-й:

лето на больничной койке

Родился в Приморском крае в с. Новосысоевка Яковлевского района, в начале войны мне было два с половиной года. Отец – военный, офицер-командир. Много перемещался по Приморскому краю (мать и я – при нем): Новосысоевка, Спасск Дальний, Артем, Ворошиловск, Владивосток, Находка и обратно. Чаще всего (запомнилось) останавливались и жили в Спасске Дальнем.

В начале 1943 года отца перевели в Благовещенск-на-Амуре в Высшее пехотное училище преподавать, как он говорил, военное дело и физкультуру. В военное время – это тактика и техника ведения боя и соответствующая физическая подготовка. Обучение проводилось на полигоне у города Свободный (подальше от границы), где отец, в основном, и находился. Мать окон-

чила бухгалтерские курсы и работала счетоводом на хлебозаводе Благовещенска. Меня устроили в детский садик примерно в 4 км от места жительства. В садик и обратно ходил, как все, самостоятельно, без сопровождающих. И по городу – тоже.

Предоставленный самому себе, в один из жарких дней мая месяца я искупался в Амуре, простудился – получил двустороннее воспаление легких и долго, более трех месяцев, лежал в больнице. Запомнилось: свежие брызги, срывающиеся с холодных, прозрачных волн Амура и... все лето на больничной койке. После выписки мама какое-то время не отпускала меня от себя и забирала с собой на работу на хлебозавод. На территории хлебозавода я облазил все деревья – благо, это были дикие яблони и черемуха. Желание поесть вяленых яблочек и остатков черемухи очень стимулировало мои лазания. Но больше всего мне запомнился хлебозавод. Меня, как больного, провели через весь техпроцесс: закладка муки, тестомешалки, закладка теста в формы, подача форм в печь – до выдачи горячего хлеба. На поду печи оказались две маленькие горячие белые булочки, которые предназначались для меня. Появилась и тарелка с маслом. Я тут же обмакнул и мгновенно съел первую. Наслаждению не было предела. Все казалось нереальным. Но на второй – споткнулся, даже забыл обмакнуть в масло – стало как-то не по себе. Женщины-хлебопеки и моя мама молча, понимающе смотрели на меня...

Как-то зимой (мне уже исполнилось пять лет) приехал отец и отвез маму в роддом – за братиком. Дней через десять в доме появился братик. Брата назвали Борисом. Но он почему-то все время плакал. Поест-поспит и – плакать. Так продолжалось недели две – и маму с братиком положили в больницу. Мы остались с отцом

вдвоем. Готовили еду и отвозили ее маме. Отец учил меня чистить и жарить картошку, готовить тесто и жарить блины. Где-то доставал муку, сливочное масло и молоко. Как-то привез молока... целый мешок! Тогда в Благовещенске было холодно (регулярно мороз под 40 градусов), молоко замораживали в тарелках и отделенные от тарелок льдины молока продавали на рынке мешками. Отец учил делать зарядку и читать – привозил книги Барто, Маршака, Чуковского, Михалкова, Маяковского, Житкова. Все – что мы помним с самого детства.

К сожалению, братика Бори через три с половиной месяца не стало (скончался от заражения крови). Отец сам сделал гробик и вместе с мамой похоронили. Это было в конце марта – начале апреля. Меня к этим процедурам не допустили.

«Папка! Возьми меня на войну!»

А после парада войск Приамурского гарнизона, посвященного празднику 1 мая 1944 года, отца направили в действующую армию, на передовую, под Вильнюс – Кенигсберг...

Провожали (кажется, 9 мая) на железнодорожном вокзале Благовещенска. После объятий, поцелуев и слез отец отделился от оцепления и твердой походкой по свободному перрону напра-

вился к своему вагону. И тут я выскочил из толпы провожающих и бросился к отцу с криком: «Папка! Возьми меня на войну!» Отец остановился, повернулся, поднял меня на руки, поцеловал, опять поставил на ноги и тихо сказал: «Беги к матери». И пошел. А я стоял и плакал от обиды, что папка не взял меня на войну.

Отца и раньше подолгу не было, но раз в месяц (в крайнем случае, два) он появлялся с подарками-гостинцами. Каждый его приезд был как праздник – и мы чувствовали, что он рядом. А теперь мы постоянно ждали его писем. И он писал, особенно из тех мест, где подолгу задерживался: Чита, Улан-Удэ, Листвянка, Иркутск, Черемхово, Красноярск, Омск, Свердловск, Киров, Москва. Описывал, как живут и где, что и почему продают. Последнее «дорожное» письмо (конец сентября) из Москвы, где он встретился со своим братом, недавно вернувшимся из Приморья. Писал, что брат Алексей обещал при следующей встрече поставить ведро водки.

Но уже следующие три письма – с начала октября и до середины ноября – пришли с передовой (где-то за Каунасом).

И вдруг, примерно через три месяца, приходит письмо из деревни Тимково, родины отца. Пишет его младшая сестра Клавдия о том, что на имя матери – бабушки Александры – пришла похоронка: «Ваш сын, старший лейтенант Файков Иван Серге-

евич пал смертью храбрых»... Мы с мамой читали это письмо у открытой печки (электричество не давали), а рядом на соседней улице горел двухэтажный дом, но нам было не до него.

Несколько позже, когда мама немного отошла от горя, она сказала: «Похоронку должны были прислать мне, а не матери. Он же уходил на фронт отсюда – и со службы, и из дома. А почему письмо? Я не верю! Папка жив! Будем его ждать».

В апреле вскопали огород (впервые за всю жизнь в Благовещенске) и посадили всякой всячины, в основном, картошку. Мама купила восемь цыплят и маленького поросенка – все жили с нами в квартире. Цыплята подросли, и их поместили в сарай, где всех задушил хорек. Поросенок был очень красивым, но визгливым и вонючим – пришлось продать знакомым. Но психологическое воздействие животных на нас было, безусловно, положительным.

Еще одна победа

И вот наступило 9 мая 1945 года. Утром в садике нам объявили: Победа! Дали по конфетке и отпустили гулять по городу. Куда? На площадь! В Благовещенске я знал две площади: около железнодорожного вокзала, откуда провожали отца на фронт, и около речного вокзала, где слева располагался «мамкин» хлебозавод, а справа – мореходное училище. На площади было полно курсантов – они пели, плясали, кричали. Они закружили меня, и в результате с моей бескозырки исчезли ленты с якорями и надписью «Тихоокеанский флот». Мне было до слез обидно, и в таком виде я пришел на хлебозавод. Там, под голубым, солнечным не-

босводом был накрыт стол. Женщины пили вино, смеялись и плакали...

Наутро 10 мая мама сказала: «Победа победой, а режим военного времени никто не отменял». Она пошла на работу, а я в садик. Время было напряженное – на другом берегу Амура стояла японская Квантунская армия. Примерно в начале августа маму предупредили, что придется несколько суток пожить на работе. Предложили забрать с собой детей и все необходимое. Так и сделали.

И вдруг ночью раздался страшный гром, который продолжался около двух часов или больше. Мы побежали в подготовленную землянку. По небу летели огненные шары. Оказалось – это стреляли наши «Катюши» из Благовещенска на тот берег, по японцам. К утру арт-подготовка закончилась. Чуть отойдя от шока и страха, я залез на забор хлебозавода – посмотреть, что делается на противоположном, низком берегу Амура. А там видны и слышны были взрывы, стрекот пулеметов, отдельные выстрелы и кое-где были видны возгорания. К противоположному берегу мчались катера с пехотинцами... В общем, видел бой. Такая картина наблюдалась два дня, после чего выстрелы стихли или удалились вглубь японской территории.

Через день появились раненые. Очень много. Они быстро заполнили все больницы и все заранее подготовленные под госпиталь помещения. Мама, как и все работники хлебозавода, все свободное «от хлеба» время отдавала дежурству в госпитале и уходу за ранеными. Сначала все приходили на работу зареванные, потом привыкли (а ведь война, как объявили, кончилась!).

А потом, еще через три-четыре дня, появились пленные. Тоже пришли с той стороны, через дебаркадер речного вокзала их тут же куда-то отправляли (по-види-

тому, на железнодорожный вокзал). Но их было так много, что последние задержались и заняли всю площадь между мореходкой, речным вокзалом и хлебозаводом, дней примерно на десять! Несколько тысяч человек в августе на городской площади в течение десяти дней, под охраной – надо было решить проблему питания, снабжения водой и эвакуации продуктов их жизнедеятельности...

Я ходил к маме на хлебозавод через этот «контингент» – охранники меня знали и пропускали. Японцы оказались аккуратистами: освободили место для дорожки от пункта охраны до проходной хлебозавода и постоянно ее чистили, продукты своей жизнедеятельности аккуратно складывали горкой и присыпали песком. Ко мне относились по-доброму, с улыбкой. Даже дарили кое-какие вещи – тетрадь, ручку с вечным пером, поясок.

Мать категорически запрещала мне брать подарки от пленных японцев – «они ж нелюди, фашисты». Я с ней, конечно, соглашался, но никак не мог понять – ведь дарили они мне от души...

И вот наступило 2 сентября 1945 года. Объявили о капитуляции Японии и окончании войны! Что творилось! Повсюду началась стрельба из всех видов оружия. На улицах было полно народу: военных, гражданских, женщин и детей. Все обнимались, целовались, плясали, пели, и кто мог – продолжал стрелять! На афише кино «Антон Иванович сердится» слово «сердится» зачеркнули и написали «смеется!»... Все это началось около 9 утра и продолжалось до глубокой ночи и даже позже.

Домой

Мы жили на окраине Благовещенска, для семей военнослужащих построили три трехэтажных 18-квартир-

ных дома. К 45-му году из 50 осталось только три семьи, которые объединились и стали жить на одной лестничной площадке на втором этаже крайнего дома (остальные дома и квартиры пустовали). Вечером, естественно, собрались все вместе, стол накрыли в нашей квартире. У соседей прибыли отцы с ординарцами. Они были в действующей армии – воевали с японцами, получили увольнение на два дня. Стол был отменный: командирский паек, свежие овощи с огорода... и сухой спирт (таблетки разводили в стакане с водой). Патефон. В общем, праздник удался. Все пошли прогуляться, а мама, ссылаясь на необходимость убраться, осталась... Через какое-то время из соседней комнаты услышал, что-то упало. Выскочил. Мама лежит на полу и, мне показалось, не дышит. Я испугался. Ползал около нее и причитал: «Мамочка, миленькая, не умирай!» Вернулись гости. Дали нашатыря – пришла в себя. Уложили в кровать. Второе сентября запомнилось. Через день привезли врача и медсестру. Прележала дней десять-двенадцать, и как только встала на ноги, начала подготовку к отъезду на свою и отца родину. А сначала – в Москву.

Состав с эвакуированными формировался на станции Куйбышевка Восточная, что на Транссибирской магистрали (примерно 100 км от Благовещенска). Дата отправления – 1 октября 1945 года.

Наш плацкартный вагон наполнялся в основном женщинами и детьми. Были и мужчины – все раненые или старики. Тесно. Живых душ было значительно больше, чем мест. А еще чемоданы и узлы. Тем не менее потихоньку разобрались. Было уже холодно, и окна в купе с левой стороны по ходу поезда были забиты досками.

Ехали 17 суток. Запомнилось: длинные тоннели, скалистые горы, покрытые снегом, нависшие скалы,

Байкал, бесконечная тайга, широкие реки – Енисей, Обь, Иртыш, Волга, а также походы за кипятком и на привокзальные рынки. В Листвянке (вблизи Байкала) в вагон вошли двое демобилизованных солдат. Они были абсолютно пьяны и потребовали освободить место для отдыха. Рядом с нами расположился майор интендантской службы, в форме, маленького роста и в очках (ехал из Биробиджана с женой и двумя детьми), который пристыдил их: «Как вам не стыдно, что вы себе позволяете?!» В ответ солдат вынул нож и замахнулся на майора: «Ах ты, еврейская рожа!» женщины и дети закричали. Я испугался и прижался к матери. Но тут из соседнего купе пробился раненый с подвязанной рукой в гимнастерке без знаков различия и крикнул: «Отставить!» а потом: «Я видел, как немцы и японцы убивают детей или родителей на глазах детей, а русских не видел – и не увижу. Вам нужно отдохнуть. Идите в тамбур, а мы вам подготовим места на третьих полках». И посмотрел на меня.

Дело в том, что одну из этих третьих полок занимал я. Оттуда я давал «концерты», громко распевая популярные и военные и довоенные песни: «Где ж вы, очи карие?», «Броня крепка», «Три танкиста», «Штурмовые ночи Спасска», «С неразлучным своим автоматом», «Летят перелетные птицы», «Я помню тот бой под Одессой родной», «Катюша» (с другими словами), «Маленький дом с мезонином» и др. Пел вроде неплохо. Меня слушали, даже хлопали. Просили что-нибудь еще или повторить. А инцидент с ножом был исчерпан. Ребята выполнили распоряжение раненого командира. Забрались на третью полку (один даже упал с нее, но все обошлось, никто не пострадал). Проспались. И сошли на ближайшей станции – стоянке (кажется, Иркутск).

Из Москвы в деревню

После возвращения в Москву (в конце октября 1946 года) мама, естественно, обратилась в Комитет по трудоустройству граждан, возвратившихся из эвакуации. Когда спросили о ее пожеланиях, она ответила: «Я – жена командира Красной Армии и буду работать там, куда пошлет партия». Направили ее в группу ревизоров по проверке работы буфетов, ресторанов и столовых, обслуживающих железнодорожную сеть Донбасса, от Харькова (Папасная, Дебальцево, Сватово) и Ворошиловграда (Лисичанск, Рубежное, Кременная) до Сталино (Горловка, Макеевка) и далее – до Мелитополя.

Учитывая столь хлопотное назначение, да еще в разрушенных войной районах, по совету своего отца, деда Егора, мама отвезла меня на свою родину – в деревню Гавердово Рязанской области, к матери, бабушке Василисе. Время голодное, тяжелое – дома, в родной деревне проще выжить, чем там, на Украине.

В деревне с бабушкой жили ее дочери, мамины сестры (тети Оля и Настя) и мальчик Виктор Суриков, на год старше меня. Это был младший брат Ивана Сурикова, жениха тети Оли, который вот-вот должен был вернуться с войны. Как раньше считали – четыре рта, а с моим приездом добавлялся еще один. Более того, именно накануне нашего приезда их ограбили, а главное – утащили бочку с солониной, заготовленной на зиму. Зима явно ожидалась голодной.

В школу

Меня записали в первый класс деревенской начальной (4 класса) школы. Витька был во втором. Школа

располагалась на задворках в большой деревянной избе с одним помещением для учебы. В нем в первую смену учились первый и третий классы, во вторую – второй и четвертый. Учительница была одна – Татьяна Ивановна. На всю школу, на всю деревню и... на все времена – у нее училась вся деревенская детвора примерно с 1916 года до начала 60-х годов. Пользовалась исключительным уважением и непререкаемым авторитетом.

Зимой в классе было холодно: одна печь-голландка не справлялась, да и дров не хватало. Сидели за партами в пальто. Чернила замерзали, потому и «чистописание» получалось корявым. Татьяна Ивановна предлагала «корявое» переписать дома.

Дома было тепло, но стол освобождался, когда было темно. Уроки делали при лучине, иногда использовали керосиновую лампу, но свечи – никогда. Керосин экономили, а воск был нужен для пчел. Но на Рождество 1946 года дядя Саша привез две аккумуляторные батареи и абажур – светильник из алюминия с тремя лампочками от карманного фонаря, и мы повесили его над столом. Светло! Без копоти и длительное (по сравнению с лучиной) время. Светло, тепло и стол свободен – радуйся, пиши, читай, сколько хочешь. Дядя Саша тут же предложил писать диктанты, и мы с Витькой с удовольствием согласились.

Голод

Жили голодно, хотя самое необходимое – картошка, капуста и немного ржаной муки – в деревне, конечно, было. Но есть хотелось постоянно. Мясо, заготовленное на зиму, как упоминалось, украли. Продукция личного хозяйства примерно на 95% уходила на

уплату военного налога. И в колхозе на трудодни давали негусто. Так что основу жизни крестьянина в деревне составляло личное хозяйство: 40 соток земли, на которых умещались посевы ржи, посадки картофеля, капусты, а также сад на 40 яблонь. Огород со всякой всячиной и два улья пчел; на дворе – корова, поросенок, четыре овцы и коза, куры и утки.

Вся живность, сад и огород облагались настолько жестким налогом, что щи – постные, а с мясом два раза в неделю; яйца и яичница только по праздникам; сад в значительной мере пришлось вырубить. Но выручала корова.

Количество сдаваемого молока определялось исходя из жирности 3,8%. А наша корова Зинка давала молоко жирностью до 4,2%, так что молока можно было сдавать меньше, и эта экономия шла и самим, и в обмен на мясо и яйца, так что Зинка была членом семьи, кормилицей.

Когда собирались за большим столом трапезничать, глава семьи – тогда бабушка Василиса или тетя Настя – обязательно крестились на икону в красном углу. В 1952 году рядом с иконой поставили портрет Маленкова. Он отменил налоги...

Весна

Мы очень ждали весны. И вдруг как-то ночью: «Бабах!» Мощный гром или взрыв, потом гул... Вскрылась Ока, начался ледоход! Утром мы с Витькой побежали к реке и сразу прыгнули на отрывающуюся льдину. Потом перепрыгнули на другую. Забавно. А потом стали соображать – как вернуться на берег? Но перед нами неожиданно появляется лодка и двое взрослых предлагают в нее прыг-

нуть. Мы по очереди прыгаем, лодка качается, и я чуть не падаю в воду (и вдруг понимаю, что не умею плавать)...

Весна пришла! На Оке могучее половодье. Появилась рыба: ее ловили нерезками или руками в оставшихся от половодья озерах и лужах. Сошел снег – на буграх зазеленела первая трава. Стали выгонять на эти лужки коров и овец. Появились почки на ветвях, ростки щавеля – все это было очень съедобным. А затем – грачиные гнезда, где можно было поживиться грачными яйцами.

Татьяна Ивановна рассказывала о растительном мире родного края, о том, что у нас растут береза, липа, дуб, клен, вяз и т.д. Но ничего этого в деревне, окрестных оврагах и балках, а также за рекой – не было, во всяком случае, размером выше нашего роста! Оказывается, все вырубил во время войны, особенно зимой 1941-42 годов. И тогда же вырубил яблони – на дрова. Остались только ветлы – у каждого дома по 4-5 деревьев. Поэтому мы с Витькой решили маленькие деревья березы, дуба, липы и клена из соседнего оврага Росохи пересадить на границу нашего сада. Эту акцию мы совершили между 1 и 9 мая 1946 года. В 2002 году я видел эти деревья: они стали большими.

В мае я закончил первый класс, а в июне была Троица. В этот день дом украшают березовыми ветками. И только мы с Витькой знали, где их можно достать. Нарезали, принесли и под руководством женщин все сделали, как положено.

Покос

Наконец объявили – начинается покос. Угодья Гавердовского колхоза – огромные, прекрасные заливные

луга приокской поймы. Сено получается высшего качества. Говорили, что оно идет в конницу Буденного, и мы этим гордились. Через день все женщины были мобилизованы за реку на заготовку сена (сушка, теребление, формирование копен).

Примерно в 8 утра приходит к нам бригадир (женщина), ведет с собой быка – и прямо ко мне: «Ты мужик, ты должен работать. Тебе наряд: перевезти быка на тот берег и будешь возить копны. Где – бабы тебе подскажут». Показала, как надевать и закреплять уздечку, чтоб не соскочила, и ушла. Ну, я за поводья повел быка, спускаясь по оврагу. И вдруг на ровной полянке в тени встал мой бык. Остановился, прилег набок и начал засыпать. Я дергаю за поводья – он ноль внимания. Я сел рядом с ним и заплакал. Сижу, плачу, а тут идут «бабы» (лет по 14-18), нарядно одетые (как на покос), с вилами и граблями, и смеются надо мной. Растолкали быка и поддали ему граблями так, что бык пошел и даже спокойно зашел на паром. На том берегу «бабы» усадили меня на быка верхом, показали, как закрепить ляжку с ужищами на шее быка и объяснили, что от меня требуется. И все – стал работать. Спасибо «бабам» и быку.

Только закончили покос, как вернулся с войны дядя Ваня – Иван Иванович Суриков. Прошел всю войну – с августа 1941-го по май 1945 года. Закончил встречей с американцами на Эльбе. Трижды ранен, награжден. Живой вернулся к невесте. Невеста, тетя Оля, его дождалась. Ему 24 года, ей 22. Оба счастливы. Через неделю после возвращения сыграли свадьбу, куда приехал однополчанин Ивана на «Эмке», с водителем. Пока свадьба «пела и плясала», водитель катал детвору по деревне на «Эмке»! Набивались в машину битком. Я оказался на самом дне, но я ехал по деревне на «Эмке»!

Снова голод

В конце августа – начале сентября 1946 года приехала мама и забрала меня в город Рубежное Ворошиловградской (ныне Луганской) области. Поселились недалеко от вокзала на улице, расположенной на высоком берегу озера – старицы Северского Донца, в доме Шепенько. Огороды у каждого дома спускались по склону к воде, где забора, естественно, не было. Ватага ребят тут же приняла меня в свою компанию. Спросили, кто я, откуда, и заключили: «значит, цацап». Предложили искупаться в озере с лодки. Согласился. На середине озера все попрыгали в воду, а я сижу, молчу. «Ах, ты плавать не умеешь!» – столкнули и давай топить. Удалось как-то вырваться и ухватиться за лодку с криком «мама!» Едва доплыли до берега, я тут же убежал домой под общий смех. Пришлось срочно учиться плавать. Рано утром и поздно вечером, чтоб никто не видел, заходил в воду по шейку и бултыхался в глубину, а потом быстро – обратно. За оставшееся теплое время сентября я уже научился весьма сносно держаться на воде. И больше меня не топили.

Определили меня в русскую школу, что находилась на окраине города, вблизи песчаных дюн. Путь в школу – около 5 км – пролегал через два рынка: привокзальный и городской. Мама большую часть времени в командировках (оставляла мне свои карточки и немного денег), и я опять был предоставлен самому себе. Основное занятие – поиск и добыча еды. Триста грамм хлеба, которые получал по карточкам, исчезали мгновенно, и их, конечно, не хватало. Делали набеги на огороды со стороны озера, где не было заборов. Воровали фрукты-овощи, разложенные на прилавках рынка. Ловили рыбу

простынями из марли. Ведро рыбной молоди я относил повару в привокзальном буфете, который жарил ее в первозданном виде и возвращал мне в газетном кульке (повар знал, что моя мама ревизор). А еще ели почки и цветы, самые сладкие – это цветы белой акации, которой в Рубежном было много.

Как-то весной 1947 года увидели, что на нашем «подопечном» огороде женщина посадила рассаду капусты. Дождавшись, когда она ушла, мы – голодные – набросились на рассаду и мгновенно съели ее. Почуввав неладное, женщина бросилась за нами и, выбрав меня, догнала уже у дома. Два раза ударила меня палкой и села обессиленная, как и я, на крыльце рядом со мной и... горько заплакала.

Чтобы расширить зону набегов на огороды, мы решили перебраться по протоке в соседнее озеро. Пробираясь по протоке, мы вдруг увидели чистые человеческие скелеты и у них на черепах пробитые каски со звездами... Нам стало жутко, и мы ретировались из протоки. Умные парни из нашей ватаги советовали курить, чтобы сбить чувство голода. Я так и сделал – обменял свои 300 грамм хлеба на пачку «Беломора». И с тех пор, с 1947 года, начал курить.

Но весной 1948 года, в русской школе г. Рубежное, что на Донбассе, меня, как и многих других сверстников, приняли в пионеры. Избрали звеньевым. Первое пионерское поручение звену – дополнительные чтения на украинском языке...

Дети разбитых эшелонов

Царапкина Татьяна

Татьяна Владимировна Царапкина... Говорят, что ее знают очень многие жители города – долгие годы работала в ЗАГСе, переженила полгорода, остальной половине выписывала свидетельства о рождении. Одна из трех ветеранов ЗАГС Нижегородской области получила благодарственную открытку Президента России В.В. Путина.

Детство войны

Я родилась в Мордовии 31 марта 1928 года. Когда отец закончил педучилище в 1936 году, его направили работать на Урал. Приехали мы в Челябинскую область, в Нагайбакский район, село Фершампенуаз. Название татарское, местные жители – выходцы из татар, но крещеные. Вера и иконы – православные, а молились по-татарски. Гостеприимный, дружелюбный народ.

Перед войной много народу переезжало на Урал осваивать новые земли, и когда мы приехали, село Фершампенуаз уже было многонациональным: жили русские, украинцы, белорусы, чуваша, мордва. Люди уживались хорошо, осваивались быстро, подружились

и взрослые, и дети. Преподавание в школе шло на русском и нагайбакском языках. Мероприятия были общими – все мы были пионерами, отдыхали в лагерях, ходили в походы, но беда – многие совсем не знали русского языка! Однако понимали друг друга, ходили друг к другу в гости. До сих пор вспоминаю всех своих подружек разных национальностей. Прекрасное было время.

И вдруг – война!

Люди сразу и понять ничего не могли: радио не у всех в домах было, газеты приходили с опозданием. Но горькое известие распространилось быстро. В магазинах, на улицах криком кричали: война, война! Мне было 13 лет. Кончилось мирное время, отцы и братья стали уходить на фронт. Самое тяжелое воспоминание для меня – проводы отца. Подъехала машина к дому, мы вышли и все заплакали. Нас было трое детей – отец не знал, как поступить, и взял сестренку на руки, а мы с братом зацепились за карманы пиджака и не только плакали – орали что было сил. Отец не выдержал и тоже заплакал. В письмах потом я писала ему: «Папа, не плачь за нас, мы хорошо учимся, а ты бей немцев и скорее приезжай домой». И он приехал в 1943 году, раненный под Сталинградом.

Трудовые будни

Конечно, мы были далеко, у нас не было бомбежек, не стреляли, но мы видели страдания людей, которых эшелонами привозили в наш район, – эвакуированных, которых дорогой бомбили в поездах, родители теряли детей, когда те выбегали из вагонов и прятались. Привозили эвакуированных – и сразу в баню, больных, оборванных, а

мы, пионеры, собирали по домам одежду, чтобы их приодеть. Заселяли их в семьи по пять-семь человек. Мы их кормили, делились последним. К нам заселили беременную женщину – Наташу Копилюш. Дорогой она потеряла трехлетнего сына, а через полгода получила похоронку на мужа. Она родила преждевременно – этого ребенка мы выносили, было чем кормить: дедушка

с бабушкой нам привозили молоко.

В 1944 году мы вернулись в Мордовию. Я уже училась в восьмом классе, в школу ходили за пять километров. После школы собирались в одном доме – экономили керосин. Бабушки пряли шерсть, мы вязали теплые носки и перчатки с двумя пальцами (чтобы удобно было из винтовки стрелять), вкладывали в перчатки записки, чтобы бойцы возвращались с победой. Работали в колхозе на прополке, жали рожь, просо, сажали картофель. Кончила 10 классов – меня члены правления определили работать дояркой. Ни за какие колхозные работы тогда не платили – «палочки» ставили – трудодни; взрослым обязательно нужно было выработать 300 трудодней в год. Весь колхозный урожай сдавали государству, и с личных подворий нужно было сдавать мясо, молоко, яйца, масло.

В 17 лет вышла замуж, дождалась мужа из армии, а когда он вернулся, подал анкету в Саров. В городе живем с 1950 года.

Девочка Таня в эвакуациях

Шелестова Таня

Воспоминания Татьяны Григорьевны Шелестовой
Тогда мне было 8 лет. 1941 год, 22 июня, воскресенье... По радио В.Молотов объявляет о начале войны. Гитлер вероломно напал на нашу страну, фашистские самолеты бомбят наши города. Мы с папой и мамой жили в подмосковном Калининграде, теперь это г. Королев. Я училась там же, в 1 классе. Школу, к сожалению, не помню, как не запомнились и ученики, а вот имя первой учительницы не забыла – Клара Александровна.

В эвакуации

Мои родители работали в КБ самолетостроения, п/я №8. 25 сентября они пришли с работы необычайно рано. На руках приказ: в трехдневный срок явиться с документами и вещами, весом не более 14 кг на чело-

века. Отцу выдали бронь, всех нас погрузили в вагоны и повезли в г. Молотов (ныне – Пермь). Везли целый месяц, часто мы попадали под бомбежки, приходилось выскакивать из вагонов и прятаться кто где. Однажды одна из бомб попала в предпоследний вагон идущего поезда, и состав мчался с горящим вагоном, это было очень страшно.

Приехав, мы разделились: родители отправились на завод, а мы, дети, остались в каком-то зале сторожить вещи. Сидели долго, а потом всех нас разместили в каких-то бараках в поселке им. Леваневского. Жили по две, а то и по три семьи в каждом. Учиться ходили пешком в Пермь, школа была недалеко от завода им. Сталина.

В учебе, особенно, в чистописании, я к тому времени сильно отстала. Пришлось нагонять. Не хватало тетрадей, чернил, ручек. И еще мы очень голодали, мама поменяла последние вещи на картошку. Отец однажды раздобыл где-то немного кускового сахара, вот была радость!

Местные подростки нас, приезжих, частенько дразнили. Их тоже можно было понять: приезжих прибывало все больше и больше, и продуктов не хватало ни им, ни нам.

В 1942 году я заболела желтухой. Лечиться меня отправили в санаторий «Сосновый Бор» за р.Камой. Учиться я ходила в местную школу. Помню, учащимся там давали тарелку супа. Добираться в школу бывало боязно: рядом находились две тюрьмы. Однажды, весной 1943 года, нас, трех девочек, остановила местная воровка и сорвала с одной из нас косынку. Подружка заплакала, а воровка грозно так сказала: «Иди отсюда, пока я тебя не убила».

Частенько мне снилось, как мы возвращаемся к себе на родину: лето, цветут золотые шары, и меня встречает и обнимает бабушка. А в 1943 году мы, и правда, вернулись, причем так, как мне виделось во сне!

Дома, школа

Поселились мы в подмосковной Ивантеевке у бабушки. Школа была напротив нашего дома. Мне здесь очень нравилось, и третий класс я закончила успешно.

Но в 1944 году нам пришлось вновь переезжать. Мы перебрались на родину бабушки в деревню Васильевскую. В школу – уже четвертую по счету – я ходила в пос. Загорянский. Перемену я пережила очень тяжело: шутка ли столько раз менять одноклассников и учителей!

Однажды мы пришли в гости к бабушкиной сестре Анне Ефимовне Ломакиной и ее мужу Николаю Михайловичу Ветрову. Посидев, хозяева предложили нам сходить к соседям: те, якобы, собираются уезжать на Украину и можно снять у них квартиру. Мы сходили. Все так и оказалось, родители незамедлительно попросили их сдать нам квартиру. Те согласились с условием, чтобы мы заплатим за два года вперед.

Школа, танцы, цирк

Так, в который уже раз, мы переехали на новое местожительство. Родителям отсюда добираться в Москву на работу было значительно удобнее. А мне пришлось ходить в новую школу.

Моя новая учительница Анна Александровна как-то выделяла меня среди других детей, я училась хорошо

и успешно перешла в пятый класс. И вот тут начались «чудеса»: я наделала много ошибок в диктантах (писала, как слышала) и учительница по русскому языку Муза Петровна не допустила меня до весенних экзаменов. Осенью я опять получила двойку и осталась на второй год. Пришлось делать выводы: не пропускай уроки, будь внимательной и учи правила. На следующий год учительница была уже другая, но такая же строгая, она оставляла нас после уроков, заставляла учить правила. Постепенно все пришло в норму.

В 6 классе я стала ходить в хореографический кружок. Танцами с нами занималась одна из балерин Большого театра. Она посоветовала мне поступать в интернат с хореографическим уклоном. Я поговорила с родителями, но отец оказался против, и моя мечта не осуществилась. Но кружок я не бросила, танцевала в школе «Тарантеллу», а в Ивантеевке, на сцене местного клуба – «Вальс Шопена» и гопак из оперетты «Свадьба в Малиновке». Любовь к танцам я сохранила на всю жизнь.

В жизни моей было много чудесных моментов.

Помню, как в первый раз попала в цирк. Однажды ехала в Москву отovarивать карточки на хлеб, а рядом в цирк ехали ребята из 5А класса. Зовут с собой, я согласилась, а денег нет. Думаю, где бы их найти. И тут чудо: на полу возле цирковой кассы лежат деньги – больше 30 рублей, и – никого. Я подняла, спросила для приличия, чьи они. Кассир услышала и сказала: «Давай их сюда, а то потерявший придет и спросит с меня». Я отдала. А кассирша спросила: «В цирк хочешь?» Я кивнула. Она протянула мне билет и еще дала денег на мороженое! Ну не чудо ли?

Победа, карточки

Долго мы ждали Победу. И вот наступило 9 мая. Ура! Мне тогда было 12 лет. Праздник мы встречали на Красной площади. Все смеялись, плакали от радости, обнимались! Всюду танцы, праздник! Запомнилось это на всю жизнь.

А в 1947 году отменили карточки на многие продукты. Жизнь потихоньку стала налаживаться. Но было непросто, и пожилым, и нам, молодым. В 16 лет я получила паспорт и пошла работать на Ивантеевскую трикотажную фабрику им. Дзержинского. 14 км – туда, 14 – обратно, вот и посудите, дорогие читатели, легко ли было восстанавливать наше народное хозяйство...

После приезда в наш город Татьяна Григорьевна сначала проработала 20 лет старшим товароведом базы ОРС, затем – старшим экономистом Управления ОРС. Общий трудовой стаж 45 лет.

Все было будто бы вчера...

Шлаитова Юлия

Шлаитова Юлия Павловна, 1931 г.р., ветеран труда – «Несмотря на все трудности военного времени, наш народ не озлобился, соболезновали, когда было горе, помогали друг другу»

Великая Отечественная война уходит все дальше от нас. Но для ее участников и «детей войны» она по-прежнему жива. Своими воспоминаниями делится саровчанка, Юлия Павловна Шлаитова

(Сидорова). Мне было десять лет, когда по радио прозвучал тревожный, незабываемый голос Левитана: война!

Наша семья жила в Шатках. Отец Павел Михайлович Сидоров работал инструктором райкома партии. За три недели до начала войны его призвали на военную переподготовку. Больше его мы не видели – он погиб в 1942 году в Орловской области. Мама осталась одна с пятью детьми.

Наше беззаботное детство закончилось в одночасье. Нам, ученикам четвертого класса, пришлось работать наравне со взрослыми. Часто пилили возле школы бревно, а потом сторож-истопница колола чурбаки и ночью топила дровами печку-подтопку. Но бывали дни, когда

бревна не привозили, и в классе было так холодно, что замерзали чернила. В годы войны тетрадей не было, писали на старых книгах, а чернила делали сами из сажи. Учебников было по три-четыре на класс. После четвертого многие мальчики пошли работать в колхоз, ведь других помощников в семьях не было – все мужчины ушли на фронт.

Каждое лето мы с мамой рубили в лесу дрова для школы. Запасали их и для себя. Ребяшня собиралась и шла гурьбой в лес собирать сучки, шишки, сосновые иголки... Помогали мы и колхозу: пололи картошку на колхозном огороде, подбирали во время жатвы колоски, собирали горох. А когда в школе начинались занятия, под руководством учителя ходили с концертами в госпиталь. Иногда просто помогали санитаркам, писали письма для тяжелораненых бойцов.

Зимой военкомат и сельсовет раздавали по домам шерсть. Мамы и бабушки обрабатывали ее, а мы, девчонки, вязали из шерсти варежки и носки для фронта. Шили и кисеты с вышивками. Нитки приносили мальчишки: они вытаскивали их из клочков обтирочного материала, который прилагался к танками, орудиям и другой военной технике – ее везли через Шатки по железной дороге на фронт. Писали и душевные письма бойцам на передовую.

Горе и радости

На всю жизнь мне запомнился день, когда принесли похоронку на отца. Мама взяла в руки листок-из-

вещение и замерла: ни слова, ни слезинки... Глаза – в бумажку. Я, братишки и сестренка облепили маму, стали тормошить. Она села, обхватила голову руками и громко заплакала. Мы – вместе с ней. А наутро мама рано истопила печку и пошла как всегда на работу в колхоз. Через два месяца после папы умерла младшая сестренка... В войну питание было скудное. Хлеб, керосин, соль выдавали по карточкам. Домашний хлеб пекли из картошки, еще были грибы, разные травы. Долгими зимними вечерами вместо лампы жгли лучину.

Через Шатки ехали, шли беженцы, часто просили милостыню, просились переночевать. Мама всегда пускала на ночлег, сажала с нами ужинать. Помню, поздней осенью 1941 года из Ленинграда приехала семья: мама и двое детей. Мать умерла в день приезда, а дети были такими слабыми, что целый год не могли учиться в школе... Несмотря на все трудности военного времени, наш народ не озлобился, соболезновали, когда было горе, помогали друг другу.

Моего старшего брата Александра призвали в 1942 году, второго, Василия – в 1943-м. Самая большая радость была, когда с фронта приходили письма. Значит, живы... Ордена и медали старшего брата сейчас хранятся у меня. Показываю их детям во время встреч. Храню и кисет, который сшила для брата Василия в январе 1945 года. Хотя брат не курил, кисет он попросил для памяти о том, что я в тылу тружусь для фронта. Храню и кисет, который сшила для брата Василия в январе 1945 года. Учась в школе в 41-43 годах, он с одноклассниками помогал пожилой учительнице немецкого языка, по национальности немке: кололи дрова, носили воду, зимой расчищали дорожку к дому. Когда брат ушел на фронт, учительнице стала помогать я.

У меня хранятся три письма и две новогодние открытки к 1942 году от отца. Я их не просто храню. Ношу в школы на встречи с учениками, показываю, читаю, рассказываю о военных годах.

В одном из писем (от 21 февраля 1942 года) есть такие строки: *«Дорогое семейство, уведомляю вас о том, что в настоящее время я жив и здоров, чего и вам желаю. А еще работать на благо нашей Родины и для полного уничтожения германского фашистского зверя... Все, что вы читаете в газетах, слышите по радио, то все зверство, издевательство над нашим народом мы видим собственными глазами, отчего только возрастает ненависть к фашизму...»* Это одно из последних его писем: вскоре папа погиб...

А еще у меня есть маленькая фотокарточка отца с фронта, и теперь с ней, увеличенной, иду 9 мая в строю Бессмертного полка.

И какое же ликование было в селе, когда тот же Левитан сообщил по радио об окончании войны! На всем ее протяжении меня не покидала вера в нашу победу! Мы победили благодаря героизму нашего народа и на фронте и в тылу!

Мой отец, старший политрук Павел Михайлович Сидоров погиб на фронте, но два моих сына, пять внуков и восемь правнуков бережно хранят память о нем! Отец не получил хорошего образования, но у него была мечта, чтобы дети получили его. И мы исполнили ее!

Малолетние узники. Выжили назло врагу!

Шутова Ольга

Мы часто жалуемся на работу, зарплату, супруга или в целом на жизнь. Но после того, как пообщаться с людьми, пережившими блокаду, концлагерь, голод и холод и продолжающими с оптимизмом смотреть на мир, становится стыдно за свое малодушие.

Любовь Криницкая

*Ольга Шутова с молодым мужем Семеном
в Дивеевском ЗАГСе, 1958 год*

Ольга Семеновна Шутова родилась в Белоруссии в небольшой деревеньке Коптеличи в 1932 г. Семья была

большая: пятеро детей, среди которых Оля была самой старшей. Она и приглядывала за младшими, пока родители работали в колхозе. Оля успела закончить второй класс, когда началась война.

Война

«Ночью нас разбудили крики: «Вставайте! Война началась!» Немцы напали на Брест, – вспоминает Ольга Семеновна. – Все мужчины сбежали на большой колхозный двор, стали запрягать лошадей, собирать скот. Доверили нескольким подросткам коров угнать подальше, чтоб немцам не достались. Но, к сожалению, мальчишки всех коров утопили в Днепре, пытались брод найти. Так и вернулись с повинной обратно».

Через неделю в деревню пришли немцы, грязные, голодные. Начали грабить, убивать. Семью выгнали из дома в сарай. Весь скот, у кого остался, забрали и съели.

«Пока они шли на Москву, чувствовали себя победителями, мирное население особо не трогали. Но когда их погнали обратно, озлобились, стали убивать всех подряд. Первыми в нашей деревне сожгли семью моей тети (папиной сестры) за то, что ее муж был партизаном. Нашу семью тоже хотели сжечь, но бабушка с мамой, предугадав, собрали нас и увели в лес».

Это была зима 1942 года. Днем семья пряталась в болотах, а на ночь ставили шалаш на суше, варили картошку, пшеницу. Периодически партизаны взрывали немецкие машины с хлебом. И тогда женщины в потемках ходили собирать этот хлеб. На вкус он был как дерево, потому что в тесто добавляли липовой муки, чтобы хлеб не плесневел.

«Наша мама – смелая женщина. Всеми правдами и неправдами старалась нас прокормить, добывала еду. Бывало, неделями ничего не ели, кроме травы», – рассказывает Ольга Семеновна.

В рабстве

Весной 43-го семье пришлось вернуться в деревню, так как болота оттаяли, затопили все тайные тропки. И тут снова пришли в Коптеличи немцы, согнали жителей на площади, отобрали у матерей детей, погрузили в машины и повезли в деревню Новоселки.

О.С.Шутова: «Там нас побрили, помыли холодной водой. И построили по росту. Кто постарше был, повезли в Германию, в небольшой город Линденфельд. А ребят помладше (и мою сестренку с ними) забрали в Бобруйск. Там был немецкий госпиталь и у детей брали кровь для раненых солдат. А ее кровь не взяли, так как она болела тифом. И она там беспризорная ходила, побиралась. А когда освободили Белоруссию в 44-м, она быстрее меня попала домой».

В Линденфельде работал завод, который выпускал двигатели для самолетов «Юнкерс». А рабочей силой завод снабжал концлагерь, находившийся рядом. Туда и привезли детей из белорусской деревушки.

О.С.Шутова: «Нас раздели, набросили на нас черные простыни, и мы уже прощались друг с другом и плакали, так как думали, что сейчас умрем. Как потом оказалось, нашу одежду пропаривали, чтобы избавиться от паразитов. Очень фашисты боялись что-нибудь подхватить. Нас помыли. Мальчиков забрали работать на завод. Меня и еще четырех девочек отправили на кухню помогать поварихе. Чистили картошку, варили для рабочих еду».

Работали дети по 12 часов в день. Подъем в четыре утра. Жили в большой казарме – кровати в три яруса, матрасы и подушки набиты соломой, все белье черного цвета. Ольга Семеновна до сих пор помнит голод и страх и с приходом темноты накатывающую тоску по дому.

1944 год. Линденфельд.

Фото сделано для пропаганды,

О.С.Шутова: *«Плакали чтобы показать, как хорошо пленным каждую ночь, не давали спать охранникам. В*

детям живется в Германии

итоге нас отселили в отдельную комнату. А девочки постарше, 16-17 лет, нас успокаивали: «Не плачьте. Наши скоро придут». Комендатша, немка, злая была: за любую провинность била. А повариха, пожилая женщина, была к нам добра и подкармливала. Мы ее бабушкой звали.

А еще пытались нас учить немецкому языку, чтобы мы хоть немного понимали их приказы. А мы так были напуганы, что ничего не могли запомнить. А учительница жалела нас и говорила: «Девочки, старайтесь, чтобы вас не наказывали».

Почти два года Оля провела в концлагере. И как-то утром, проснувшись, дети удивились, почему их не подняли на работу. Оказывается, надзиратели все исчезли, а они остались одни. Выяснилось, что в город пришли американцы.

О.С. Шутова: *«Мы бесхозными остались. Никого нет, еды тоже нет. Уходили в город на поиски пищи.*

*Лето 1945, Харьков.
Возвращаясь домой,
сфотографировалась в украинском
костюме на харьковском рынке*

За нами приехал мужчина из нашей деревни. Вернулась я домой в конце июля 45-го. Мама картошки свежей сварила – это был настоящий праздник! Потом папа вернулся живой».

Дома Ольга пошла в школу. Окончила, поступила в педучилище. Работала в глухой деревне учителем начальных классов. Там встретила своего будущего мужа. Его потом направили служить в Арзамас-16. Так тут и осели. Сейчас Ольге Семеновне 85 лет. У нее два сына и два внука. И она без злобы смотрит на жизнь – «сколько там наверху отмерено, столько и проживу».

Помню, нашли хлебопекарню и лизали муку. Рвали щавель, одуванчики. Горько, но все равно ели. Спать возвращались снова в казарму на завод».

Так продолжалось две недели. А потом в казарме появился он – русский солдат! Он раздал хлеб и сказал, что война кончилась. И лишь спустя какое-то время детей отправили домой.

О.С.Шутова: «Сначала нас привезли во Львов, оттуда в Харьков. Там определили в интернат, выясняли, у кого родня жива осталась».

Спрашиваю: «Ольга Семеновна, какое самое теплое воспоминание тех лет?

«Когда кто-то возвращался с войны домой, – отвечает. – Моя бабушка была самая счастливая в деревне, потому что у нее вернулись живыми два сына и два зятя. Это была большая радость».

**Любовь Криницкая.
фото Анатолия Белухина**

***

Справка 10.04.2009: Только на территории России фашистские оккупанты расстреляли, задушили в газовых камерах, сожгли, повесили 1,7 миллионов человек (в том числе 600 тысяч детей). Всего же в концлагерях погибло около 5 миллионов советских граждан.

Лепёшки из мороженой картошки

Щенникова Зоя

Зоя Николаевна Щенникова 23.09.1936 г.р. была награждена Знаком победителя социалистического соревнования 01.11.1972 г., неоднократно выдвигалась на Доску почета цеха, ей объявлялись благодарности. Труд Зои Николаевны отмечен знаком «Ветеран труда» и благодарственными письмами ВНИИЭФ в честь 50-летия и 60-летия предприятия.

***

Они помнят. Сейчас уже и не сказать, что в воспоминаниях детей войны – их личное, а что – напластования, услышанные позднее. Важно ли это? Вряд ли. Дети войны пережили ее. Они помнят – и нам не дают забыть о молчаливом подвиге непосильной работы в тылу, об изнурительном голоде, о стылом ожидании вестей с фронтов. О без времени увядших матерях, об умерших и потерянных братишках и сестрёнках. Спасибо им – они помнят.

Татьяна Криницкая

***

Зоя Щенникова – Как началась война, я не помню – мала была, всего шесть лет. Но помню, что все кричали, когда мы провожали старшего брата Василия. Спокойный, уравновешенный, он был любимцем в семье. Отец на него возлагал большие надежды. Вася только что окончил десять классов, но выпускного вечера у них не было. Утром один из всего выпуска Василий был отправлен на обучение в Москву. Он хорошо учился в школе, отлично знал немецкий язык, имел значок «Ворошиловский стрелок», был активным участником общественной жизни школы, играл в школьном театре. Вначале он учился в Москве в военном училище в течение полугода, получил звание лейтенанта и был направлен в действующую армию.

Тыл на войне

Зимой 1942 года ушел на фронт отец. С началом войны жизнь стала трудной – в магазине отоваривали карточки на хлеб, а так как жили в сельской местности, хлебный паек был меньше, чем в городе. Спасало приусадебное хозяйство. Пока был дома отец, еще сводили концы с концами – у нас в семье было еще трое детей и бабушка.

Копали грядки, поливали огород, пололи сорняки, косили сено, а потом перевозили его на тележке. Мне было шесть, младшему брату четыре года, а старшей сестре – шестнадцать. Зимой сено и дрова возили на санках, запрягаясь с сестрой. Летом большим подспорьем были ягоды и грибы – уходили в лес затемно, приносили корзины груздей и сыроежек, их мама солила в бочках. Ягоды сушили на печке, а зимой заваривали

вместо чая. После ухода в армию отца жили только на карточку мамы Александры Ивановны. Разделит она кусок между нами, детьми, и свекровью, а сама не ест. А братишка не понимает, торопясь, проглотит свой кусочек и поглядывает на всех. Мама от своего кусочка отломит – ему отдаст. Самым вкусным были лепешки, приготовленные из мороженой картошки, – этот вкус мне никогда не забыть.

С осени 1941 года к нам под Челябинск эвакуировали основные мощности, специалистов, рабочих Кировского завода из Ленинграда и их семьи, близких. В нашем доме поселились две учительницы. Вместе с нами они ходили собирать мороженую картошку, помогали в огороде. Одна – Нина Николаевна – преподавала русский и литературу. Она читала нам стихи русских поэтов и свои.

Учеба в военное время – особая страничка памяти. Педагогов не хватало, занятия велись в две смены. Не хватало освещения и дров – за дровами старшеклассники ездили, привозили на санях. И все равно на занятиях сидели в шапках и тулупах. Не было тетрадей – писали на газетах и меловых досках, вместо чернил – разведенная сажа. Один учебник на несколько человек, чтобы выполнить домашнее задание, вставляли затемно и смотрели, у кого из одноклассников свет горит, к тому и бежали. Вместе с нами учились ребята

из детских домов – на выходные их брали в семьи, чтобы подкормить, обогреть, поддержать. Помню, одна из эвакуированных девочек наотрез отказалась учить немецкий – я ее понимаю: во время бомбежки у нее на глазах погибла вся семья... С ребятами из детского дома мы сдружились, помогали им сажать овощи на участке возле барака, в котором они жили. Там были дети разного возраста – нашим семьям помогали им одеждой, овощами.

Моя старшая сестра Анна окончила десятилетку, и ее приняли в Челябинский политехнический институт. Из институтов Челябинска многие студенты ушли на фронт, некому стало учиться. И вот днем девчонки осваивали азы производства, а по ночам грузили вагоны, которые отправлялись на фронт. Анна успевала не только учиться, но и нам в деревне помогать. Даже тогда юным студенткам хотелось приодеться – и Аня научилась шить. Кое-что перепало и мне.

Братишка Виктор помогал по дому по мере возможностей. Он с нетерпением ждал писем от отца и даже завел себе голубей, чтобы они принесли ему письмо. А если играл с ребятами «в войну», то обязательно старался победить: «А как иначе? – говорил он, – я же за отца воевал!»

«Войне конец!»

...Помню залитую солнцем деревенскую улицу, стайки мальчишек, возбужденно крича, бегут от дома к дому с известием: «Войне конец!» Смеются, обнимаются, целуются соседи. Я вбегаю домой вместе с братом. Мама тихонько сидит в уголке. Мы утыкаемся ей в грудь, она обнимает нас и плачет.

*Они гибли от болезней, голода и при бомбёжках,
Живя порой в землянках и заброшенных сторожках.
Многие претерпели страшный поворот,
Потеряв родителей, превратились
в обездоленных сирот.
Они лишены родительской любви и внимания,
Обречены на душевные страдания.
Недостаёт им материнской ласки,
Никто не прочитает на ночь сказки.
Папа на фронте боевом, мама на фронте трудовом.
Лежит малыш, молчание храня, душой взывая:
«Мама! Где ты? Пожалей меня!»
Тусклый взгляд, рахитичная фигура,
Кожа, кости, отсутствует мускулатура.
Постоянно донимает холод,
Желудок сводит острый голод.
Они не мечтают о конфетах и печенье,
Или о каком то вкусном угощенье,
Одни мечты – хлеба! Поесть досыта хлеба,
И чтобы наступила долгожданная победа.*

З.Н. Щенникова

Эпилог

*С чего начинается память – с берез?
С речного песка? С дождя на дороге?
А если – с убийства! А если – со слез!
А если – с воздушной тревоги!*

*А если с визжащей пилы в облаках,
Со взрослых в пыли распростертых!
А если с недетского знания – как
Живое становится мертвым.*

К.Симонов

1. В первом сборнике воспоминаний детей войны (ВДВ) «Опалённые бедой. Дети войны и Победы» приводятся 36 статей ВДВ жителей г. Саров и 4 заметки школьников о детях войны, опубликованных в газетах города.

Ю.И. Файков о Сборнике ВДВ, декабрь 2016 г.
«Нужно продолжать»:

- *Инициатива общества «Дети войны» очень светлая и добрая. Книга удалась, но она не окончена, скорее, только начата.*
- *Её стиль и направленность открывают возможность собрать самые яркие – на всю жизнь! – детские воспоминания простых людей с различными судьбами о военном и послевоенном времени...*
- *Сборник ВДВ «стал возможен и является ярким свидетельством того, что преемственность поколений победителей и послевоенного состоялась!*

— Для возрождения духовно-нравственного воспитания нужно... продолжить дальнейшее написание и издание книги... Наше дело правое».

*Не жалея сил во имя Родины,
Дети героической страны
Были настоящими героями.*

Р. Рождественский

2. Активисты СГОО «Дети войны» совместно с работниками департамента образования г. Саров проводили чтение вслух и беседы со школьниками на тему «Лучше бы не было войны» с вручением первого сборника ВДВ. Ключевые моменты письменных откликов детей: «... НЕТ ВОЙНЕ! ВОЙНА ЭТО ПЛОХО! СПАСИБО ЗА ПОБЕДУ! СЛАВА ВЕТЕРАНАМ! СЛОВА «ВОЙНА» БЫТЬ НЕ ДОЛЖНО!». Школьникам 21 века вместе с их учителями предстоит не допустить возникновения новых «горячих» войн, сделать родную Россию процветающей и богатой, сильной и уважаемой в мире державой, вызывающей гордость россиян.

*И в пять,
И в пятнадцать,
И в двадцать пять лет
Войной начинается память.
Здесь в этой стране,
Где не помнящих – нет,
Попробуем это представить...*

К.Симонов

3. Новый сборник ВДВ «Дети войны и Победы. Опалённые войной», который вы сейчас держите в руках:
- Содержит 34 новых статей ВДВ немногих из 6,5 тыс. саровчан – ныне здравствующих детей войны и Победы 1928-1945 г.р. (73 года и старше), за которых шли на погибель их отцы, а в тылу матери надрывались от непосильных условий жизни;
  - Обращает внимание на то, что наше ядерное оружие (ЯО) сдерживает агрессора, а надёжное обеспечение безопасности Отечества и нашего народа обеспечивает преемственность поколений детей войны и молодых разработчиков. Это обосновывает также брошюра испытателей ЯО Анатолия Веселовского и Германа Иоилева «Наше дело правое. Ядерный щит России детям XXI века от детей войны и Победы».

*Я защитил родимый дом Ракетно-ядерным щитом,
Вы берегите этот щит, он ваше завтра защитит.
Сейчас отбой, но знаем мы: орудия зачехлены!
Не дай Бог, дрогнет этот мир,
тогда приказ даст командир...*

Николай Марута

Библиография

Опалённые бедой. Дети войны и Победы

Сборник «Опалённые бедой. Дети войны и Победы» воспоминаний детей войны (ВДВ) – воспоминания участников СГОО «Дети войны» – социально-ориентированной общественной организации с уставным видом деятельности – «деятельность в сфере патриотического, в т.ч. военно-патриотического, воспитания граждан РФ». В сборник вошли опубликованные в СМИ г. Саров 36 статей, в т.ч. авторов настоящего сборника, немногих из 6,5 тысяч саровчан – пока ещё здравствующих детей Великой Отечественной войны (ВОВ) и Победы 1928-1945 г.р., за которых шли на гибель их отцы.

Авторы воспоминаний считают важным развитие патриотического воспитания российской молодёжи. Поэтому в Сборник ВДВ были включены также стихи и заметки школьников об участниках боевых действий и детях ВОВ. Особенность 40 статей сборника ВДВ – они были написаны жителями Сарова, посвящены им и опубликованы в СМИ г. Саров. Состав общественной редколлегии сборника ВДВ: А.В. Веселовский – председатель, Г.Ф. Иоилев – зам. председателя, общественный редактор, Н.В. Почтарюк – зам. председателя, отв. за СМИ, члены редколлегии – С.М. Бабадей, В.И. Егоров, Г.М. Янбаев, при участии А.В. Яицкого и Б.Т. Кодолы. Общественной

редколлегией были подготовлены материалы для вёрстки оригинал-макета сборника ВДВ, изданного тиражом 250 экз. за счёт средств физических лиц.

**Наше дело правое.
Патриотическая преемственность
поколений**

«У нас нет и не может быть никакой другой объединяющей идеи, кроме патриотизма. Это и есть национальная идея. Она не идеологизирована, не связана с деятельностью какой-то партии или стратой в обществе. Если мы хотим жить лучше, нужно, чтобы страна была более привлекательной для всех граждан», –
В.В. Путин, 03.02.2016.

*«И мир вокруг по швам трещит,
И шрамы набухают кровью,
А мы как прежде держим щит
Пустому вопреки злословью».*

**Клеветникам России.
Владимир Воров, 2004 г.**

«Наше дело правое. Ядерный щит России дети войны и Победы передают детям XXI века». Авторы этой брошюры – испытатели ядерных зарядов и ядерного оружия (ЯО) в войсковых частях Министерства обороны. По материалам своих публикаций в журнале «Атомная стратегия» они кратко рассказывают о развитии и состоянии ракетно-ядерного щита СССР и РФ, который стратегически сдерживал и сегодня сдерживает агрессора.

*«Мир рушится, но что им мир,
чужой они желают крови.
Америка — вот их кумир,
и ложь на Русь – суть их условий.
Мы не ушли от нищеты,
хотя страна весьма богата,
но крепко держи мы щиты,
от зол мирских прикрыв собрата».*

**Клеветникам России.
Анатолий Шалев, 20 ноября 2017 г.**

Для обеспечения информационной безопасности РФ в условиях новой холодной войны цель работы СГОО «Дети войны» – **информационное участие в патриотическом воспитании нашей молодёжи с развитием преемственности поколений победителей**. Школьникам XXI века вместе с их учителями предстоит не допустить возникновения новых войн, сделать родную Россию процветающей и богатой, сильной и уважаемой в мире державой, вызывающей гордость россиян.

*«Мы дети войны и голодного детства...
Мы создавали ядерный щит,
Который страну от врагов защитит.
Космос освоили и целину,
От холодной войны защитили страну».*

Н.С. Барышников

Военная доктрина РФ оставляет за собой право использовать ЯО только в ответ на применение против нее или ее союзников ядерных и других видов оружия массового поражения или в случае **агрессии против неё или её союзников** с применением обычного вооружения, когда под угрозу поставлено само существование государства.

В сфере высокоточного, в т.ч. ядерного, гиперзвукового оружия преемственность поколений детей войны и новых разработчиков состоялась.

Об этом сказал **президент РФ** в послании Федеральному Собранию 01 марта с.г.: **«Главное – надёжно**

обеспечить безопасность Отечества и нашего народа... Любое применение ЯО против России или ее союзников малой, средней, да какой угодно мощности мы будем рассматривать как ядерное нападение на нашу страну. Ответ будет мгновенным и со всеми вытекающими последствиями).

Введение

- 1) Гимн ООО «ДЕТИ ВОЙНЫ». <http://xn----dtbeepi2ag6a4g.xn--p1ai/gimn.html>
- 2) Постановление от 01.06.2016 г. общего собрания Саровской городской общественной организации «Дети войны» (СГОО «Дети Войны»)
- 3) Анатолий Веселовский. Ядерный щит. Записки испытателя ядерного оружия. РФЯЦ-ВНИИЭФ. Саров (Арзамас-16), 1999 г. http://elib.biblioatom.ru/text/veselovskiy_yademy-schit_2003/go,2/
- 4) В Сарове прошло собрание детей войны. 02.06.2017. <http://sarov.ru/novosti/glavnye/>
- 5) «Опалённые бедой. Дети войны и Победы». СГОО «Дети войны». Информационно-издательское агентство «Саров» 2016 г. <http://dv2845.ru/book/>, <http://sarpust.ru/2017/01/kniga>, <http://pdf.knigi-x.ru/21pedagogika/>, <https://www.edusarov.ru/docs/raznoe/VDV.pdf>
- 6) Анатолий Веселовский, Герман Иоилев. «Наше дело правое. Ядерный щит России детям XXI века от детей войны и Победы». Информационно-издательское агентство «Саров» 2017 г. <https://alumniclub.mephi.ru/literature>, <https://www.kompas-rf.ru/category/warkids/>, <http://proza.ru/2018/01/13/2017>,
- 7) Испытатель ядерного оружия (К 85-летию А.В.Веселовского). 14.03.2018. <http://zatosarov.ru/novosti/glavnye/ispytatel-yadernogo-oruzhiya-k-85-letiyu-a-v-v>, Один из тех, кто готовил супербомбу. Страна Росатом ВНИИЭФ № 153, 1 марта 2018
- 8) Календарный план-график проведения в 2017-2018 учебном году бесед с учащимися школ города Саров в рамках проекта «Дети войны и Победы. Лучше бы не было войны». Утв. Заместитель директора департамента образования Администрации г. Саров 18. 09.2017 г., Председатель правления СГОО «Дети войны». 15.09. 2017 г.
- 9) Послание Президента Федеральному Собранию. 1 марта 2018 года. <http://kremlin.ru/events/president/news/56957>
- 10) В лицее №3 заработает лекторий в музее Великой Отечественной войны. 18.09.2017. <https://vk.com/zatonovosti>
- 11) Читаем вслух. 04.01.2016 Простые слова о непростом времени. 04.01.2018. <http://sarovpressa.ru/novosti/>

ВОСПОМИНАНИЯ ДЕТЕЙ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

1. Банникова Елена. «Уха от дяди Жоры». «Новый город» 10/мая /2017/ № 18 /235/
2. Безменов Анатолий. «Всегда впереди». «Отражение души. Стихи из личного архива». ЛАП завода ВНИИЭФ. Саров 1997. Валентина Порваткина
3. Белукова Таисия. «Это было на Кубани». «МЕДИНФО-Саров» № 10 (144) в редакции Г.Э. Урусовой. «ВЕСТИ города» № 12 от 28 марта 2018 г., «ВЕСТИ города» № 13 от 4 апреля 2018 г., Г.М. Янбаев
4. Борисов Александр. «Всё только начинается». «ВЕСТИ города» №2 от 17 янв. 2018, Надежда Почтарюк
5. Доброжеланнова Екатерина. «Малолетние узники». «Новый город» 10/мая/2017 /№ 18/235/, Ксения Малышева
6. Дроздов Юрий. «День Победы – это день моего рождения»
7. Завалишин Юрий. «Ю.К. «Лихолетье буду помнить всегда». «ВЕСТИ города» № 18 от 10 мая 2017 г., Валерия Александрова
8. Иоилев Герман. «Не паникуй». «Экспериментатор, испытатель, землеустроитель...», (К 80-летию Г.Ф. Иоилева). «Вести города» №2 18.01.2017.
9. Иродова Нина. «В эвакуацию». «Новый город» 10/мая/2017 / № 18/235/, Татьяна Криницкая
10. Кельин Василий. «Пьедестал для победителей». «ВЕСТИ города» № 25 от 28 июня 2017 г., Надежда Почтарюк, Сергей Арзамасцев
11. Кокоулина Татьяна. «Военное детство саровской Тани Савичевой». «ВЕСТИ города» № 41 от 18 октября 2017 г. Надежда Почтарюк
12. Кузнецов Алексей. Труженик тыла, секретарь горкома, директор. Исторический очерк», РФЯЦ-ВНИИЭФ, Саров. 1998. «НАГРАДЫ ОТЕЧЕСТВА. 1949-2004». ФГУП «РФЯЦ-ВНИИЭФ», Саров 2006. «ВЕСТИ города». № 25 от 22 июня 2011 года. «САРОВ» № 13 (1311) 29 марта 2017 года.
13. Курина Элли. «Детства у меня не было». «Новый город» 10/мая/2017 / № 18/235/. Татьяна Криницкая.
14. Лепихова Екатерина. «Мы все тянулись к чему-то хорошему». «ВЕСТИ города» № 8 от 28 февраля 2018 г. Надежда Почтарюк
15. Линник Вячеслав. «Себя пожилым не считаю». «ВЕСТИ города» № 39 от 4 октября 2017 г. Надежда Почтарюк
16. Поликарпов Лев. «Когда пройдешь дорогами войны». «ВЕСТИ города» №7 от 21 февраля 2018 г. Надежда Почтарюк.

17. Приемский Дмитрий. «Блокадник, учёный, настоящий полковник...». «Дороги старого профессора», РФЯЦ-ВНИИЭФ 2015 г., А.В. Веселовский.
18. Почтарюк Надежда. «ВЕСТИ города» №13 от 4 апреля 2018 г., Татьяна Криницкая
19. Сазонов Виктор. О военном детстве. «ВЕСТИ города» № 16 от 25 апреля 2018 г.
20. Синяпкин Юрий. «На краю войны». «Саровская пустынь» №6 июнь 2015.
21. Сустатов Николай. «Без прикрас о послевоенном детстве». «Новый город» №25(137) 17.06.2015 г.
22. Тюленина Жанна. «Молодогвардейцы: право на честь и славу». ВНИИЭФ: ОБЗОР НЕДЕЛИ № 3 (106) 25 января 2012 г. «Они помнят. Молодая гвардия». ВЕСТИ города» №24 от 21 июня 2017 г., Татьяна Криницкая, Надежда Почтарюк.
23. Файзуллин Сулейман. «Это было в глубоком тылу»
24. Файков Юрий. «Плавно Амур свои волны несет...». «ВЕСТИ города» №46 от 22 ноября 2017 г., Валерия Александрова.
25. Царапкина Татьяна. «Дети разбитых эшелонов». «ВЕСТИ города» №24 от 21 июня 2017 г., Татьяна Криницкая, Надежда Почтарюк
26. Шелестова Таня. Девочка Таня
27. Шлаитова Юлия. «Все было будто бы вчера...». «ВЕСТИ города» №45 от 15 ноября 2017 г., Надежда Почтарюк
28. Шутова Ольга. «Малолетние узники. Выжили назло врагу!». «Новый город» 10/мая/2017 / № 18/235/, Любовь Криницкая.
29. Щенникова Зоя. «Лепёшки из мороженой картошки». «Новый город» 10/мая/2017/ № 18/235/

**Общественная редколлегия
Сборника воспоминаний детей войны (ВДВ)
Опалённые войной.
Дети войны и Победы.**

1 ряд – Н.В. Почтарюк, А.В. Веселовский, Г.Ф. Иоилев;
2 ряд – В.И. Егоров, М.И. Бекенёва, Г.М, Янбаев

*Общественная редколлегия выражает
признательность журналистам г. Саров
за публикацию статей и заметок ВДВ
наших горожан – детей войны.*

Содержание

Гимн Общероссийской общественной организации «Дети войны»	3
Задачи СГОО «Дети войны»	6
Его талант и принципиальность (к 85-летию А.В. Веселовского)	8
Первоочередные меры патриотического воспитания	10
Воспоминания детей Великой Отечественной войны	17
Банникова Елена. <i>Уха от дяди Жоры</i>	17
Безменов Анатолий. <i>Всегда впереди</i>	23
Бекенёва Мария. <i>Вятские Поляны</i>	28
Белукова Таисия. <i>Это было на Кубани</i>	32
Борисов Александр. <i>Все только начинается</i>	42
Дибирова Людмила. <i>На линии фронта</i>	47
Доброжеланнова Екатерина. <i>Малолетние узники</i>	50
Дроздов Юрий. <i>День Победы – это день моего рождения</i>	54
Жолобова Галина. <i>Выживали...</i>	60
Завалишин Юрий. <i>Лихолетье буду помнить всегда</i>	62
Иоилов Герман. <i>Не паникуй</i>	71
Иродова Нина. <i>В эвакуацию</i>	79
Кельин Василий. <i>Пьедестал для победителей</i>	84
Кокоулина Татьяна. <i>Военное детство саровской Тани Савичевой</i>	96
Колыхалова Нина. <i>На подножном корму</i>	101
Кузнецов Алексей. <i>Труженик тыла, секретарь горкома, директор</i>	104
Курина Нэлли. <i>Детства у меня не было</i>	111
Лепихова Екатерина. <i>Мы все тянулись к чему-то хорошему</i>	114
Линник Вячеслав. <i>Себя пожилым не считаю</i>	121
Поликарпов Лев. <i>Когда пройдешь дорогами войны...</i>	126
Почтарюк Надежда. <i>Помните!</i>	130
Приемский Дмитрий. <i>Блокадник, учёный, настоящий полковник...</i>	132
Сазонов Виктор. <i>О военном детстве</i>	144
Синяпкин Юрий. <i>На краю войны</i>	148
Сунцова Светлана. <i>Без кукол и с лошадками</i>	155
Сустатов Николай. <i>Без прикрас о послевоенном детстве</i>	158

Тюленина Жанна. <i>Они помнят. Молодая гвардия</i>	162
Файзуллин Сулейман. <i>Это было в глубоком тылу</i>	167
Файков Юрий. <i>Плавно Амур свои волны несет...</i>	176
Царапкина Татьяна. <i>Дети разбитых эшелонов</i>	192
Шелестова Татьяна. <i>Девочка Таня в эвакуациях</i>	195
Шлаитова Юлия. <i>Все было будто бы вчера...</i>	200
Шутова Ольга. <i>Малолетние узники. Выжили назло врагу!</i>	204
Щенникова Зоя. <i>Лепёшки из мороженой картошки</i>	210
Эпилог	215
Библиография	218
Редколлегия	225

Литературно-художественное издание

Опаленные войной. Дети войны и Победы

Сборник статей

Общественная редколлегия Сборника – от СГОО «Дети войны»: А.В. Веселовский – председатель, Г.Ф. Иоилев – зам. председателя, общественный редактор, Н.В. Почтарюк – зам. председателя, отв. за СМИ, члены редколлегии – М.И. Бекенёва, В.И. Егоров, Г.М. Янбаев.

Технический редактор А. Ломтев

Корректор – Г.Ф. Иоилев

Дизайн, верстка – РА «РАЗ»

тел.: +7 (83130) 6-88-46

www.razprint.ru

Информационно-издательское агентство «Саров»

г. Саров Нижегородской обл. ул. Зернова д. 9 пом. 3

+7 (83130) 6-72-07

Отпечатано: ООО «Интерконтакт» 607190, Нижегородская обл.,

г. Саров, ул. Герцена д. 46, оф. 101

тел.: +7 (83130) 6-26-46

Подписано в печать 26.04.2018 г.,

Формат 60x84 1/16., Усл. печ. л. 13,02.

Тираж 300 экз. Заказ № 372

Издательство ООО «Интерконтакт»

607190, Нижегородская обл., г. Саров, ул. Герцена д. 46

тел.: +7 (83130) 6-26-46

e-mail: sgt2004@list.ru

<http://саровпринт.пф/>